МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

ВЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ВОЗНЕСЕНСКАЯ ЕКАТЕРИНА ИОСИФОВНА

ОБЩИННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЯТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СОВЕТСКОЙ ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ (1917–1930 ГГ.)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В.И. БАКУЛИН

Киров – 2008

Содержание

Введение 3
Глава 1. Крестьянская община в годы революции и Гражданской войны 29
1.1. Община и новая власть: первый опыт взаимодействия 29
1.2. Роль «мира» в разрешении земельно-хозяйственных проблем. 52
Глава 2. От сельского к земельному обществу: новый статус и его реальное воплощение (1922–1926 гг.) 76
2.1. Земельно-хозяйственные функции общины на новом этапе 76
2.2. Социальные и культурно-бытовые функции «мира»: «новое в старом и старое в новом» 108
2.3. Община и сельсовет: характер взаимоотношений 132
Глава 3. Община в условиях подготовки и начального этапа коллективизации (1927–1930 гг.) 157
3.1. От подчинения к ликвидации земельного общества: шаги центральных и местных властей 157
3.2. Реакция общинного крестьянства на политику государства 174
Заключение 187
Список источников и литературы 192
Приложения 219

Введение

Актуальность темы. Крестьянская община в России насчитывает многовековую историю. Она является преемницей первобытной родовой общины[1]. Именно она стала той формой организации крестьянства в нашей стране, которая веками обеспечивала выживание как большей части населения, так и всего государства[2]. История общины это во многом отражение истории страны в целом. Именно поэтому её изучение так важно для осмысления всего российского исторического процесса.

Крестьянская община в ходе своей эволюции прошла несколько этапов, последний из них и наименее изученный – это советский период её истории вплоть до ликвидации этого института в ходе сплошной коллективизации деревни.

В последнее десятилетие интерес к истории общины значительно вырос, стали пересматриваться многие выводы, закрепившиеся в советской историографии (например, о свободном, естественном развитии общины в постреволюционный период, о постепенном её разрушении и передаче её функций сельсоветам, о «двоевластии» в деревне 20-х гг. и др.), порой страдающие схематизмом и упрощением действительности, восполняются пробелы в её истории. Однако по-прежнему есть лакуны, заполнить которые необходимо для целостного представления о том, что собой представлял этот социальный институт в последние годы своего существования. Это во многом касается региональных исследований, которые в свою очередь позволяют создать более объективную и полную картину как жизни советской доколхозной деревни, так и всего Советского государства.

Актуальность темы усиливается ещё и тем, что, как и тогда, сейчас российское общество находится на переходном этапе своей истории, выбирая оптимальные социальные формы, институты, экономические и политические

[1] Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: Проблемы типологии. – М., 1978. – С.15.

[2] См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998. – С. 399-400, 417-418 и др.

модели жизнедеятельности. Более того, аграрный вопрос в России это не только прошлое, но и настоящее. В связи с этим особую значимость приобретает исторический опыт, традиции, идущие из глубины веков, нашедшие отражение в менталитете и национальном характере российского народа.

Объектом исследования является крестьянская община Вятской губернии в контексте социально-экономической, политической и культурной трансформации постреволюционной советской деревни.

В качестве **предмета** выступают эволюция вятской общины, происходившие в ней процессы и её связи с окружающим миром в конкретный исторический период.

Под общиной вслед за многими исследователями мы понимаем исторически сложившийся социальный институт, который организовывал жизнедеятельность своих членов, практически реализуя целый ряд функций.

Предварительно укажем, что термины «мир», «община», «сельское общество» и «общинная организация» будут использоваться нами как равнозначные, за исключением особо оговоренных случаев.

Территориальные рамки исследования ограничены преимущественно Вятской губернией в границах, сложившихся после территориального размежевания с Вотской АО, Татарской и Марийской АССР и Пермской губернией в 1920 г. Это была земледельческая губерния с незначительным уровнем урбанизации и развития промышленности. Поэтому исследование общины на её территории представляется важным для характеристики и выявления тенденций в развитии как данного региона, так и феномена русской общины в целом.

Хронологические рамки охватывают заключительный этап функционирования в российской деревне крестьянской общины – 1917–1930 гг. Начало периода – отправной пункт истории советского общества и вместе с тем важнейшая веха истории крестьянства России, реализовывавшего в ходе революции 1917 г. свои представления о справедливом общественном

устройстве. Конечная дата выбрана в связи с юридическим упразднением земельного общества как легального института и началом фактической ликвидации крестьянской общины в ходе массовой коллективизации. Внутри периода выделяется ряд этапов, отличающихся, прежде всего характером взаимоотношений крестьянского «мира» и советского государства.

Степень изученности темы.

На протяжении длительного времени история советского доколхозного крестьянства является одним из приоритетных направлений отечественной аграрной истории. Внимание учёных привлекали вопросы земельной политики первых лет советской власти, восстановления сельского хозяйства в период после Гражданской войны, социальных изменений, классовой борьбы в деревне, становления системы низовых Советов, подготовки и осуществления коллективизации и др. История крестьянской общины советского периода в этом отношении выглядит менее представленной в научных исследованиях. В изучении вопроса можно выделить ряд этапов, в целом совпадающих с периодами развития новейшей отечественной историографии: 1) с 1917 до конца 1920-х гг., 2) 1930-е – середина 1950-х гг., 3) с середины 1950-х до середины 1980-х гг. и 4) с середины 1980-х гг. до сегодняшнего дня.

Первые работы по истории общины послереволюционного времени, вышедшие в свет в 1920-е гг., выдвигали тезис о возрождении общины в ходе аграрной революции и раскрывали её первостепенную роль в проведении уравнительного перераспределения земли[3].

Отдельные стороны эволюции общины в ходе становления в деревне советской формы управления были показаны в работах М.Резунова, А.Лужина[4]. В них рассматривались материально-финансовые аспекты взаимодействия общины и Советов, определялась роль сельского схода в общественной жизни

[3] Дубровский С.М. Очерки русской революции. Вып.1. – М., 1923; Келлер В., Романенко И. Первые итоги аграрной реформы: Опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии. – Воронеж, 1922; Огановский Н. Община и земельное товарищество // О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. Вып.1. – М., 1921. – С.79-91; Першин П.Н. Первые итоги аграрной реформы: Вступительная статья // Келлер В., Романенко И. Указ. соч. – С. 3-18.

[4] Лужин А., Резунов М. Низовой советский аппарат (сельсовет и волисполком) – М., 1929; Резунов М. Сельские Советы и земельные общества. – М., 1928.

послереволюционной деревни, анализировались трудности советского строительства в условиях укоренённости в деревне традиционного мирского уклада.

Необходимо выделить работу М. Резунова «Сельские сходы и земельные общества». Проанализировав различные виды источников, автор не высказывал сомнений в том, что в деревне 1920-х гг. существовала старая поземельная община, облечённая в правовую форму земельного общества. Рассматривая вопрос о взаимоотношениях общины в лице схода и сельсовета, автор априорно исходил из того, что с 1917 г. они развивались параллельно. Но, имея прочную материальную базу, финансовую независимость, земельные общества присваивали себе ряд прав, принадлежащих сельским Советам, общинные сходы подменяли в ряде случаев сельсоветы, что в свою очередь, сформировало двоевластие в деревне[5].

Освещение получили в этот период и правовые аспекты деятельности крестьянской общины как земельного общества. Подробному анализу были подвергнуты такие вопросы, как отличие земельных обществ советского времени от дореволюционных сельских обществ, структура органов управления земельного общества и круг решаемых ими вопросов, порядок внутриобщинных и земельных отношений. Особенностью данных работ было то, что их авторы законодательные нормы нередко принимали за нормы действительности. Это хорошо просматривается в представлении о земельном обществе только как добровольном союзе дворов для совместного ведения земельно-хозяйственных дел, совершенно лишённого управленческих функций[6].

Нередко вопросы, связанные с общинным землепользованием и его развитием, мирским самоуправлением и его отношением с советскими органами власти находили отражение в работах, написанных по итогам обследований жизни деревни в 1920-е гг., каковых немало проводилось в то

---

[5] Резунов М. Указ. соч. – С.7, 9-10, 34 и др.
[6] Дембо Л.И. Крестьянский двор и земельное общество. – Л., 1926; Козлов Н.И. О земельном обществе. – М.–Л., 1926.

время[7]. Особенно интересны материалы, представленные в исследовании М.Я. Феноменова, который на примере новгородской деревни Гадыши показал действительный авторитет общинного схода, характер его взаимоотношений с сельсоветом, а также высокую степень сохранности традиционного мирского уклада[8].

Особенности, недостатки общинной формы землепользования, а также пути её развития рассматривались в работах, посвящённых проблемам землепользования и землеустройства[9].

Основные историографические итоги данного периода таковы. Во-первых, был сделан вывод о послереволюционном укреплении общины. Во-вторых, – о её важнейшей роли в ходе аграрной революции. В-третьих, наряду с выводом о существовании старой общины, были охарактеризованы и её новые черты, а именно: утрата после 1917 г. общиной своего сословного характера и превращение в добровольное объединение крестьянских дворов с целью совместного пользования землёй, а также отсутствие у земельных обществ административных и фискальных функций. Вместе с тем основательных исторических трудов по общинной проблематике в первый период создано не было.

В 1930 – 1950-е гг. община практически не изучалась. Интерес учёных к проблеме вновь проявился в конце 1950-х гг., в связи с публикацией нескольких ярких исследований В.П. Данилова, С.П. Трапезникова и ряда других учёных-аграрников[10]. В работах этих авторов вновь была озвучена мысль о важной роли общины в процессе уравнительного перераспределения

---

[7] См., например: Большаков А.М. Деревня 1917–1927. – М., 1927; Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни. – М.–Л., 1925; Феноменов М.Я. Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни. В 2 ч. – Л.–М., 1925; Яковлев Я. Деревня как она есть. – М., 1923; он же. Наша деревня: Новое в старом и старое в новом. – М., 1924 и др.

[8] Феноменов М.Я. Указ. соч. Ч.2. – Л.–М., 1925.

[9] Киндеев К.Я. Вопросы землеустройства. – М., 1925; Основные начала землепользования и землеустройства. – М., 1927.

[10] Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР. – 1958. – № 3. – С. 90-128; Луцкий Е.А. О сущности уравнительного землепользования в Советской России // Вопросы истории. – 1956. – № 9. – С. 59-71; Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. – М., 1959; Шарапов Г.В. К вопросу о сущности уравнительного землепользования в Советской России // Вопросы истории. – 1957. – № 3. – С.113-119.

земли в ходе аграрной революции, и был поднят вопрос о судьбе общины в годы коллективизации.

Острая дискуссия разгорелась в 1960-е гг. по поводу проблемы места общины в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Сложилось две точки зрения, которые совпадают в основных моментах при характеристике развития общины в 1917–1929 гг., но по-разному оценивают её роль в процессе коллективизации. Одну олицетворял С.П. Трапезников, по мнению которого в России всецело осуществилась идея К. Маркса о возможности перерастания общины в социалистическую форму земледелия. Он трактовал коллективизацию как переход общинных институтов в высшую фазу своего развития и превращения их в «опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства страны»[11]. Заведующего отделом науки ЦК КПСС поддержали С.Д. Зак и М.М. Широков[12].

Иная точка зрения была высказана В.П. Даниловым, считавшим, что крестьянская община не соответствовала задачам социалистической реконструкции сельского хозяйства, что нужно говорить не о превращении её в переходную ступень к колхозу, а о коренной ломке всех единоличных форм землепользования в ходе сплошной коллективизации[13].

Уже в 1990-е гг. В.П. Данилов вспоминал, что дискуссия вскоре охватила всю проблематику истории общины как социального института: происхождение, внутренняя организация и функционирование, характер и роль в жизни общества. К этому побуждала логика исследований по истории крестьянства, оживившихся в конце 1950-х – начале 1960-х гг.[14]

Особую значимость для изучения общины имела работа Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в первой половине 1970-х гг., в рамках которого действовали секции

---

[11] Трапезников С.П. Указ. соч. – С.64, 66. См. также: его же. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. – М., 1965. – С.78-88.

[12] См.: Данилов В.П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества. – М., 1971. – С.233.

[13] Он же. Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР.– 1958.– № 3. – С.128; он же. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. – С.233.

[14] Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. – 1994. – №6. – С.4.

«Общественные институты сельского населения» на XII и XIII сессиях, «Общинные организации сельского населения» на XIV и XV сессиях. На заседаниях рассматривались наряду с общими проблемами истории общины как социального института, присущего разным народам, в частности русскому (происхождение, стадиальная типология, региональные особенности, эволюция внутренней организации, роль в жизни общества и т.д.) черты эволюции «мира» в России в пореформенную эпоху (П.Н. Зырянов), типология общинных организаций в послереволюционной деревне (В.П. Данилов), взгляды на русскую общину К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина (С.Д. Зак, В.П. Данилов), роль общины в аграрной революции 1917–1918 гг. (Е.А. Луцкий)[15]. На основе докладов XV сессии Межреспубликанского симпозиума был составлен отдельный сборник статей по общинной проблематике[16].

Результатом стал выход исследования проблемы на качественно новый уровень. Историки отказались от узкой трактовки общины лишь как поземельной организации, главными признаками которой были уравнительность распределения крестьянских наделов, сословная замкнутость и круговая порука. Община начала признаваться универсальным социальным институтом, соединявшим в себе социально-экономическую организацию, организацию местного самоуправления и единое культурно-бытовое пространство.

Особый вклад в разработку проблем развития крестьянской общины послереволюционного периода внесли работы В.П. Данилова, написанные в 1970-е гг.[17] На основе анализа широкого круга источников, в том числе

---

[15] См.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1971 г. – Вильнюс, 1974; Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вып.1. – М., 1970; То же ... XIII сессии. – М., 1971; То же... XIV сессии. Вып.II. – М., 1972.

[16] Ежегодник по аграрной истории. Вып.VI. Проблемы истории русской общины. – Вологда, 1976.

[17] Данилов В.П. Источниковедческие и археографические проблемы истории русской общины после Октябрьской революции // Археография и источниковедение. Северный археографический сборник. Вып.IV. – Сыктывкар, 1977; он же. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России. – М, 1971. – С.341-359; он же. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып.VI. – С. 102-134; он же. Община у народов СССР в послеоктябрьский период: К вопросу о типологии общины на территории советских республик // Народы Азии и Африки. – 1973. – №3. – С.42-54; он же. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977; он же Советская доколхозная деревня: социальная структура,

советского законодательства, в них детальному рассмотрению были подвергнуты политика государства в отношении общины, правовые аспекты её хозяйственной и управленческой деятельности, показаны отличительные черты земельного общества в сравнении с дореволюционным «миром», проанализирована деятельность общины в условиях подготовки к проведению массовой коллективизации и её ликвидация. Учёный утверждал, что земельное общество представляло собой «типичную мирскую организацию», однако в советской доколхозной деревне она «оказалась в совершенно исключительных условиях», которые обеспечили ей «возможность свободного функционирования и развития»[18]. Община оценивается в его работах не только как форма совместного пользования землей, но и как общественно-политическая организация, как орган крестьянского самоуправления, а также в качестве института, осуществлявшего связь между государством и отдельными землепользователями. Тем не менее, основное внимание учёного-аграрника было сосредоточено на изучении системы земельных отношений, землепользования и землеустройства в послереволюционной деревне.

Он видел в общинной организации предпосылки для её трансформации как в капиталистическое (путем индивидуализации), так и в социалистическое (путем коллективизации) хозяйство и находил элементы обобществления в рамках общины. Но последние не были настолько велики, чтобы изменить сущность общины, её консерватизм противоречил революционному характеру и темпам социалистического преобразования деревни, более того, она давала равные возможности всем слоям крестьянства, в том числе и кулаку, что приводило к буржуазному разложению общины и классовой борьбе в деревне[19]. Поэтому исследователь сделал однозначный вывод, что «сама по себе община не стала исходной формой развития коллективного хозяйства в деревне»[20].

социальные отношения. – М., 1979; Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии. – С.9-60.

[18] Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. – С.102, 117.

[19] Он же. Община у народов СССР в послеоктябрьский период: К вопросу о типологии общины на территории советских республик. – С.45-46; Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины. – С.50.

[20] Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. – С.134.

В конце 1970-х – 1980-е гг. свет увидели несколько работ, в которых изучению подвергались отдельные аспекты жизнедеятельности сельской общины в советской доколхозной деревне. В первую очередь, назовём книгу В.Я. Осокиной «Социалистическое строительство в деревне и община. 1920–1933»[21]. Это первая в советской исторической науке монография, посвящённая проблемам послереволюционной общины. На материалах Сибири автор рассматривала такие вопросы, как влияние советского землеустройства на эволюцию общинного землепользования, условия и особенности протекания процесса классового расслоения в общине, взаимоотношения общины и Советов в канун коллективизации, участие общинного крестьянства в хозяйственно-политических кампаниях 1920-х гг.

В качестве исходных В.Я. Осокина обозначила два положения: 1) после революции распад общины продолжался, но на новой социально-экономической основе (национализация земли) через внутренний и внешний выдел; 2) характерной чертой её развития было использование общины государством в интересах развития сельского хозяйства, социалистического строительства. Развивая данные положения, историк показала, что советским законодательством устанавливались меры, способствующие повышению эффективности общинного хозяйства: разверстание надельной земли на широкие полосы, внутриселенное устройство, расселение крупных общин путем образования посёлков и выселков и т.д. Особую роль учёный отводила выделу из общины. Однако, как считает автор, эти меры не смогли изменить характера поземельных отношений в общине, она не стала «средством социалистического преобразования сельского хозяйства»[22]. Исследователь акцентировала внимание на социальном неравенстве в общине и внутренней конфликтности крестьянского «мира». В.Я. Осокина сделала вывод о естественном разрушении общины («Никто не “разрушал”, не ликвидировал общину. Она исторически изжила себя»[23]) и о передаче её функций

[21] Осокина В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920–1933. – М., 1978.
[22] Там же. – С.135.
[23] Там же. – С.148.

сельсоветам. Однако в монографии община практически не рассматривается как орган крестьянского самоуправления, не в полном объёме исследуются её функции.

Немалый вклад в историографию проблем жизнедеятельности общины в послеоктябрьский период внесли работы В.В. Кабанова[24]. В них рассматриваются вопросы демократизации общины, влияния мирского уклада деревни на становление системы местных Советов, взаимоотношений общины и комбедов, общины и кооперативных объединений, её участия в уравнительном перераспределении земли и сборе налогов, а также изменение её функций. Анализ конкретного материала привел историка к заключению, что после революции, несмотря на негативное отношение к общине советской власти, она «оставалась реальностью, с которой необходимо было считаться», но в то же время она не была приспособлена к решению задач социалистического преобразования деревни[25].

На том же этапе развития советской историографии отдельные, как правило небольшие по объёму работы, посвящались и более узким проблемам таким, как роль общины в политической жизни деревни накануне коллективизации[26], земельные общества и сельсоветы[27]

Если взглянуть на советскую историографию проблемы в целом, то можно увидеть, что большинство авторов склонялись к следующим выводам:

- после 1917 г. произошло оживление общины, которая сыграла важнейшую роль в аграрной революции 1917–1920 гг.;
- отношение к мирской организации крестьянства советского государства, вынужденного считаться с её наличием и функционированием, было неоднозначным;

---

[24] Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. Т.111. – М, 1984. – С.100-150; Он же. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». – М, 1988.
[25] Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община. – С. 104, 143-144.
[26] Иванов Е.П. Политическая жизнь деревни и община накануне коллективизации (1926–1929 гг.) // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. – Уфа, 1984. – С.115-123.
[27] Широков М.М. Сельские Советы и крестьянские земельные общества в 1927–1929 гг. // Из истории борьбы Коммунистической партии за победу буржуазно-демократической и социалистической революции и построения социализма в СССР. – М., 1968. – С.262-271.

- к началу 1920-х гг. в деревне сложилось «двоевластие», затем имел место постепенный переход функций общины к сельсоветам.

Несмотря на значительные результаты, достигнутые советскими учёными в исследовании ряда проблем истории общины в советской доколхозной деревне, довольно широкий круг вопросов остался недостаточно изученным, а то и вовсе неосвещённым. Лишь в самом общем виде рассматривались эволюция структуры общинной организации, её органов управления, функций, специфика взаимоотношений общины и органов советской власти на региональном уровне, изменения в организации сельской взаимопомощи, модернизации общинного хозяйства. Главное внимание уделялось общинному землепользованию и землеустройству, другие стороны внутренней жизни общины практически не рассматривалась.

В конце 1950-х – 1970-е гг. появились первые работы кировских историков (Е.И. Кирюхина, В.Ф. Суходоев и др.). Их внимание было сконцентрировано, в основном, на позитивных сдвигах в деле восстановления и реорганизации аграрного сектора, на достижениях в кооперативно-колхозном строительстве в вятской деревне 1920-х гг., на подготовке массовой коллективизации в регионе и роли партийных структур в этих процессах[28]. Община в них или упоминается вскользь, или вовсе не упоминается. Проявления активности общинной организации вятского крестьянства в социально-экономической и политической сферах в революционные 1917–1918 гг. нашла отражение в работах А.С. Быстровой и Э.Д. Поповой[29]. Пожалуй, впервые в исторических исследованиях местного материала община стала появляться только в 1980-е. Роль традиций общинного самоуправления в

[28] Кирюхина Е.И. Под знаменем Октября. Кировская область за 60 лет Советской власти. – Киров, 1977; она же. Подготовка массовой коллективизации сельского хозяйства в Нижегородском крае в 1928–1929 гг. // Учёные записки Кировского госпединститута. Вып.28. Т.2. – Киров, 1966; Очерки истории Кировской области. – Киров, 1972; Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч.2. 1918–1968. – Горький, 1969; Суходоев В.Ф. Борьба трудящихся Вятской губернии за восстановление народного хозяйства в условиях перехода Советского государства к новой экономической политике (1921–1922 гг.) // Учёные записки Кировского госпединститута. Вып.21. – Киров, 1971. – С.58-150; он же. Борьба трудящихся Вятской губернии за восстановление сельского хозяйства в условиях новой экономической политики (1923–1925 гг.) // Учёные записки Кировского госпединститута. Вып.28. Т.1. – Киров, 1966. – С.3-79 и др.

[29] Быстрова А.С. Комитеты бедноты в Вятской губернии. – Киров, 1956; Попова Э.Д. Крестьянские комитеты Вятской губернии в 1917 г. – Киров, 1966.

контексте проблемы советского строительства в вятской деревне в первый послеоктябрьский год отметил в своей диссертационной работе Е.П. Титков[30].

С конца 1980-х гг. заметен рост внимания исследователей к общинной проблематике, особенно в связи с активным внедрением в отечественную науку новых методологических подходов. Община становится предметом оживлённого обсуждения на международных конференциях и семинарах историков[31]. Появляются солидные исследования по истории пореформенной общины[32]. Вопросы, связанные с её функционированием, находят отражение в работах по общим проблемам истории советского общества, нэпа[33], крестьянства и его организаций[34].

Появляются крупные исследования отдельных вопросов истории общины в доколхозный период. Среди них можно выделить монографию В.В. Кабанова «Крестьянская община и кооперация России XX века», в которой автор проводил чёткую грань между общинной организацией крестьянства и кооперацией, выделяя принципиальные отличительные черты двух институтов, тем самым подчёркивая невозможность трансформации первой во вторую. В то же время автор делал акцент на том, что именно община, а не кооперация позволила советскому руководству провести коллективизацию[35].

Отечественная историческая наука по-новому взглянула на роль традиционного объединения крестьянства в революции 1917 г. В научный оборот был даже введён особый термин «общинная революция»[36]. Один из

---

[30] Титков Е.П. Советское строительство в деревне Нижегородской и Вятской губерний в первый год пролетарской диктатуры: Дис. … канд. ист. наук. – М., 1984.

[31] См.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. – М., 1996; Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. – 1992. – №5 – С.3-31; 1993. – №2. – С.2-29; №6. – С.79-110; 1994. – № 2. – С.31-59; №4-5. – С.46-79; 1995. – №3. – С.101-134; №4. – С.3-33; 1996. – №4. – С.129-154; 1997.– №2. – С.139-160; 1998. – №1. – С.118-139; №6. – С.94-132.

[32] Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. – М., 1992; Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). – М., 1992; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т.1. – СПб., 2000 и др.

[33] См.: Россия нэповская / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М., 2002; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под общ. ред. А.Н. Афанасьева. Т.1. – М., 1997 и др.

[34] Андреев В.М. Российское крестьянство: навстречу судьбе. 1917–1921. – Коломна, 1999; Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. – М., 2000; Судьбы российского крестьянства. Кн.1. – М., 1995.

[35] Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. – М., 1997.

[36] Термин введён В.М. Бухараевым и Д.И. Люкшиным. См.: Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская

авторов данного понятия Д.И. Люкшин, придерживаясь концепции «моральной экономики» и «этики выживания», исследовал «поволжский сценарий» «общинной революции», которая в период смуты, «коллапса государственности» являлась, скорее, не осознанным антисистемным поведением крестьян, а «спонтанной институционализацией», попыткой противостоять разрушению традиционных устоев[37]. По мнению автора, это было «действо кошмарно величественное своим размахом, фактически подведшее черту под историей Российской империи, но обыденно-повседневное при ближайшем рассмотрении», жертвами которого стали мелкие и крупные землевладельцы, в том числе отрубщики и хуторяне[38]. После падения монархии произошла «автономизация» жизни общинного крестьянства, что вступило в противоречие с интересами государства, нуждавшегося в налогах, продовольствии, рекрутах. Началась «атака на деревню», противостоять которой община не могла. Автор называет 1918 г. моментом наивысшего торжества российского крестьянства и одновременно началом его гибели как общественного класса[39].

Довольно активно разрабатывается проблема «община и советская власть» (советское государство) часто в контексте общей темы «крестьянство и власть»[40].

Не прошла мимо внимания исследователей и такая важнейшая проблема, как взаимоотношения общины с местными органами советской власти в 1920-е гг.[41], при этом большинство авторов продолжает придерживаться мнения о

революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1998. – С.132.

[37] Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М., 2006. – С.111.

[38] Там же. – С.105-107.

[39] Там же. – С.111-113, 123.

[40] См.: Вронский О.Г. Крестьянство и власть (1900–1923). – Тула, 1993; Еферина Т.В. Крестьянская община и власть (По материалам Мордовии) // Крестьяне и власть: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. – Тамбов, 1995. – С.31-32; Сафонов А.А. Крестьянская община и Советская власть. К вопросу о роли общины в жизни послеоктябрьской деревни (на материалах Тамбовской деревни) // Крестьяне и власть: Материалы конференции. – М.–Тамбов, 1996. – С.115-131; Третьяк Л.В. Взаимоотношения Советского государства и крестьянской общины в 20-е годы (по материалам Рязанской губернии) // Крестьяне и власть. – Тамбов, 1995. – С.88-90 и др.

[41] См.: Есиков С.А., Протасов С.Л. Советы в доколхозной деревне: состав, авторитет, власть // История Советской России: новые идеи, суждения: Тезисы докладов республиканской научной конференции. Ч.1. – Тюмень, 1991. – С. 111-113; Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926–1929 гг. // Историческое значение нэпа. – М., 1990; Саблин В.А. Земельное общество и сельский Совет на Европейском

параллельности развития двух форм самоуправления в советской деревне. Историк О.Ю. Яхшиян, напротив, исходя из тезисов о нерасчленённости земельно-хозяйственных и локально-управленческих функций общины и о её безраздельном господстве в деревне, на конкретном материале русской деревни доказывает, что сельские органы советской власти оставались в организационно-институциональном отношении самоуправлением крестьянской общины и государство ничего не могло с этим поделать, так как община воспроизводилась снизу и при необходимости мимикрировала[42].

Ряд авторов активно занимается изучением организации крестьянской взаимопомощи и роли в ней сельской общины[43].

Активно ведутся исследования по истории общины на региональном уровне. В них анализируются земельно-хозяйственные функции послереволюционной общины, как основа её экономической жизни, характер её взаимоотношений с органами советской власти, социальных аспектов её жизнедеятельности, значительное внимание уделяется влиянию общины на культурные процессы в деревне и др. В большинстве своём исследователи приходят к мнению о приверженности основной массы крестьян общинным порядкам, об их экономической, психологической привязанности к «мирской» организации[44]. В этом ряду особо следует отметить историко-этнографические работы по проблемам развития общины разных народов России[45], позволяющие

Севере в 1920-е гг.: характер взаимоотношений // Крестьянство и власть на Европейском Севере России: Материалы научной конференции. – Вологда, 2003. – С.110-117; Стрелкова С.Л. Взаимоотношения сельских Советов и удмуртской общины в 1924–1925 гг. // Актуальные проблемы истории. – Киров, 2001. – С.106-110; Яхшиян О.Ю. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 20-х годов: Дис. … канд. ист. наук. – М., 1998.

[42] Яхшиян О.Ю. Указ. соч.

[43] См., например: Григорьев В.С. Социальная работа в российской деревне (крестьянская взаимопомощь в первой половине XX в.). – Чебоксары, 1998.

[44] Алиева Л.В. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России (1906–1930-е гг.): Дис. … канд. ист. наук. – Псков, 2004; Еферина Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е гг. XIX века – 30-е годы XX века): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Саранск, 1995; Ковалёв Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). – М., 2004; Сафонов А.А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. (социальные аспекты проблемы): Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1997; Третьяк Л.В. Поземельные отношения в Рязанской общине в первой половине 20-х годов // Из истории России: идеи, суждения, опыт. – Рязань, 1993. – С.94-105; Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 гг.). – Бийск, 2004 и др.

[45] См.: Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ижевск, 1998; Мирошкин В.В. Мордовская крестьянская община в первой трети XX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Саранск, 2007; Никитина Г.А. Кенеш – демократический орган самоуправления в общине // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг. – Ижевск, 1991. – С.170-188; её же.

выявить как общие, так и особенные черты русской и национальной крестьянской организации, что даёт более глубокое понимание сущности сельской общины как социального института.

По мнению ряда авторов, под воздействием прежде всего классовой политики государства, создания новых структур управления и общественных организаций «мир» постепенно терял своё былое значение[46]. Ликвидация общины («преждевременная и насильственная») была вызвана, главным образом, её несоответствием идеологическим установкам и «планам аграрных преобразований советской власти», а также её оппозиционностью в ходе хозяйственно-политических кампаний конца 1920-х гг.[47] Более того, её разрушение облегчалось самой природой общинной организации, прежде всего дуализмом частного и общественного начал, соединением функций органа местного самоуправления и органа государственной власти[48].

Наряду с этим современными авторами ставится вопрос о причинах устойчивости общины, которые видятся в ментальности русского народа и природно-географическом факторе. Именно благодаря этому община смогла адаптироваться к советским реалиям. Однако когда она исполнила свою роль в качестве переходной формы к коллективному хозяйству, государство стало сворачивать её деятельность вплоть до полной ликвидации[49].

В последнее время всё более активно проводятся исследования социально-психологических аспектов исторического развития, в том числе истории крестьянства. Общинная проблематика даёт для них обширное поле. Работы, изучающие социально-экономические, политические представления и социальное поведение общинного крестьянства в советский доколхозный период, показывают действительные мотивы, стимулы и поводы тех или иных

Община // Удмурты: Историко-этнографические очерки. – Ижевск, 1993. – С.165-185; её же. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 1930-х гг.). – Ижевск, 1998 и др.

[46] Еферина Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии. – С.19.

[47] Сафонов А.А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. – С.21; Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период. – С.202-203.

[48] Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период. – С.203-204; Дёгтев С.И. Нэп и крестьянская община // Научная программа: русский язык, культура, история. Сборник материалов научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов, историков. Ч.II. – М., 1995. – С.127-129.

[49] Дёгтев С.И. Указ. соч. – С.122-130.

действий последнего, а также роль в этом общинных норм, «общинного архетипа» сознания[50].

Ещё одним новым направлением в исследовании общинной организации советского периода является рассмотрение проблем, связанных с возможностью её усовершенствования, модернизации. Так, на примере Нечерноземной полосы России И.Н. Лозбенев выделяет две тенденции в развитии общины: во-первых, её разрушение посредством выдела на отруба и хутора, которое, однако, имело свои пределы, связанные как с негативным отношением власти к данному явлению, так и с объективными препятствиями (бедность крестьянства, невозможность купить сложную технику в виду высоких цен на промышленные товары), во-вторых, её интенсивное развитие, устранение пережитков и создание «нового типа земельных обществ», применяющих многополье, улучшенные формы обработки земли, с частичным кооперированием отдельных отраслей хозяйства. Оба пути имели свои плюсы, хотя, по-видимому, автор склонен полагать, что второй был перспективнее и больше подходил для российской деревни. Органическая модернизация общины требовала времени, которого ей не дали[51].

В целом, в современной историографии можно выделить три тенденции в оценке роли крестьянской общины в событиях 1917 – 1920-х гг. Первая, это признание её негативного влияния на сельское хозяйство, крестьянство и страну. Здесь имеются в виду усиление традиционализма, архаизация, натурализация, «одеревнивание», связанные с оживлением «мира» и стремлением общинного крестьянства к уравнительности в рамках «примитивного» представления о последней[52], частые общинные переделы

---

[50] Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М., 2000; Миронова Т.П. Нэп и крестьянство (Социально-психологический аспект) // НЭП в контексте исторического развития России XX века. – М., 2001. – С.238-260; Сухова О.А. «Общинная революция» в России: Социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). – Пенза, 2007; она же. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг. (По материалам Среднего Поволжья): Автореф. дис. … доктора ист. наук. – Самара, 2007.

[51] Лозбенев И.Н. Крестьянская община в годы нэпа // Вопросы истории. – 2005. – №4. – С.112-118.

[52] Левин М. Социальные аспекты гражданской войны в России // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.1. – С.50-51; Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. – М., 1996. – С.33-34.

земли называются одним из тормозов нэпа, «этатизация» общины признаётся институциональной слабостью политики советского государства в 1920-е гг.[53]

В противоположность первой, другая тенденция – это подчёркивание положительных качеств общины, наличия у неё внутренних потенций развития, которые в полной мере не были оценены и использованы в данный период[54].

Третий подход к исследованию общины, более взвешенный, представлен в основном региональными исследователями, которые стремятся рассматривать общину с разных сторон, комплексно, не делая акцент на тех или иных чертах, качествах, стремясь выделить на фоне общей картины местные особенности функционирования общины и причины последних[55].

В последних работах В.П. Данилова[56], всегда отличавшегося непредвзятостью суждений, основательностью исследований, обнаруживаем то же стремление разобраться в сути явлений, событий, в их причинах, а не давать категоричные оценки. При этом он активно использовал достижения как отечественной, так и зарубежной исторической науки, прежде всего крестьяноведения. К сожалению, в последние годы жизни учёный не создал обобщающих работ по данной проблематике.

Заметим, что, несмотря на возросший интерес, современные исследователи довольно часто уделяют внимание тем же проблемам, нередко используют те же клише, что и на предыдущем этапе развития отечественной историографии, хотя стараются глубже проникнуть в рассмотрение отдельных вопросов, порой кардинально пересматривают выводы своих предшественников. Довольно часто новейшие работы носят фрагментарный характер, имеют небольшой объем статьи или сообщения. Также далеко не

---

[53] Рогалина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство // НЭП: приобретения и потери. – М., 1994. – С.141, 147.

[54] См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн.1. От начала до Великой Победы. – М., 2002. – С.18-24; Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С. Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.). – М., 2004. – С.65; Лозбенев И.Н. Указ. соч.

[55] См.: Еферина Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии; Сафонов А.А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг.; Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период; Алиева Л.В. Указ. соч.

[56] См.: Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992. – С.310-323; Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России. – С.22-39 и др.

исчерпаны возможности региональных исследований по истории крестьянской общины советского периода.

Современная историография на уровне Вятского края в плане внимания к проблемам истории общины несколько отстаёт от общероссийских научных тенденций. В последнее время внимание местных авторов (М.В. Анучина, Г.Г. Загвоздкин, Н.В. Столбова, В.М. Кашина, И.В. Чемоданов и др.) в основном привлекали количественные показатели развития сельского хозяйства губернии, вопросы налоговой политики в годы нэпа, хозяйственной деятельности вятского крестьянства, его расслоения, реакции на аграрную политику советского государства и др.[57], влияние общины на процессы, протекавшие в деревне, в них почти не показано.

Общинная проблематика стала находить больше места в работах местных историков, посвящённых изучению дореволюционного периода[58].

Для нас особый интерес представляет работа Е.Г. Костиной, в которой исследуется реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии. Целый раздел в ней посвящён положению вятской сельской общины в начале XX в. Историк изучает тенденции развития выполняемых общиной функций, прежде всего под воздействием капиталистических отношений, проникавших в деревню. При этом показывает, что «мир» сохранял традиционные черты. Жизнеспособность вятской общины Е.Г. Костина видит в природно-климатических, экономических, бытовых условиях. Именно крепость общинного уклада жизни исследователь считает главной причиной медленного

---

[57] См.: Анучина М.В. Особенности проведения продналоговой кампании 1922-23 года в Вятской губернии // Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы республиканской IV научно-практической конференции. – Киров, 1999 – С.116-120; Загвоздкин Г.Г. Под знаком серпа и молота // Энциклопедия земли Вятской. Т.4. История. – Киров, 1995. – С.359-378; Кашина В.М. Социальный конфликт в вятской деревне в период перехода к нэпу // Библиотечное краеведение в развитии провинциальной культуры России: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Чудовой. – Киров, 2004; Столбова Н.В. Кризис нэпа 1927–1929 гг. в Вятском регионе // Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы республиканской IV научно-практической конференции. – С.120-121; Она же. Экономическое развитие Вятской губернии в 1921–1926 гг. // Вятская земля и актуальные проблемы отечественной истории XIX–XX вв. – Киров, 1999. – С.75-81; Чемоданов И.В. Вятское крестьянство в период НЭПа (1921–1929 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2005 и др.

[58] См.: Касимова Э.Г. Основные занятия населения Вятской губернии // Энциклопедия земли Вятской. Т.8. Этнография, фольклор. – Киров, 1998. – С.140-181; Мусихин В.Е. Вятские крестьяне в начале XX века // Там же. Т.4. История. – С.282-297; Стефанова И.И. Эпоха великих реформ и вятчане // Там же. – С.183-204.

и затяжного проведения реформы, а также невысокого процента выхода из сельского общества и образования индивидуальных хозяйств[59].

Изучая процесс реформирования системы Советов в 1921–1927 гг. на материалах Вятской и Нижегородской губерний О.Н. Леконцев затронул проблему взаимоотношений низовых Советов и общины. Автором были сделаны следующие выводы: 1) община оказывала наибольшее воздействие на повседневную жизнь крестьянства, которое предпочитало через неё решать свои насущные проблемы; 2) к Советам деревенские крестьяне относились индифферентно, в плане управления низовые Советы «остались не удел»[60].

В последнее время вятские историки стали больше уделять внимание социальной психологии крестьянства, реакции его на события, явления, в том числе политику государства[61]. В.А. Бердинских на основе воспоминаний очевидцев восстанавливает картину крестьянской жизни 1920-х гг., в том числе особенности проявления общинных традиций (деятельность схода, деревенский самосуд)[62].

Довольно пристальное внимание проблеме влияние крестьянской общины на процессы, протекавшие в Вятской губернии в период 1917–1920-х гг., уделяет в своих последних работах В.И. Бакулин. Исследователь делает акцент на своеобразной роли «мира» в развитии анархии в ходе революции 1917 г. С одной стороны, в условиях развала государственных структур общинное самоуправление как бы заменяло их, а с другой, деятельность освобождавшихся от опеки сверху многочисленных крестьянских «миров» грозила распадом государства[63]. Историк на местном материале рассматривает проблемы влияния общины на политику советского государства, в частности

---

[59] Костина Е.Г. Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии (1906–1917 гг.): Дис. … канд. ист. наук. – Киров, 2005.
[60] Леконцев О.Н. Реформы Советов в 1921–1927 годах. (На материалах Вотской автономной области и Вятской губернии): Дис. … канд. ист. наук. – М., 1995.
[61] См.: Кашина В.М. Первые аграрные мероприятия большевиков (глазами очевидцев) // Энциклопедия земли Вятской. Т.3. Кн.2. Крестьянство. XX век. – Киров, 2005. – С.54-69.
[62] Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. – М., 2001; он же. Россия и русские (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). – Киров, 1994.
[63] Бакулин В.И. Драма в двух актах. Вятская губерния в 1917–1918 гг. – Киров, 2008; он же. Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии // Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: Сб. научных статей.– Киров, 2006. – С.45-58.

решение продовольственных и хозяйственных вопросов, и делает вывод о сдерживающей роли общинных отношений, господствующих в вятской деревне, в развитии сельскохозяйственного производства на базе товарно-денежных отношений в годы нэпа[64].

Таким образом, на уровне Вятской губернии не проведено специальных исследований по истории общинной организации в советской доколхозной деревне.

Отталкиваясь от анализа научной литературы, можно следующим образом сформулировать цель и задачи проводимого диссертационного исследования. **Цель:** проследить эволюцию вятской общинной организации в советской доколхозной деревне как исторического феномена в политико-правовом, социально-экономическом и социокультурном аспектах.

Для успешного достижения поставленной цели были выделены следующие **задачи**:

- проследить, как изменялось отношение советского государства к общине и, соответственно, как менялся статус общинной организации в советском законодательстве и в реальной жизни Вятского региона в течение изучаемого периода;
- изучить реакцию общинного крестьянства на политику государства;
- определить роль крестьянской общины в социально-экономических и политических модернизационных процессах, протекавших в советском обществе; проанализировать взаимоотношения вятской крестьянской общины с новыми органами местного управления (сельсоветами);
- исследовать эволюцию структуры и функций общины и факторы, влиявшие на изменения внутриобщинных отношений; выявить региональные особенности.

[64] Бакулин В.И. Решение продовольственной проблемы в Вятской губернии на завершающем этапе «военного коммунизма // Бакулин В.И. Листая истории страницы. – С.115-127; он же Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926–1928 гг. // Там же. – С.146-153 и др.

Методология исследования основывается на исходных принципах исторической науки: объективность, историзм, системность.

Одной из методологических основ диссертации стала теория модернизации, в основе которой лежит принципиальное признание наличия глобальных процессов фундаментального характера в истории, целостности и определённой направленности развития человечества в виде перехода от традиционного общества к индустриальному. Последний оказывает воздействие (хотя и в разной степени) на каждый социальный, политический, экономический институт, каждую группу населения. Современная модернизационная парадигма учитывает социокультурный контекст трансформации. В исследовании предпринята попытка выявить роль общины как института традиционного общества, внутреннюю логику её развития в условиях специфической модернизации 1920-х гг.

В работе использовался формационный подход, принимая во внимание тот факт, что советская власть выстраивала свои взаимоотношения с крестьянством и его организациями, опираясь на марксистскую теорию.

В диссертационном исследовании также нашли применение теоретические достижения современного крестьяноведения, одного из перспективных научных направлений, активно использующего междисциплинарный подход. Прежде всего, мы обратились к концепции «моральной экономики» и её составной части «этике выживания». Они позволяют понять особое отношение крестьянства к устоявшимся принципам, социальным формам жизни и хозяйства, большинство из которых воплощалось как раз в общинной организации.

Для решения исследовательских задач и раскрытия сути изучаемых явлений помимо общенаучных методов (анализ, синтез, описание, сравнение, дедукция, индукция, системный анализ и др.) в работе использовались специально-исторические методы. Историко-сравнительный метод помог выявить особенности, а также общие черты развития крестьянской общины Вятской губернии в указанный период относительно предыдущей исторической

эпохи и других регионов страны. Проблемно-хронологический метод дал возможность в хронологической последовательности раскрыть свойства, функции, изменения исследуемого объекта, выделить качественно отличные периоды. Историко-системный метод позволил посмотреть на крестьянскую общину Вятской губернии как на сложную систему, рассмотреть отдельные компоненты и взаимосвязи между ними, а также взаимодействие с другими системами, в первую очередь, государством. Нашли своё применение и статистические приёмы исследования. Это отразилось при составлении таблиц и диаграммы, при других подсчётах имеющихся статистических данных, на основе которых выявлялись те или иные количественные и качественные стороны, определялись тенденции и закономерности функционирования крестьянского «мира».

Источниковую базу исследования составляет комплекс опубликованных и неопубликованных источников, который можно разделить на группы: 1) законодательные акты и акты исполнительных органов власти; 2) партийные документы; 3) материалы официального делопроизводства; 4) справочные и статистические материалы; 5) периодическая печать и публицистика; 6) документы личного происхождения.

Среди опубликованных источников первое место занимают сборники законодательных актов, а также партийных документов, в которых отражалось отношение государства к общине и изменения последнего на протяжении изучаемого периода. Среди них следует выделить в первую очередь «Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 гг.»[65] (М., 1954), в котором собраны основные нормативные акты, регулирующие земельно-хозяйственные отношения в советской доколхозной деревне, в том числе Земельный кодекс 1922 г., многотомное продолжающееся издание «Декреты советской власти», в котором опубликованы законодательные акты с октября 1917 по июль 1921 г.[66] В процессе исследования использовались

[65] Далее – СДЗЗ.
[66] Декреты советской власти. – Тт. I–XVII. – М., 1957–2006.

материалы и других сборников[67]. Однако сосредоточенные в сборниках нормативные акты не охватывают всей массы законодательного материала, касающегося общины. Поэтому было необходимым обращение к официальным периодическим изданиям: «Собранию узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР» (далее – СУ РСФСР) и «Собранию законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР» (далее – СЗ СССР). В работе использовались партийные документы (протоколы, постановления, резолюции съездов, пленумов и т.д.)[68].

Особо стоит выделить появившийся не так давно и имеющий большую научную ценность сборник документов и материалов, рисующих общую картину жизни деревни первых 20 лет советской власти, – «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939». Первые два тома содержат сведения, относящиеся к исследуемому в данной работе периоду[69].

Важным источником информации о реализации государственной политики в отношении общины, о земельных отношениях и землеустройстве, о крестьянской взаимопомощи и т.д. являются опубликованные документы местных органов власти, прежде всего губернских съездов Советов, губисполкома, различных совещаний и т.д.[70]

---

[67] Земельный кодекс РСФСР. Со всеми дополнительными узаконениями, инструкциями и разъяснениями ведомств, определениями Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным спорам и Верховного Суда, изменениями и дополнениями для автономных республик и областей и прочими официальными материалами, опубликованными по 15 марта 1928 года / Сост. Е. Рудин. – Л., 1928 (далее – Земельный кодекс РСФСР); Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937) / Под общ. ред. акад. А.Я Вышинского. – М., 1940; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. – Т.1. 1917–1928. – М., 1959.

[68] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1984; Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. – Т.II. – М.,1962.

[69] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы. – Т.1. 1918–1922 гг.; Т.2. 1923–1929 гг. – М., 2000.

[70] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Апрель 1918 г. – Вятка, 1918; Отчет Вятского губернского исполнительного комитета VIII губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Вятка, 1921; Отчет Вятского губернского исполнительного комитета IX губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Октябрь 1921 г. – октябрь 1922 г. Т.1. – Вятка, 1922; Отчет Вятского губернского исполнительного комитета IX состава X-му губернскому съезду Советов раб., крес. и кр-ских деп. Октябрь 1922 г. – октябрь 1923 г. – Вятка, 1923; Резолюции губернского совещания инструкторов уездных исполкомов и председателей волисполкомов при Вятском губернском исполнительном комитете (17-22 мая 1926 г.). – Вятка, 1926; Резолюции и постановления 7-го Вятского губернского съезда Советов раб., кр. и красн. деп. – Вятка, 1921; Резолюции XII Вятского губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Вятка, 1926; Сборник обязательных постановлений президиума Вятского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Вятка, 1926 и др.

Жизнедеятельность общины и первый опыт её взаимодействия с местными органами власти в первые послеоктябрьские годы отражены в документах сборника «Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии» (Киров, 1957).

Ещё одним важным источником, содержащим ценную информацию о различных сферах жизнедеятельности крестьянской общины и её взаимоотношениях с окружающим миром, является периодическая печать, которая оперативно реагировала на происходящие события, однако в виду своего официального характера не была лишена политизированности. Среди местных газет стоит выделить «Вятскую правду», «Деревенский коммунист», «Вятскую деревню», среди журналов – «Бюллетень Вятского губисполкома», «Известия Вятского губкома РКП(б)», «Бюллетень Вятского губкома РКП(б)–ВКП(б)», «Спутник большевика», «Вятскую жизнь», «Вятско-Ветлужский край», в которых, опубликованы статьи местных чиновников, партийных деятелей, учёных, пытавшихся осмыслить процессы, происходившие в деревне, а также содержатся документы личного происхождения, статистического характера и т.д.

Несмотря на наличие опубликованных источников, основу исследования составили неопубликованные архивные материалы. При работе над темой нами использовались фонды четырёх архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Кировской области (ГАКО) и Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Всего 24 фонда.

Обширный и разнообразный по характеру и содержанию материал находится в хранящихся в ГАКО фондах исполнительных комитетов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: губернского (Ф.Р-875), уездных (Ф.Р-879, Р-881, Р-882, Р-1374), волостных (Ф.Р-950, Р-986, Р-2537, Р-3796), окружных[71] (Ф.Р-877, Р-1257). В документах данных фондов нашли

[71] Созданы в ходе территориально-административных изменений в 1929 г.

отражение все стороны жизни крестьянской общины Вятского края, прежде всего, её взаимоотношения с местными органами власти, особенно сельсоветами. Самым информативным в этом отношении видом документов являются материалы обследований низовых советских органов. Особо отметим богатейшие фонды волисполкомов, до сих пор почти не используемые исследователями. Они часто содержат подробности и нюансы, которые не доходили в обобщенных сводках, отчётах до вышестоящих уровней.

Документы земельных органов (ГАКО, Ф.Р-1062, Р-1063, Р-1066, Р-1068, Р-3772) дают представление о роли, которую сыграла община в разрешении земельно-хозяйственных вопросов в период революции и Гражданской войны, о дальнейшем её функционировании как союза землепользователей, решающего целый круг вопросов, об изменениях в землепользовании губернии и т.д. Они содержат немало статистических материалов. Для полноты последних мы обратились к фонду губернского статистического бюро (статотдела) (ГАКО, Ф.Р-1053).

Среди всей массы архивных источников следует выделить документы общинного происхождения: приговоры, протоколы сельских сходов, собраний уполномоченных деревень. За некоторым внешним, формальным различием скрываются подлинное общинное видение тех или иных проблем деревни, мирские традиции и ценности, принципы функционирования и повседневная жизнь сельского общества.

Нами использованы документы местных партийных органов, главным образом по работе в деревне, хранящиеся в ГАСПИКО (Ф.1.) В этом же фонде сохранились уникальные по достоверности и охвату явлений, хотя и пронизанные идеологическими установками источники – информсводки ОГПУ.

Материалы центральных архивов позволяют уточнить местные данные, а также сопоставить последние с общегосударственной ситуацией. Это относится к фондам Наркомата земледелия РСФСР (РГАЭ, Ф.478) и Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (ГАРФ, Ф.А-406).

Научная новизна диссертации заключается в самой постановке проблемы ввиду того, что изучение общинной организации вятского крестьянства ещё не являлось объектом специального исследования. В работе с учётом новых научных подходов отражены различные аспекты управленческой, хозяйственной и социокультурной деятельности общины в указанный период. Научному анализу подверглись такие малоизученные аспекты проблемы, как роль общины в формировании системы низовых органов советской власти на этапе её становления, отношение общинного крестьянства к первым попыткам социалистического переустройства сельского хозяйства, взаимное влияние общины и советского государства в лице центральных и местных органов на деятельность друг друга, механизмы поддержания принципов жизнедеятельности крестьянского «мира», реакция общины на изменение политики советского государства после принятия курса на массовую коллективизацию. В научный оборот вводится значительное количество документального материала.

Практическая значимость. Материалы представленного исследования могут быть использованы в научных, учебных и практических целях. Изучение принципов деятельности, структуры, функций, крестьянской общины, характера её взаимодействия с государственной властью на завершающем этапе её существования в региональном аспекте вносит определённый вклад в разработку аграрной истории России в целом, истории региона в частности. Опыт, представленный в данной работе, может быть полезен при выработке современных политических решений в области социальных отношений, аграрной сфере. Результаты проведённого исследования могут быть использованы при разработке вузовских курсов и спецкурсов по истории российского крестьянства, Вятского региона.

Глава 1. Крестьянская община в годы революции и Гражданской войны

1.1. Община и новая власть: первый опыт взаимодействия

Вятская губерния к 1917 г. представляла собой огромную территорию площадью более 14 млн. дес.[72], на которой проживало почти 4 млн. человек. Подавляющую часть населения составляли сельские жители (в 1920 г. – 94,7%[73]). Крестьянство губернии было объединено в общины. Существовала ступенчатая структура общинных организаций. На самом верху находилась волость, затем сельское общество (составная община, объединявшая несколько селений), и нижним звеном была деревенская община. Но если первые две входили в систему государственных органов власти с середины XIX в., то последняя существовала преимущественно как орган самоуправления и законодательно была санкционирована лишь в конце столетия[74]. Именно она большей частью управляла повседневной жизнью крестьянства[75]. Ситуация, когда одно селение было разбито на несколько сельских обществ, наблюдавшаяся в основном в бывшей помещичьей деревне, в Вятской губернии не встречалась, так как вятские крестьяне, в большинстве своём, – бывшие государственные.

Мы не имеем точных сведений, какой процент вятского крестьянства входил в сельские общества в 1917 г., однако по данным современного исследователя Е.Г. Костиной за годы проведения столыпинской аграрной реформы в губернии из общины с образованием отруба или хутора выделилось менее 1% домохозяев, что было значительно ниже, чем в среднем по России, в то же время, подавляющее число хозяйств, обратившихся с ходатайствами о землеустройстве, просило произвести улучшения в рамках существующего

---

[72] Статистический справочник по Вятской губернии. Ч.II. – Вятка, 1917. – С.89.
[73] 200 лет Вятской губернии: Статистический сборник. – Киров, 1996. – С.34.
[74] Б.Н. Миронов пишет только о двух звеньях: составная община – деревенская община, но он же приводит факты иного рода, говорящие, что волость также сохраняла черты общинной организации (См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. – СПб., 2000). См. также: Зырянов П.Н. Указ. соч. – С.31; Кучумова Л.И. Указ соч. – С.30-31.
[75] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. – С.430; Богатырёва О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях. – Екатеринбург, 2004. – С.258-308.

общинного землепользования[76]. На наш взгляд, это свидетельствует о крепости традиционной формы крестьянского общежития в Вятской губернии.

Не являясь поклонниками общины, большевики, тем не менее, придя к власти одним из первых актов – Декретом о земле, принятым на II съезде Советов, поставили общину в центр аграрной революции. Согласно декрету она становилась основным пользователем земли[77].

Уравнительно-передельный механизм крестьянского «мира», веками обеспечивавшего выживание каждого крестьянского хозяйства в жёстких природно-климатических условиях, как нельзя лучше подошёл для проведения аграрной революции. Общины стали восстанавливаться даже там, где они были разрушены в ходе столыпинской реформы, что и дало основание исследователям говорить о возрождении этого института, о его оживлении, которое, однако, наблюдалось ещё до принятия декрета о земле и последующих законодательных актов Советской власти. Это была стихийная реакция на быстро прогрессировавший после Февральской революции развал системы государственного управления[78], на падение авторитета власти, как часть процесса нарастания анархии во всех сферах жизни российского общества[79]. Современные исследования социально-политических представлений и поведения крестьянства первых десятилетий XX в. убедительно доказывают, что революционная активность общины, радикализм крестьянских требований в 1917 г. были направлены на защиту традиционного уклада крестьянской жизни и объективно вели к углублению локализма и разрыву связей в системе «власти-подчинения»[80]. То есть, происходила «автономизация» жизнедеятельности общины[81].

---

[76] Костина Е.Г. Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии (1906–1917 гг.): Автореф. … канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2005. – С.18, 19.
[77] См.: Декреты Советской власти. Т.I. – М., 1957. – С.17-20.
[78] Современные концепции аграрного развития: Теоретический семинар // Отечественная история. – 1994. – №4-5. – С.48.
[79] Бакулин В.И. Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии. – С.45, 53-55.
[80] Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902-1922 гг. (По материалам Среднего Поволжья). Автореф. …доктора ист. наук. – Самара, 2007. – С.37.
[81] Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М., 2006. – С.111-112.

Новая, советская власть ещё должна была доказать свою крепость, авторитет и силу, а пока деревня не очень охотно выполняла распоряжения как центральных, так и местных органов. Вот неполный перечень явлений, наблюдавшихся в первые послеоктябрьские месяцы в Вятской губернии, подтверждающих сказанное: самочинные захваты земли, переходящей в запасной фонд, захваты мельниц, порубки леса, препятствование вывозу уже заготовленных лесных материалов для нужд железной дороги, заводов, городов и различных учреждений[82], нежелание отдавать хлеб по твердым ценам государству.

Принимая всё это во внимание и руководствуясь своим видением социально-экономической перспективы, советская власть в первую очередь старалась делать ставку на новые органы и институты в деревне, которые могли бы проводить её установки.

Уже в Основном законе «О социализации земли» от 9 февраля 1918 г. на первое место в качестве пользователей сельскохозяйственными землями поставлены коммуны и товарищества и только потом сельские общества, замыкают список отдельные семьи и лица[83]. Такое положение можно назвать символичным, так как община сочетала в себе начала коллективизма и индивидуализма: единоличное пользование общественной землёй. В этом же документе провозглашалась необходимость организации коллективного хозяйства, которому отдавалось предпочтение перед единоличными формами[84].

В отличие от общегосударственного законодательного акта, принятая на II Вятском губернском съезде Советов, в решениях которого весьма ощутимо влияние левоэсеровской фракции, 18 апреля 1918 г. «Временная инструкция уездным и волостным земельным отделам о порядке распоряжения землями сельскохозяйственного значения» вообще не проводила чёткой границы между сельским обществом и коллективными формами хозяйствования, уделив при

[82] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.8. – Л.129; Д.42. – Л.144об.-145.
[83] Декреты Советской власти. Т.I. – С.409-410.
[84] Там же. – С.410, 416.

этом значительное внимание внутриобщинному землепользованию и землеустройству[85].

Гражданская война и интервенция, введение продовольственной диктатуры, а затем политика «военного коммунизма» осложнили взаимодействие между крестьянством и государством, что не могло не сказаться на отношении общины и власти. Можно сказать, что на этом этапе большевики определённо пытались нейтрализовать производственно-хозяйственную роль общины, ускорить переход к социалистическим формам организации сельскохозяйственного производства.

В первую очередь это проявилось в стремлении местных земельных органов форсировать процесс образования «коммунальных хозяйств». Тенденция эта обозначена, в частности, в циркуляре Бюро коммун Вятского губземотдела всем уземотделам и землемерно-технической части от 15 октября 1918 г., который был составлен после разрыва большевиков с левыми эсерами и в котором признавалось необходимым при переделе земли внутри обществ землю, приходящуюся на долю бедняков, отводить к одному месту, что, по мнению авторов, должно было создать условия не только для образования коммун, но и для их объединения в более крупные хозяйства[86].

В принятом ВЦИК 14 февраля 1919 г. «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» вообще не упоминается община, все землепользователи в нём разделены фактически на две категории: коллективные и единоличные[87]. Очевидно, что хозяйства общинного крестьянства причислялись к последней. Основной целью аграрной политики провозглашался переход от единоличных форм землепользования к товарищеским, поэтому первые признавались «преходящими и отживающими»[88]. При этом наиболее «социалистической» формой признавались советские хозяйства, затем коммуны и артели и товарищества по общественной обработке земли.

---

[85] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – С.95-103.
[86] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3. – Л.78об.
[87] Декреты Советской власти. Т.IV. – М., 1968. – С.372-373.
[88] Там же. – С.371-372.

Значительное внимание в «Положении» было уделено общественной обработке земли посредством совместного приложения труда и коллективного использовании средств и орудий производства при проведении сельскохозяйственных работ[89]. Для перехода к указанной форме землепользования достаточно было решения простого большинства членов общества, присутствующих на собрании, а при несогласии большинства, меньшинству по его требованию общество обязано было выделить участок земли к одному месту[90]. Такое внимание общественной обработке вполне объяснимо с точки зрения облегчения трансформации общины в коллективное хозяйство, через форму, которая рассматривалась властью как промежуточная и, вместе с тем, как наиболее близкая традициям «мира».

Очевидно, что чиновники земельных органов Вятской губернии придерживались того же мнения. На Вятском уездном земельном съезде (10-12 февраля 1919 г.) представители волземотделов определили, что поднятие сельского хозяйства возможно только после обобществления производства, после перехода к общественной обработке земли и постановили всеми мерами способствовать её организации в деревне[91]. За этим последовало обращение через газету «Известия Вятского губисполкома» «ко всем трудящимся сельским хозяевам» губернии о необходимости перехода к общественной обработке земли подписанное председателем губисполкома Новосёловым и заведующим губернским земельным отделом Трубинским. Действительными адресатами обращения выступали бедняки, которых призывали отказаться от переделов земли, «вредной чересполосицы» и объединить свои полосы для ведения совместных работ. Подчёркивалось, что со стороны Советской власти обязательно будет оказана помощь, но только после перехода к общественной обработке земли[92]. Однако местные чиновники видели перспективу коллективизации не только бедного крестьянства.

---

[89] См.: Декреты Советской власти. Т.IV. – С.383-388.
[90] Там же. – С.384.
[91] Известия Вятского губисполкома. – 1919. – 14 февраля.
[92] Известия Вятского губисполкома. – 1919. – 15 февраля.

На I Вятском губернском съезде представителей уездных земельных отделов (20-26 февраля 1919 г.) А.С. Трубинский в своём докладе отмечал, что первоочередной задачей в деревне является обобществление орудий и средств производства для ведения общественной обработки земли. Оно должно идти «с низов», «путём создания общин из середняков». Для этого существуют определённые предпосылки. Прежде всего, «традиции общественности» такие, как осуществление совместных работ, например, вывоз навоза, косьба сена, совместное решение различных вопросов на сходах, отбывание и распределение общественной повинности. Во-вторых, бедственное положение деревни (разорение хозяйств, вызванное продолжительной войной, недостаток инвентаря, скота, удобрений, отсутствие в каждом хозяйстве достаточной рабочей силы). Из этого докладчик сделал вывод, что в данных условиях «особенно не приходиться агитировать за общественную обработку земли, не приходиться убеждать крестьянина в необходимости работать миром, а не своими надтреснутыми силами в единоличном хозяйстве»[93].

Делегаты съезда поддержали точку зрения заведующего ГЗО. Была принята резолюция, в которой основной задачей в деревне провозглашалось строительство сельского хозяйства на социалистических началах. Имелось в виду создание крупных хозяйств путем объединения и обобществления средств производства; таковыми признавались совхозы, коммуны, общественная обработка земли[94].

Участниками IV чрезвычайной губернской конференции РКП(б) (март 1919 г.) было признано, что в своё время большевики были вынуждены подписаться под законом о социализации земли, но теперь деревенская беднота осознала, что социализация не является основой её благополучия и что нужен переход к коллективным формам хозяйствования. Поэтому необходимо «везде и всюду проводить общественную обработку земли, строить сельскохозяйственные коммуны и устанавливать Советские хозяйства»[95].

---

[93] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.16. – Л.92об.
[94] Известия Вятского губисполкома. – 1919. – 27 февраля.
[95] Известия Вятского губисполкома. – 1919. – 12 марта.

В газете «Деревенский коммунист» – официальном печатном органе сначала Уральского обкома, а затем Вятского губкома РКП(б) – в 1919 г. помещено несколько статей, рассказов, агитирующих крестьянство перейти к совместной обработке земли, коммуне, рисующих безрадостную картину единоличного труда и описывающих преимущества труда коллективного[96].

Каково же было отношение самого вятского крестьянства и общины к коллективным формам хозяйства?

В упоминавшемся циркуляре Бюро коммун от 15 октября 1918 г. отмечается, что в одном из уездов при отводе надельной земли для граждан, изъявивших желание обрабатывать землю на коммунальных началах, встретились препятствия со стороны «общества» в виде несогласия выделить участок для коммуны и отказа от участия в землеустроительных работах. В связи с этим указывалось, что уземотделы обязаны выделить коммунарам землю в одном месте, даже если на то нет согласия общества, однако рекомендовалось приводить стороны к соглашению[97].

Из некоторых докладов с мест на II Вятском общегубернском съезде представителей уземотделов, который проходил 11-15 августа 1919 г., видно, что сельское население в значительной части с недоверием и даже враждебностью относилось к коллективным хозяйствам. Землемер-инструктор Глазовского УЗО Фёдоров отмечал «печальное положение» сельскохозяйственных коллективов, негативное отношение к ним со стороны окружающего крестьянства, в виду этого отсутствие добровольных отводов земли таковым, кроме единичного случая[98]. Заведующий Глазовским земотделом был ещё более категоричен, сказав, что «между коммунами и обществом сильные конфликты, почему коллективы и нежизнеспособны»[99]. Делегат от Вятского уезда констатировал, что среди населения нет стремления к общественной обработке земли и агитировать за новые начала

[96] См.: Деревенский коммунист. – 1919. – 13 февраля; 22 февраля; 17 мая; 20 мая.
[97] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3. – Л.78.
[98] Там же. – Д.140. – Л.68об.
[99] Там же. – Л.69.

жизнеустройства некому по причине мобилизации на военную службу[100]. И только заведующий Котельническим УЗО отметил большое желание местного сельского населения перейти к коллективным формам, однако вследствие мобилизации на фронт специалистов и членов коммун и артелей движение затихло[101].

В газете «Деревенский коммунист» агитатор С. Федотов, делясь своими впечатлениями о настроениях в деревне, отмечал интерес со стороны крестьянства к общественной запашке и организации коммун, но при этом указывал, что отсутствуют положительные примеры, семена и недостаёт практического руководства в этом вопросе[102].

Позже, в 1920-21 гг., когда ситуация начала меняться в сторону некоторой нормализации в отношениях общин и коллективных хозяйств, также поступали сообщения о препятствовании со стороны первых выделу земли для артелей, товариществ. Как правило, общинники не высказывали категорического несогласия на отвод участка земли, но выступали против проектов, предъявленных им землеустроителями. Их главный аргумент – несправедливое распределение земли между выделяющимися и остающимися, то есть отвод лучшей по качеству и самой удобной земли для коллективного хозяйства[103]. Подобные дела рассматривались уездными земотделами и, как правило, решались в пользу желающих выделиться в коллективное хозяйство. Для сельскохозяйственных артелей, товариществ, действительно, выделялись участки, включавшие в себя все виды угодий, правильные по форме, обеспеченные водой, прогонами, дорогами и т.п., иначе они заранее ставились бы в тяжёлое положение.

Привёдем характерный пример. В мае 1921 г. коллегия Уржумского УЗО рассматривала проект отвода земли сельскохозяйственной артели «Богдановская» из надела дер. Богдановской Теребиловской волости.

---

[100] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.140. – Л.70.
[101] Там же. – Л.71.
[102] Деревенский коммунист. – 1919. – 16 мая.
[103] РГАЭ. – Ф.478. – Оп.7. – Д.594. – Л.13-15об., 124-125об., 203-204 об.; ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.832. – Л.12, 23об.-24, 25 об. и др.

Отводимый участок имел почти округлую форму, включал в себя все виды угодий, был обеспечен доступом к водным источникам, примыкал к усадьбам селения, имел удобный проезд. На заседании уполномоченные деревенской общины высказали серьёзные претензии к проекту, которые уже выдвигались ими ранее как в устных, так и письменных заявлениях, а именно: лишение общества наиболее удобренной земли, что должно привести к досрочному переделу, посевов клевера, а также игнорирование предложений самого общества о выделении других участков. Все претензии уполномоченных были признаны неосновательными и проект был утверждён[104].

Образование коллективных хозяйств встречало и такие объективные трудности, как нехватка специалистов по землеустройству, отсутствие средств у государства на поддержку их хозяйственной деятельности, на определенном этапе свою роль сыграла близость фронта гражданской войны. Как результат, всего на 1 августа 1921 г. в Вятской губернии насчитывалось 38 коммун, 187 артелей и 33 товарищества с общей площадью 16499 дес.[105], что, безусловно, было каплей в море общинного крестьянства. К тому же выяснилось, что многие из них мало чем отличались от общины (не все они имели выделенный участок земли, многие сохраняли трёхпольный севооборот). Из 22 сельскохозяйственных коллективов Яранского уезда лишь семь применяли улучшенные приёмы обработки почвы, посева семян, вели общественную обработку земли, но даже в них наблюдалось стремление перейти на индивидуальное пользование широких полос[106].

В этих условиях государство вынуждено было в решении своих хозяйственных и продовольственных вопросов опираться на крестьянский «мир». Декретом ВЦИК и СНК «О чрезвычайных полномочиях народного комиссариата по продовольствию» от 13 мая 1918 г. предписывалось всех, кто имел излишек хлеба и не сдавал их на ссыпные пункты подвергать суровому наказанию: передавать революционному суду, заключать на срок не менее 10

[104] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.832. – Л.46-46об.
[105] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета IX губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Т.1. – С.110.
[106] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1014. – Л.48.

лет, конфисковывать всё имущество и навсегда изгонять из общины[107]. Для крестьянина, привыкшего жить в «миру», который в случае необходимости мог оказать помощь хозяйству, защитить от негативного воздействия извне, отстоять интересы входивших в него дворов, это было действительно суровое наказание. Согласно пункту 4 этого же законодательного акта, стоимость конфискованных излишков должна была выплачиваться в половинном размере лицу, указавшему на сокрытые излишки, и в половинном размере – сельскому обществу[108].

Для взимания продразвёрстки, введённой в январе 1919 г., был реанимирован отменённый ещё в 1903 г. принцип круговой поруки. По-видимому, первоначально не было жёсткой установки на её применение. Так, губернский комиссар по продовольствию сообщал в губком РКП(б) в марте 1920 г., что наряды на продовольствие даются в целом на волость, на селение. И уже селенные комитеты решают, выполнить их индивидуально или круговой порукой[109]. Скорее всего, ухудшение выполнения заданий вынудило местные органы пойти на ужесточение мер.

16 августа 1920 г. Вятский губисполком утвердил «Инструкцию о порядке выполнения развёрстки», в одном из первых пунктов которой прямо говорилось, что «выполнение полностью всех развёрсток, падающих на селение, производится за общей круговой порукой и ответственностью всех граждан селения»[110]. При этом развёрстка должна была всей тяжестью ложиться на тех, кто имел излишки против установленной нормы, то есть кулаков, зажиточных, отчасти середняков. Однако в реальной жизни дело обстояло несколько иначе. Раскладку продовольственной развёрстки между дворами проводил сход, руководствуясь отнюдь не установками, данными властью. Как показала поездка руководителей губернской организации РКП(б) И.Я. Вейцера и П.И. Шиханова в июне 1920 г. по пяти уездам губернии, при

[107] Декреты Советской власти. Т.II. – М., 1959. – С.265.
[108] Там же. – С.265.
[109] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.1. – Д.188. – Л.148.
[110] ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.137. – Л.147.

проведении развёрстки верх брали уравнительные, общинные тенденции[111]. Очевидно, что Вятская губерния не была исключением, и такая практика была распространена на территории всей России[112]. Таким образом, по справедливому мнению В.В. Кабанова, община сглаживала классовую направленность продразвёрстки[113].

Имеются сведения о применении механизма круговой поруки в других ситуациях (при выполнении трудовой, гужевой повинностей)[114]. Известно, что в Вятской губернии вводилась круговая ответственность за сохранность семенного материала[115].

При переходе к нэпу советская власть отменила круговую поруку. В ст. 7 декрета ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом» от 23 марта 1921 г. специально оговаривалось, что ответственность за выполнение налога возлагается на каждого хозяина и отменяется круговая ответственность[116].

В первые послереволюционные годы крестьянские общины губернии серьёзным образом корректировали и другие мероприятия советской власти, имевшие целью нейтрализовать влияние кулаков и зажиточных крестьян на процессы, протекавшие в деревне, сделать ставку на бедноту. В доказательство данного утверждения вернёмся в 1918 г., когда был введён чрезвычайный революционный налог, сумма которого должна была раскладываться между плательщиками в соответствии с имущественным положением и доходами каждого лица, при этом деревенская беднота совершенно освобождалась от налога, средние слои должны были быть обложены небольшими ставками, а вся тяжесть его должна была падать на богатую часть населения[117]. В действительности, зачастую применялись совсем иные принципы. Местный

---

[111] Бакулин В.И. Решение продовольственной проблемы в Вятской губернии на завершающем этапе «военного коммунизма. – С.118.
[112] См.: Дубровский С.М. Указ. соч. – С.145; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX в. – С.88-89; Ковалев Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века. – С.202.
[113] Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX в. – С.88-89.
[114] См.: прим. 106.
[115] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.717. – Л.3, 4.
[116] Конституции и конституционные акты РСФСР. – С.102.
[117] Декреты Советской власти. Т.III. – С.467.

историк А.С. Быстрова в своей монографии приводит сведения о распределении единовременного налога в деревнях Вятской губернии по «душам», по десятинам и наделам, по дворам, по едокам и т.д.[118]

Там, где налог всё же накладывался индивидуально, община нередко выступала в защиту своих членов: ходатайствовала о сложении такового, поручаясь за благонадежность или невысокое материальное положение того или иного крестьянина. Например, в протоколе общего собрания Белозёрского сельского общества (20 октября 1918 г.) читаем, что сход рассмотрел заявления трёх граждан о снятии с них чрезвычайного налога, и во всех случаях вынес решение просить волисполком отменить взимание налога, так как хозяйства ходатаев носят трудовой характер, небольшие и не в силах платить указанные суммы[119]. В сопроводительном письме в Орловский УИК Пинюжанский волисполком подчеркивал, что в данном случае налог наложен на кулаков и мародёров[120]. Мнения ВИКа и сельского общества могли не совпадать по двум причинам. Во-первых, крестьянское представление о том, кого считать кулаком могло расходиться с таковым же представлением вышестоящих властных органов, а во-вторых, ходатаи могли действительно быть кулаками и влиять на решения «мира» посредством материального давления на однообщественников. И всё же, решение общины по данному вопросу не осталось без внимания: с одного из плательщиков ВИК частично сложил сумму налога[121]. Другой пример заступничества общины находим в протоколе собрания Круглыжского сельского общества, состоявшегося в феврале 1919 г. Его участники решили сложить налог с С.Ф. Хомякова как назначенный по ошибке[122]. Подобным же образом общество могло действовать, и защищая интересы своих членов, нарушенные в ходе конфискаций[123].

Более того, А.С. Быстровой были собраны сведения об отказе общих собраний крестьян ряда волостей от уплаты чрезвычайного налога.

[118] Быстрова А.С. Указ. соч. – С.67-68.
[119] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.123. – Л.12-12об.
[120] Там же. – Л.11.
[121] Там же. – Л.15.
[122] ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.18. – Л.36-37об.
[123] РГАЭ. – Ф.478. – Оп.7. – Д.138. – Л.43, 45; ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.123. – Л.12.

Мотивировались такие решения одинаково: облагать налогом некого, так как кулаков нет[124].

Продовольственная помощь иногда также раскладывалась общиной без учёта материального положения семьи, по наличным едокам, почему некоторые семьи голодали, это показала уже упоминаемая ранее поездка руководителей губкома РКП(б)[125]. Таким образом, в ходе реализации определённых мер государственной политики в деревне принципы и традиции общинной жизни оказывались в большом числе случаев гораздо сильнее властных предписаний, что в значительной мере объяснялось как слабостью самой власти, так и возросшим влиянием общины.

Однако имели место и другие случаи, когда община действовала довольно радикально и вполне в русле государственного курса, в частности обкладывала местных кулаков, спекулянтов особыми сборами. Так, по постановлению схода дер. Монастырщина Кумёнской вол. Вятского уезда с местного кулака, который нажил себе капитал во время войны, так как «драл семь шкур» со стариков и жён, были взяты 200 рублей для организации избы-читальни[126].

В дореволюционной России общинная организация была включена в государственную систему, при сохранении ею определённой свободы действий[127]. С развалом этой системы в ходе революции обнажился «нижний этаж управления», то есть мирское самоуправление[128], что естественно повлекло усиление автономности в деятельности общины. Данный процесс сопровождался активным включением «мира» в формирование новых органов власти на местах[129], в том числе Советов крестьянских депутатов.

Взяв ещё в апреле 1917 г. на вооружение лозунг «Вся власть Советам!», большевики после прихода к власти на первых порах совершенно не

---

[124] Быстрова А.С. Указ. соч. – С.61.
[125] Бакулин В.И. Решение продовольственной проблемы в Вятской губернии на завершающем этапе «военного коммунизма. – С.118-119.
[126] Известия Вятского губисполкома. – 1918. – 15 ноября.
[127] Миронов Б.Н. Указ. соч. – С.447.
[128] Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. – 1994. – №4-5. – С.48.
[129] См.: Попова Э.Д. Указ. соч. – С.4-7.

регламентировали порядок организации, формы и деятельность местных Советов, предоставив населению свободу в этом вопросе[130]. Губернские власти, призывая крестьянство создавать свои Советы[131], также не спешили давать конкретные инструкции, полагаясь, очевидно, на самодеятельность и революционный настрой населения в этих условиях. Формирование сети низовых Советов шло при непосредственном участии общины. На мирских сходах принимались решения об организации селенных комитетов (Советов), сельских Советов, избирались представители в волостные и даже уездные Советы.

Подтвердим вышесказанное характерными примерами. 25-27 января 1918 г. проходил Котельничский уездный крестьянский съезд представителей от сельских обществ, который вынес постановление создать на местах Советы крестьянских депутатов, которые в свою очередь должны выделить исполкомы[132].

Собрание граждан Медянской волости Вятского уезда 28 января 1918 г. постановило признать власть Советов, организовать волостной Совет крестьянских депутатов, для чего избрать по одному представителю от каждого селения, а также упразднить волостную земскую управу и передать все её дела волисполкому[133]. Аналогичные решения приняли общие собрания граждан Загарской, Сулаевской волостей Вятского уезда, Островновской волости Слободского уезда, Верходворской и Лесниковской волостей Орловского уезда[134].

Крестьяне дер. Полом Поломской вол. Орловского уезда 10 марта 1918 г. на общем собрании организовали «селенческий совет», в который избрали председателя, двоих членов и одного заместителя. Совету вменялось в обязанность доводить до сведения общего собрания все распоряжения

---

[130] Андреев В.М. Указ. соч. – С.33-34.
[131] См. резолюцию I Вятского губернского съезда Советов РС и КД «По земельному вопросу» // Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. – С.250-251.
[132] Вятская правда. – 1918. – 15(2) марта.
[133] Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. – С.305.
[134] См.: Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. – С.305, 370; ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.139. – Л.143-145.

советской власти, заявления разных лиц, а так же проводить в жизнь постановления общего собрания[135]. То есть фактически Совет должен был стать исполнительным органом схода и играть роль связующего звена между деревней и органами власти.

Инициатива создания деревенских Советов, комитетов зачастую принадлежала не самой общине, а представителям уездных, волостных исполкомов, прибывающим с фронта солдатам, однако без поддержки общинного крестьянства, без доверия с его стороны, думается, деятельность организуемых органов была бы невозможна. Начальник губернской милиции Н.Г. Сормах в 1927 г. вспоминал, как в окрестностях Аркульского затона (Уржумский уезд) вернувшиеся с фронта крестьяне-большевики организовывали Советы, выборы в которые проходили «с большим подъемом». В дер. Зайково с первых дней своего существования Совет стал не только органом местного самоуправления, но и, по почину самих крестьян, органом судебным, который разбирал споры между жителями и даже уголовные дела; при этом были случаи, когда дела выносились на рассмотрение схода[136].

Советы на местах создавались в основном уже после I губернского (5-8 января) и уездных съездов Советов, в январе-феврале 1918 г.[137], хотя были исключения. В некоторых волостях Орловского уезда, например, Верхошижемской, Советы были организованы еще до I общегубернского съезда[138], а в Котельничском уезде к середине апреля существовали только уездный и волостные Советы[139]. При этом процесс образования волостных и сельских Советов происходил зачастую одновременно, что, по мнению исследовавшего проблему становления системы Советов в Вятской и Нижегородской губерниях Е.П. Титкова, объясняется как раз давними традициями общинного самоуправления государственных крестьян[140].

---

[135] ГАКО. – Ф. Р-1374. – Оп.1. – Д.111. – Л.76.
[136] Сормах Н.Г. Мои воспоминания о 1917-18 годах // Спутник большевика. – 1927. – №7. – С.42.
[137] Титков Е.П. Указ. соч. – С.56-58.
[138] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – С.63-64.
[139] Там же. – С.77-78.
[140] Титков Е.П. Указ. соч. – С.61, 63.

Новая система низовых органов власти в ряде волостей полностью повторяла структуру общинного управления. В качестве наглядного примера приводим сведения о формировании Советов Орловского уезда (см. приложение 1). Отметим, что уже в январе 1918 г. Орловский уездный Совет определил следующий порядок организации советских органов власти: все граждане, достигшие 18 лет, избирают представителей в Советы одного от 50 человек населения. Представители всего сельского общества составляют общинный Совет, а всей волости – волостной[141]. Создание каких-либо органов в пределах отдельных селений данной инструкцией не предусматривалось, чем, вероятнее всего, можно объяснить отсутствие таковых в целом ряде волостей. Можно с большой долей уверенности предположить, что имеющиеся в деревнях уезда Советы (комитеты) создавались по почину волостных Советов или самостоятельно крестьянством.

Описанная выше картина наблюдалась не везде. Малмыжский уисполком в апреле 1918 г. отправил в отдел управления Уральского областного Совета анкету, в которой писал, что Советы образованы во всех селениях и волостях, при этом указывал, что селенские Советы составлялись по принципу один представитель от каждого двора, то есть фактически представляли собой прежние деревенские сходы. Общинные Советы в анкете не упоминались[142].

В Вятском уезде деревенские комитеты (они же – Советы) создавались по распоряжению УИК, о чём свидетельствуют отчёты волисполкомов на соответствующие запросы из уезда. Цель их формирования – охрана общественного порядка, содействие волостным органам в решении продовольственных и земельных проблем, в частности по учёту хлеба. Из имеющихся в нашем распоряжении отчётов Кумёнского, Якшинского и Нагорского ВИКов узнаем, что комитеты состояли из председателя и секретаря, однако порядок назначения или выборов их не известен. К началу апреля 1918 г. комитеты были созданы практически во всех селениях указанных

[141] ГАКО. – Ф. Р-1374. – Оп.1. – Д.111. – Л.1.
[142] Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. – С.354.

волостей, за исключением маленьких, которые или объединялись, или присоединялись к более крупным селениям[143].

Е.П. Титков в своем диссертационном исследовании, ведя речь о низовых Советах, объединяет сельские, селенные, деревенские Советы (комитеты) в одну категорию[144]. Однако собранные нами материалы позволяют с уверенностью говорить о том, что сельские Советы образовывались не просто в сёлах, как можно заключить из работы указанного автора, а в рамках сельских обществ, в отдельных же селениях формировались деревенские, селенные (селенские) Советы или комитеты. Документы данного периода их хорошо разделяют терминологически. Их различия были не только территориальные. Сельские Советы, как правило, разрешали вопросы, касающиеся всего сельского общества, могли дать то или иное распоряжение селенным комитетам, например, отправить детей в школу (постановление Крыженского сельского Совета, октябрь 1918 г.)[145]. То есть деревенские Советы административно были подчинены сельским.

Таким образом, создаваемая в первые послеоктябрьские месяцы революционным творчеством крестьянства и местных органов власти система Советов отличалась большим разнообразием как внешних форм, так и внутреннего содержания, что видно из уже приведенных нами примеров и подтверждается другими исследованиями[146]. Тем не менее, в целом конкретные факты не противоречат тезису, высказанному В.П. Даниловым о том, что мирское самоуправление легко принимало советскую форму[147]. Поэтому на данном этапе зачастую бывает трудно и даже невозможно разделить общину и Совет.

Вопрос об организации советской власти в губернии был одним из центральных на проходившем в середине апреля 1918 г. II губернском съезде

---

[143] Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. – С.312-313; ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.74. – Л.5.
[144] Титков Е.П. Указ. соч. – С.63-64 и след.
[145] ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.18. – Л.5об.
[146] См.: Титков Е.П. Указ соч. – С.62-66.
[147] Данилов В.П., Данилова Л.В. Русская крестьянская община в современной историографии // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. – М., 1986. – С.95; Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. – 1994. – №4-5. – С.48.

Советов. Принятое на нём специальное постановление определяло конструкцию советских органов власти в пределах Вятской губернии, начиная с деревенского, заканчивая губернским уровнем (см. приложение 2).

В соответствии с положениями данного постановления в каждом селе, деревне, починке на общем собрании сроком на один год избирался деревенский комитет, состоящий из трёх человек: председателя, товарища председателя и секретаря. Комитет имел право в пределах своей деревни при участии члена ВИКа производить реквизиции, конфискации, налагать аресты и штрафы. На него возлагались обязанности выполнять распоряжения вышестоящих органов власти, наблюдать за охраной порядка, выполнением налогов и сборов, за санитарным состоянием деревни, «ведение хозяйственной части» и т.д. Комитет был подотчётен деревенскому собранию, с одной стороны, и волисполкому, с другой[148].

Указанным постановлением институт сельских старост заменялся институтом выборных общественных комиссаров, которые должны были следить за выполнением всех распоряжений волостных и уездных властей, содействовать сбору налогов, а также созывать «общественные» собрания[149]. Однако термин «общественный комиссар» приживался с трудом, наравне с ним в 1918–1919 гг. употреблялись «сельский староста», «общественный начальник» и «общественный председатель», которые позднее всё чаще стали заменяться «председателем сельского Совета».

Собрания сельских обществ считались правомочными, если на них присутствовало не менее половины всех полноправных граждан общества (мужчины и женщины с 18 лет), что в условиях, когда в сельское общество могло входить более 10 селений и более 2 тыс. жителей, конечно, реализовать было крайне сложно. Отсюда на общественный сход собирались лишь представители селений (по несколько от каждого), причем в 1918–1919 гг. наблюдается тенденция к их сокращению до одного уполномоченного от

[148] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – С.169-170.
[149] Там же. – С.171.

каждой деревни. Общему собранию предоставлялось право «решать все вопросы, касающиеся своего общества», а также избирать специальных сборщиков налогов[150]. В действительности, «общественные» собрания выбирали не только председателей (комиссаров) и сборщиков, но и секретарей, членов различных комиссий (лесных, по чрезвычайному налогу, по учету урожая и др.)[151].

Общими собраниями сельских обществ избирались и представители на волостные съезды Советов, что являлось прямым нарушением постановления II губернского съезда, согласно которому, выборы депутатов волостных Советов должны были проходить на общих собраниях отдельных сёл, деревень по норме 1 депутат от 50-100 правомочных граждан селения[152]. Так, председатель Чудиновского волисполкома Орловского уезда А. Колпащиков 18 мая 1918 г. с возмущением писал в уезд, что члены волостного Совета и исполкома были выбраны с нарушением закона, а именно: по одному представителю от общества – в исполком и по два – в Совет, причём сам исполком признал такое положение дел незаконным, однако не торопился его исправить[153]. Этот случай не являлся исключением, скорее всего, это была обычная практика, о чём с явным неприятием писал в газете «Вятская правда» А. Стругацкий[154].

Отметим, что в постановлении губернского съезда общее собрание селения (сход) не конституировалось как орган власти: ни его состав, ни функции чётко не прописывались, однако очевидно стремление законодателей демократизировать его состав – расширить до всех взрослых жителей селения[155]. Из уже сказанного ранее можно заключить, что деревенский сход играл далеко не последнюю роль в формировании органов власти. При этом он продолжал решать наиболее насущные проблемы каждой конкретной деревни, в том числе выдвигаемые новыми условиями жизни. Достаточно назвать

---

[150] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – С.171.
[151] ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.18. – Л.4, 7, 11 и след.; Д.24. – Л.1-10.
[152] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – С.172.
[153] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.22. – Л.62-63.
[154] Вятская правда. – 1918. – 2 августа.
[155] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – С.169, 172.

уравнение земли, раскладку повинностей и сборов между дворами, решение продовольственных вопросов.

В первой советской Конституции 1918 г. не упоминались ни деревенские комитеты, ни общественные собрания и комиссары, высшей властью на местах объявлялись Советы депутатов, которые должны были избираться в деревнях и сёлах из расчёта 1 депутат на каждые 100 человек. Однако оговаривалось, что в тех сельских местностях, где это будет признано осуществимым, вопросы управления должны решаться общим собранием избирателей непосредственно, то есть фактически прежним сельским сходом, но уже в расширенном составе, так как избирательным правом наделялись все граждане обоего пола, достигшие 18 лет. Круг полномочий Советов депутатов очерчивался лишь в самом общем виде. В качестве основного содержания их деятельности определялось проведение в жизнь всех постановлений высших органов власти и разрешение вопросов местного значения[156].

Несмотря на конституционные нормы, структура местных Советов в Вятской губернии продолжала строиться на основании положений, принятых II губернским съездом (см. приложение 3).

Впервые более или менее чётко и развёрнуто система формирования, права и обязанности местных Советов прописывались в «Положении о сельских советах», принятом ВЦИК 18 марта 1920 г. В нём уточнялось, что в селениях, имеющих менее 300 жителей отдельные сельсоветы не образуются. Они могли объединяться с соседними деревнями для создания общего совета или решать вопросы местного характера на общих собраниях избирателей[157]. Круг предметов ведения низового звена системы Советов составляли вопросы управления (охрана порядка, учёт населения и др.), развития сельского хозяйства (организация совхозов, коммун, артелей, введение улучшенных способов обработки земли, содействие проведению в жизнь социалистического

[156] Декреты Советской власти. Т.II. – С.560-561.
[157] Там же. Т.VII. – М., 1975. – С.348.

землеустройства и т.д.), проведения трудовой повинности, продовольственные, социальные вопросы[158].

В действительности, имеющиеся у нас материалы говорят, что в Вятской губернии структура местных органов власти с принятием означенного постановления изменилась в основном в части, касающейся деревенских комитетов, упоминания о которых исчезают из официальных документов. Низовым звеном в системе советских органов власти стали сельсоветы, сеть которых в значительной мере совпадала с сетью сельских обществ, что подтверждают представленные нами сравнительные данные по Вятскому и Котельничскому уездам, как претерпевшим наименьшие территориальные изменения (см. приложение 4). Забегая вперёд, отметим: в 1922 г. перед перевыборной кампанией губисполком подтвердил, что сельские Советы образуются в старых районах, то есть «в границах существующих сельских обществ»[159]. Такая структура сохранялась вплоть до укрупнения сельсоветов в 1924 г.

В целом собранные материалы позволяют проследить трансформацию общих собраний сельских обществ с широким представительством населения в собрания уполномоченных от селений (они же депутаты сельских Советов). Этот процесс хорошо виден из протоколов собраний за 1918–1921 гг. по Круглыжской вол. Котельничского уезда: если в 1918 – начале 1919 г. в них участвовали около 80-100 представителей, то далее их количество сокращается до 30-40 и, в конце концов, остаётся около 20[160]. Мы также можем констатировать, что сельсоветы всё чаще собирались только для выборов председателей, секретарей, представителей на волостной съезд Советов и объявления тех или иных распоряжений вышестоящих органов власти и всё реже ими решались конкретные вопросы хозяйственного, продовольственного и т.п. характера, исходящие непосредственно из деревенской среды[161].

---

[158] Декреты Советской власти. Т.VII. – С.349-353.
[159] Бюллетень Вятского губисполкома. – 1922. – №10. – С.7.
[160] ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.18. – Л.1-16, 19-21об, 23-24, 32-32об, 34-38об.; Д.37. – Л.1-2, 4, 7, 8, 9; Д.48. – Л.1-1об, 5-12, 14-19; Оп.3. – Д.5. – Л.17, 22, 23-23об., 25-26, 27.
[161] Там же.

Последние остаются в основном за деревенской общиной. Однако если проблема была серьёзной и касалась всего сельского общества, её решение требовало созыва собрания всего общества. Так, в конце 1919 – начале 1920 г. в Троицком обществе Вятского уезда наблюдалось массовое заболевание лошадей чесоткой, поэтому в январе на общественном сходе было решено ходатайствовать в уисполком о присылке ветеринара[162].

Работа сельсоветов всё больше сводилась к работе председателя и секретаря, а порой одного председателя, который не только часто назывался «сельским старостой», но и в плане деятельности мало, чем от него отличался. Сравнивая полномочия того и другого, мы замечаем, что, как и староста, председатель исполнял постановления общего собрания, а также являлся, по сути, агентом государственной власти в деревне, выполняя распоряжения вышестоящих органов и фискальные функции[163]. Поэтому, нам кажется неслучайным то, что ревизия работы некоторых волисполкомов в 1922 г. показала, что «сельсоветы … все, почти без исключения, несут только обязанность бывших сельских старост»[164].

Община сыграла определённую роль в создании и деятельности комбедов. Решения о создании или отказе от такового принимались волостными собраниями[165], сельскими сходами, непосредственная организация поручалась уполномоченным селений, сельским старостам (председателям)[166]. В газете «Деревенский коммунист» за 4 февраля 1919 г. помещена заметка под названием «Вот так бедняк», в которой сказано, что в одной из волостей Слободского уезда на общем сходе был избран комитет бедноты, а его председателем – «сын местного буржуя». Сход жаловался в уездную чрезвычайную комиссию на этого председателя, так как последний отказывался

---

[162] ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.113. – Л.3.
[163] Обязанности сельских старост обозначены в объявлении Котельничского уездного комиссара в ноябре1917 г. (см.: ГАКО. – Ф.1345. – Оп.1. – Д.9. – Л.186-186об.), председателей сельсоветов – в «Положении о сельских Советах», принятом ВЦИК 18 марта 1920 г. (см.: Декреты Советской власти. Т.VII. – С.347-353.).
[164] К инструкторскому обследованию ВИК // Бюллетень Вятского губисполкома. – 1922. – №12. – С.9.
[165] Быстрова А.С. Указ. соч. – С.20.
[166] ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.18. – Л.5, 7, 9, 10об.

служить бесплатно, «на общество работать не хочет»[167]. Другой пример взаимодействия общины и комбеда находим в решениях схода Белозёрского сельского общества Пинюжанской волости Орловского уезда от 20 октября 1918 г. На собрании было решено просить президиум волостного исполкома не налагать налог, а в случае обнаружения кулаков, взыскание должно было накладываться волостным собранием комитетов бедноты[168].

Таким образом, вятская крестьянская община в первые годы советской власти проявила себя достаточно активно, что, безусловно, сказалось на её взаимоотношениях с новой советской властью, которая, в свою очередь, не могла не учитывать этот фактор в проведении тех или иных мер. Попытки государства используя общину, воздействовать на процессы в деревне, с целью давления на зажиточные слои, улучшения ситуации в продовольственном вопросе, удавались лишь отчасти. Общинная деревня довольно успешно отстаивала свою самостоятельность.

Фактический материал позволяет сделать вывод о решающей роли общины в формировании системы органов советской власти на местах, о том, что Советы «вырастали» из общинных органов управления. На протяжении 1918–1921 г. наблюдается постепенный отрыв низовых советских органов от общинного «тела». Тем не менее, даже к концу указанного периода бывает ещё трудно определить, где заканчивается община и начинается Совет.

[167] Деревенский коммунист. – 1919. – 4 февраля.
[168] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.123. – Л.13.

1.2. Роль «мира» в разрешении земельно-хозяйственных проблем

Важнейшей, если не основной, сферой деятельности крестьянской общины как союза землепользователей было регулирование земельных отношений и примыкающих к ним хозяйственных вопросов.

Географическое расположение Вятской губернии на северо-востоке Европейской России имело следствием такие особенности региона как суровые природно-климатические условия, малоплодородные почвы, огромные лесные массивы, отсюда незначительность площади так называемого «нетрудового» землевладения, то есть банковских, церковно-монастырских и частновладельческих участков (в границах 1918 г. – 233809 дес.[169], в границах 1921 г. – 107 тыс. дес.[170]), которое к тому же было неравномерно распределено между уездами и внутри них (наиболее обеспеченными являлись Сарапульский, Елабужский, Глазовский, Малмыжский уезды[171], которые полностью или частично отошли от Вятской губернии в 1920-21 гг.), а также неразвитость инфраструктуры при огромных расстояниях.

Октябрьская революция предоставила российским крестьянам возможность увеличить свои наделы, отменив частную собственность на землю и объявив о конфискации бывших помещичьих и прочих нетрудовых земель. Согласно Декрету о земле, в основе которого лежали крестьянские наказы, право частной собственности на землю было отменено, она превращалась во «всенародное достояние», ликвидировалось помещичье землевладение, все граждане получали равное право пользоваться землей[172].

Декрет отводил общине значительную роль в проведении земельных преобразований. В её пользование, помимо пашенных угодий, передавались мелкие реки, озёра и леса местного значения, а также «в зависимости от величины и значения» земельные участки с высококультурными хозяйствами, конные заводы, живой и мертвый инвентарь конфискованных имений, однако

[169] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.48. – Л.893.
[170] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета VIII губернскому съезду Советов… – С.85.
[171] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.48. – Л.892-893.
[172] Декреты Советской власти. Т.I. – С.17-19.

право распоряжения этим имуществом передавалось волостным земельным комитетам и уездным Советам крестьянских депутатов[173]. Поскольку наёмный труд был запрещён, в случае неспособности члена сельского общества обработать свой надел собственными силами, на общину возлагалась обязанность в течение двух лет оказывать ему помощь[174]. За ней, как самоуправляющейся единицей, закреплялась функция распределения земли между крестьянами. Согласно Декрету, земельный фонд, в силу увеличения населения и роста производительности и культуры сельского хозяйства, должен был подвергаться периодическим переделам согласно принципу уравнительности по потребительно-трудовой норме[175]. Подобная практика предусматривала широкое использование общинного передельного механизма. Однако, выбор форм пользования землёй – подворной, хуторской, общинной, артельной – отдавался на усмотрение самих крестьян[176]. Таким образом, фактически Декрет о земле вводил два основных принципа новой системы землепользования: объявлял землю всенародной собственностью и ставил во главу угла принцип уравнительности, то есть большевики осуществляли эсеровские програмные требования о социализации и уравнительном распределении земли[177] и крестьянский идеал о справедливом устройстве земельных отношений.

Не являясь сторонниками уравнительности, большевики, тем не менее, пошли на уступку общинному крестьянству, полагая, что постепенно оно само избавиться от утопических, по их мнению, представлений об уравнительном землепользовании[178]. Это с одной стороны.

---

[173] Декреты Советской власти. Т.I. – С.18-19.
[174] Там же. – С.19.
[175] Там же.
[176] Там же.
[177] См.: Коновалова О.В. В.М. Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров // Отечественная история. – 2002. – №2. – С.43-60.
[178] См.: Митрофанов А. Революционное земельное законодательство 1917–1920 гг. // Сельскохозяйственная жизнь. – 1922. – №7; Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. – С.92; Шарапов Г.В. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.) – М., 1961. – С.99, 144 и др.

С другой стороны, большевикам был жизненно важен союз с левыми эсерами, так что можно рассматривать узаконение принципа уравнительности как одно из положений, скрепляющих этот союз.

Провозглашение новых принципов и активное использование общины в проведении аграрной революции, на наш взгляд, было скорее законодательным оформлением той ситуации, которая складывалась в деревне с весны 1917 г., а именно начавшегося снизу процесса конфискации частных земель и перераспределение их с помощью общины, деятельность которой приобрела невероятно активный характер. Идти против стихийной «социализации» земли и проводить в жизнь свои программные положения в многомиллионной крестьянской стране – означало для большевиков обрекать себя на поражение в борьбе за власть.

Небольшой шаг в сторону реализации большевистских установок в аграрном вопросе был сделан путём принятия закона «О социализации земли» от 9 февраля 1918 г.[179] Его первоначальный проект, составленный левоэсеровской коллегией Наркомзема, ориентировал крестьян-единоличников на общинное землепользование. Но впоследствии он был принципиально переработан специальной комиссией с участием В.И. Ленина[180]. Положения о преимущественном развитии общин и отрубов были из проекта закона удалены[181]. В утвержденном ВЦИК варианте земельно-распорядительные и земельно-распределительные функции передавались исключительно в руки Советов, община в этой связи уже не упоминалась. Однако норма об уравнительном распределении земли была зафиксирована и здесь[182]. То же самое мы видим в разосланной на места «Временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли»[183].

Для реализации новой аграрной политики в Вятской губернии II губернским съездом Советов 18 апреля 1918 г. была одобрена подробная

[179] Декреты Советской власти. Т.I. – С.407-419.
[180] См.: Першин П.Н. В.И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР // Проблемы аграрной истории советского общества. – М., 1971. – С.11-14.
[181] Алиева Л.В. Указ. соч. – С.101-102.
[182] Декреты Советской власти. Т.I. – С.407-408, 410.
[183] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.15. – Л.120-120об.

«Временная инструкция уездным и волостным земельным отделам о порядке распоряжения землями сельскохозяйственного значения», согласно которой все сельскохозяйственные земли делились на три категории:

- земли запасного фонда, куда входили все бывшие казённые, удельные, банковские, монастырские, церковные и частновладельческие земли;
- участки, занятые специальными культурами, конские заводы, опытные станции и т.п., которые не подлежали раздроблению и оставались в ведении земотделов;
- «используемые трудовыми хозяйствами надельные и купчие земли сельских и селенных обществ и крестьянских товариществ, а также отрубные и хуторские участки отдельных крестьян»[184].

Земли первой категории передавались во временное уравнительное пользование местному населению волостными земельными отделами с соблюдением очереди, где на первом месте стояли общества и товарищества крестьянских хозяйств и трудовые товарищества и коммуны, а затем отдельные хозяйства[185].

Согласно ведомостям учёта и распределения земель, зачисленных, на основании данных положений, в запасной фонд Вятской губернии, в подавляющем большинстве случаев при распределении бывших удельных, казённых, банковских, церковно-монастырских и частновладельческих участков получателями земли являлись сельские общины («общества граждан»). В редких случаях – совхозы, артели, учреждения[186]. При этом иногда земельным чиновникам приходилось бороться с «анархическими стремлениями отдельных элементов и групп населения», которые пытались «самочинно» захватить земли запасного фонда и пустить их в передел вместе с надельной землей[187], что запрещалось названной инструкцией[188]. Распределение земель нетрудового пользования между селениями прошло

[184] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – С.95-96.
[185] Там же. – С.97.
[186] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.48.
[187] Там же. – Д.42. – Л.144об.-145.
[188] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – С.100.

достаточно мирно и не вызвало значительных споров, что можно объяснить, с одной стороны, тем, что проводилось оно в основном при участии тех или иных представителей власти, а с другой стороны, тем, что часто крестьяне получали те участки, которыми они пользовались и до революции на праве аренды.

На 1 октября 1919 г. общины получили 164 823 дес., а все остальные категории землепользователей – 5725,81 дес.[189] В целом землеобеспеченность крестьянства губернии в результате распределения земель, включённых в запасной фонд, увеличилась крайне незначительно. Если до революции на едока приходилось в среднем 2,12 дес. сельскохозяйственных земель, то в конце 1919 г. – 2,15 дес.[190] При этом обязательно нужно учитывать, что далеко не везде имелись земли запасного фонда, следовательно, не все селения получили прибавку к своему наделу.

Распоряжение землями третьей категории оставалось за трудовыми хозяйствами, при этом разрешалось изменять порядок пользования ими путём общих или частичных уравнительных переделов, которым подлежали все категории угодий, а также подушные и подворные участки[191]. Не включались в передел отрубные и хуторские участки, допускались лишь отрезки лишней и прирезки недостающей по норме наделения земли. В селениях, полностью развёрстанных на отруба и хутора, запрещалось проводить перераспределение[192].

Тем не менее, в виду обозначенных особенностей распределения земельного фонда губернии, оживление общины, в первую очередь, выразилось в наступлении на крестьянина-частника. Только в Петропавловской волости Сарапульского уезда уже к началу августа 1917 г. общинники путем переделов ликвидировали 116 отрубных и хуторских хозяйств[193]. Вопреки требованиям упомянутой инструкции, в Кундыжской волости Яранского уезда три хутора

---

[189] ГАКО. – Ф.Р-1068. – Оп.2. – Д.84. – Л.63об.
[190] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.207. – Л.53.
[191] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – С.99-100.
[192] Там же. – С.100.
[193] Бакулин В.И. Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии. – С.54.

были распределены между «обществами граждан» двух починков[194]. Уравнительное перераспределение земли проводилось даже в селениях, полностью развёрстанных на отруба. В дер. Паниклы Теребиловской волости Уржумского уезда шесть отрубщиков произвели общий уравнительный передел земли[195].

Однако мы не можем говорить о значительном сокращении численности отрубщиков и хуторян в годы революции. До 1916 г. на хутора и отруба выделилось 4844 двора[196], а в 1923 г. их насчитывалось по губернии 4029 хозяйств[197] притом, что площадь губернии уменьшилась, от неё отошли как раз те уезды, на территории которых находилось немалое число отрубов и хуторов[198]. Более того, ликвидация участкового землепользования и возвращение земель отрубщиков и хуторян в общину не всегда сопровождалось конфликтами. В первые послереволюционные годы (1918–1920) были случаи перевода участков, принадлежавших выделившимся из «обществ» хозяйствам, в общинное пользование вследствие добровольного возвращения их владельцев в мирскую организацию или отказа их от земли[199]. Более того, несмотря на то, что в эти годы советское государство если прямо не запрещало, то не содействовало единоличному землеустройству, и заявки на его проведение земельными органами не принимались, тем не менее, и в 1918, и в последующие годы вплоть до объявления свободы выбора форм землепользования, из надельных земель по соглашениям с общинами выделялись отруба и хутора. Такие случаи имели место в Вятском, Слободском уездах[200].

Однако главным явлением, дающим представление о характере «общинной революции» в губернии, были переделы. Из отчётов земельных органов губернии видно, что в 1918 г. практически повсеместно прошли

[194] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.48. – Л.1032об.-1033.
[195] Там же. – Л.259об.
[196] Там же. – Д.239. – Л.39.
[197] Там же. – Д.1012. – Л.51.
[198] Часть отрубов и хуторов, существовавших в 1923 г., образовалась уже после революции, но число их было все же незначительно.
[199] ГАКО. – Ф.Р.-1063. – Оп.1. – Д.4. – Л.1000об.-1001, 1002, 1233-1240 и др.
[200] Там же. – Л.469об.-474 об., 539-548, 615-616об.

уравнительные переделы земли, часто они носили общий характер, то есть производились с ломкой меж всех участков всех хозяев[201]. В русле возобладавшей тенденции переделы проводились даже в тех обществах, где таковых не было с момента наделения землей[202]. Обстановку в деревне в ходе уравнительных переделов, особенно весной 1918 г., можно охарактеризовать как неспокойную.

Уравнение надельного землепользования часто проходило в сложной обстановке, сопровождалось беспорядками[203]. Не все общинники соглашались на передел, нередко крестьяне выражали недовольство уже произведёнными уравнениями. Вятский уземотдел в отчёте в 1918 г. писал, что особенно выделялись селения, где были кулаки, которые не хотели соглашаться с тем, что их крупные наделы или подворные участки должны быть включены в общий передел[204]. Вятские газеты того времени содержат немало крестьянских жалоб. В дер. Ожеговская Пальничной вол. Вятского уезда беднота несколько раз пыталась на сходе решить вопрос о переделе земли, однако, как сообщал корреспондент, «кулачьё» во главе с местным учителем или срывали собрания, или убеждали односельчан, что для уравнения время неподходящее, так как многие жители служат в Красной Армии. В результате передел так и не состоялся[205]. Подобная ситуация складывалась в дер. Малышковы Верхораменской вол. Орловского уезда. А в дер. Ложкари Слободского уезда, несмотря на сопротивление кулаков, перераспределение земли всё же произошло[206]. Фактически это было продолжением борьбы за землю между разными слоями общинного крестьянства, имевшей место в губернии в дореволюционное время[207].

Крестьяне относились к земле, прежде всего с позиции нравственности: только личный труд на данной земле или труд предшествующих поколений

---

[201] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.20. – Л.40об.; Д.42. – Л.146.
[202] Там же. – Д.832. – Л.23, 27-27об.
[203] Там же. – Д.8. – Л.76.
[204] ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.73. – Л.377.
[205] Деревенский коммунист. – 1919. – 15 мая.
[206] Там же. – 16 мая.
[207] См.: Никитина Г.А. Эволюция уравнительно-передельного механизма удмуртской общины (конец XIX – начало XX вв.) // Политика и экономика Удмуртии советского периода. – Ижевск, 1995. – С.7-9.

давал право пользоваться землёй. Отсюда отказ в моральном праве пользоваться ей тем, кто на ней не трудился[208], что в ходе уравнительных переделов выливалось в принцип наделения землей только населения, занимавшегося сельским хозяйством до революции. В связи с этим из его состава (вопреки требованиям земельного законодательства, в том числе и Декрета о земле) часто исключали прибывших в деревню из города служащих, учителей, медицинских работников, иногда «отсутствующих» хозяев, в том числе красноармейцев, а также приёмных детей, примаков, что вызывало споры и недоразумения, которые приходилось разрешать земельным отделам[209]. По сообщению Вятского уземотдела, порой только с помощью вооруженной силы удавалось подавить сопротивление крестьян наделению примаков и «зятевьёв»[210].

Вятское крестьянство, как и основная масса российского крестьянства, выбрало потребительную норму наделения землёй, то есть по наличным едокам. Так, Котельничский уездный крестьянский съезд представителей от сельских обществ (январь 1918 г.) предлагал земельным комитетам «уравнять землю согласно наличных членов семьи»[211]. Данное положение было утверждено всё той же инструкцией, принятой общегубернским съездом Советов в апреле 1918 г.[212] Однако были случаи, когда формально община принимала за развёрсточную единицу едока, но фактически не соблюдала её. Так, крестьянин Мамаев писал в газету, что в дер. Тюмени Камешинской вол. в 1918 г. был произведён передел. «Собрались мужички и решили разделить по наличному составу», однако «когда приступили к разделу, размеряли землю по-другому: на новорождённых не давали, а на недавно померших отрезали»[213], то есть фактически распределили землю по прежним «душам».

---

[208] Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М., 2000. – С.40.
[209] ГАКО. – Ф.Р-1066. – Оп.1. – Д.2. – Л.12; Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.42. – Л.146; Д.702. – Л.485, 492, 626, 718, 732, 834; Д.826. – Л.25-26, 44-45 и др.; Деревенский коммунист. – 1919. – 20, 21 мая.
[210] ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.73. – Л.377.
[211] Вятская правда. – 1918. – 15(2) марта.
[212] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. – С.101.
[213] Деревенский коммунист. – 1919. – 16 марта.

Ещё во второй половине XIX в. основным критерием развёрстки земли стал человек (едок, ревизская душа, работник), а не семья, как это было ранее[214]. Принятие «едоцкого» принципа в ходе революции более всего отвечало самым примитивным уравнительным представлениям крестьянства. Утверждение данного критерия распределения земли консервировало крестьянское хозяйство на натурально-потребительском уровне.

Несмотря на уравнение по едокам, в отдельных случаях при переделах всё же принималась во внимание возможность хозяйства обрабатывать причитающуюся землю и платить с неё налоги. Так, в приговоре общего собрания крестьян дер. Янкеево Конганурской вол. Уржумского уезда о переделе общинной земли оговаривалось, что лишнюю землю, в случае невозможности её обработки и уплаты податей, необходимо отбирать «в общество»[215].

Фактически первая волна земельных переделов была законодательно санкционирована и поддержана государством в лице его земельных органов. Однако возникшее в период первых революционных преобразований массовое явление уравнительного перераспределения земли не прекратилось, а продолжало нарастать. Зачастую переделы стали проводиться ежегодно. Частые и беспорядочные переделы назывались чиновниками земельных органов губернии среди основных препятствий на пути улучшения техники обработки земли и, в целом, поднятия сельского хозяйства[216]. Ощущая нестабильность своего землепользования, ожидая очередного поравнения, крестьяне переставали вывозить на поля удобрение, хуже обрабатывали землю[217].

Всё это вынудило и местные, и центральные власти обратить на сложившуюся ситуацию пристальное внимание. Они неоднократно

---

[214] Миронов Б.Н. Указ.соч. Т.1. – С.467-468.
[215] Община в аграрной революции: Документы сельского схода о земельных отношениях в национальной деревне Поволжья (1918-1922 гг.) / Сост. А.А. Иванов. – Йошкар-Ола, 2005. – С.79.
[216] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.701. – Л.16об-17; Д.736. – Л.38; Д.738. – Л.30об.
[217] Там же. – Д.42. – Л.146об.

предпринимали попытки с помощью законодательных актов внести порядок в эту сферу и ограничить проведение полных и частичных уравнений земли.

В первую очередь Вятский губернский земельный отдел ещё в марте 1918 г. обязательным постановлением запретил всякие переделы земли между отдельными селениями, волостями без своего ведома и согласия[218]. Что же касается внутриобщинных переделов, то их проведение приобретало единый фиксированный порядок и ставилось под контроль волостных земельных отделов, согласно упомянутой «Временной инструкции уездным и волостным земельным отделам о порядке распоряжения землями сельскохозяйственного значения» от 18 апреля 1918 г.[219] Подобный подход к проблеме со временем был узаконен в масштабах страны.

Народный комиссариат земледелия РСФСР своим постановлением «О порядке производства внутринадельных переделов в отдельных сельских обществах, селениях и других сельскохозяйственных объединениях» от 1 июля 1919 г. признал нежелательным проведение любых произвольных переделов, но допускал их с разрешения волостных земельных отделов, которые должны были при этом руководствоваться хозяйственной целесообразностью. Однако и в этом варианте оговаривалось только три случая, в которых переделы могли быть разрешены: переход к многополью, образование из надельных земель общества того или иного вида коллективного хозяйства и «необходимость немедленного уничтожения» явных недостатков землепользования и несправедливости в распределении земли. Для возбуждения ходатайства о переделе нужно было решение о нём в виде приговора не менее двух третьих полноправных граждан-общинников для полного передела, и простое большинство – для частичного[220].

Подотдел землеустройства Вятского губернского земельного отдела циркуляром от 22 апреля 1920 г. ужесточил положения, прописанные в постановлении НКЗ, и разрешил производство переделов только в тех

---

[218] Вятская правда. – 1918. – 19(6) марта.
[219] 2-й Вятский губернский съезд Советов Крестьянских, Рабочих и солдатских депутатов. – С.101.
[220] СДЗЗ – С.83.

обществах, где они совершенно не проводились в 1918 и 1919 гг.[221] В скором времени то же самое предприняли центральные власти. Декрет СНК от 30 апреля 1920 г. запрещал полные переделы там, где они уже состоялись; производить новые разрешалось только по истечении времени, необходимого для трёхкратного чередования севооборота. Право санкционировать полные переделы передавалось уездным земельным отделам. Более подробно были расписаны случаи, когда волземотделы могли разрешить проведение частичных переделов[222].

Несмотря на это, массовые переделы не прекратились. Вятский губернский подотдел землеустройства в феврале 1921 г. указывал на то, что часто сами земельные органы на местах создавали к этому условия, одобряя приговоры о переделах там, где они уже состоялись[223]. 23 марта 1921 г. ВЦИК признавая положение «недопустимым», снова подтвердил положения декрета от 30 апреля 1920 г., предписал земотделам в точности руководствоваться его положениями[224]. И тем не менее, подотдел землеустройства Вятского губземотдела в своем докладе к VIII губернскому съезду Советов (1921 г.) констатировал бессилие земельных органов справиться со стихией земельных переделов, значительное число которых производилось самочинно, игнорируя официальную процедуру. Поэтому подотдел взывал ко всем органам власти и партии воздействовать на население, «не останавливаясь ни перед какими мерами»[225]. Таким образом, в этой связи государство пыталось существенно ограничить общину в той сфере, которая традиционно находилась в её области ведения и регулировалась обычным правом. Подобные меры были вызваны, скорее масштабом явления, нежели простым желанием государства и его органов вмешиваться во внутренние дела сельского общества.

Тем не менее, было бы неверным полагать, что уравнительные переделы в первые послереволюционные годы прошли во всех общинных организациях

---

[221] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.38. – Л.102.
[222] Декреты Советской власти. – Т.III. – С.128-130.
[223] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.834. – Л.8-8об.
[224] Декреты Советской власти. Т.XIII. – М., 1989. – С.248-249.
[225] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.822. – Л.26.

губернии, оставалось значительное число «обществ», где не было не только полных переделов, но и частичных уравнений земли, пользование которой ещё долгое время (в некоторых селениях вплоть до начала 1930-х гг.) осуществлялось по ревизским душам. Из 572 общин разных волостей и уездов губернии, обследованных в 1926 г., в 148 (25,9%) после революции переделов не было[226]. Справедливости ради отметим, что не во всех «обществах» требовалось уравнивать землю по причине их многоземельности и малонаселенности (в основном это касалось лесных северо-восточных районов губернии).

В первые годы советской власти ограничивались или изымались совсем и другие функции «мира». Так, в семейно-имущественных разделах, которые ранее полностью находились в сфере прерогатив общины, она была лишена какого-либо решающего участия. В 1918 г. проведение семейных разделов было полностью возложено на народные суды, а в следующем году в части, касающейся движимого и недвижимого имущества, относящегося к землепользованию и ведению хозяйства, – на местные земельные отделы, которые должны были выносить соответствующее постановление только после выдачи сельсоветом заключения о целесообразности раздела[227]. Согласно инструкции губземотдела, теперь представители сельского общества участвовали в процедуре только в качестве сведущих лиц[228]. Такую линию государства можно понять, если учесть то обстоятельство, что в деревне шёл интенсивный процесс разрушения крупной семьи, начавшийся ещё до революции, а в условиях относительного малоземелья, упадка крестьянского хозяйства это приводило к катастрофическим последствиям (обеднение двора, сокращение количества рабочего инвентаря и скота в хозяйстве, сужение и без того неширoких полос, увеличение дальноземья, сокращение площади сенокосов на двор и т.п.). Ф.А. Хоробрых, в 1920-е гг. исследовавший данную проблему в Вятской губернии, отмечал, что при сохранении темпов, когда в год

[226] ГАКО. – Ф.Р-1053. – Оп.1. – Д.898. – Л.54.
[227] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.15. – Л.382; Д.38. – Л.90.
[228] Там же. – Д.698. – Л.252-252об.

делилось около 2% хозяйств, к 1950 г. число их в губернии удвоится[229]. Тем не менее, община и здесь не сдавала позиций. Яранский уземотдел 20 декабря 1920 г. указывал всем волземотделам, что, вопреки распоряжениям центральной власти, наблюдаются случаи самочинных семейных разделов по общественному приговору[230].

В обозначенный период община фактически сохраняла за собой и другие функции, большая часть которых лежала в области земельных отношений или примыкала к ним. Материалы, касающиеся земельных споров, позволяют выявить их круг. Сельское общество проводило полные или частичные переделы пахотной, сенокосной, усадебной земли, принимало к себе новых членов, наделяло землей, решало вопросы землеустройства и севооборота, распоряжалось землями общего фонда, выморочным имуществом, а также выделяло землю под хутора, отруба, для образования сельскохозяйственных артелей, товариществ, коммун. В круг его ведения входили и такие вопросы как, передача хозяйства от одних членов семьи другим, наложение обязанностей на отрубщиков, распоряжение жилыми и хозяйственными постройками и т.п.[231] Упоминается даже приговор общества об отобрании имущества у престарелой женщины и отправлении её в богадельню[232].

Материалы земельных споров позволяют выявить и представительскую функцию общины. Чаще всего она проявлялась в тяжбах по поводу спорных земельных участков с другими обществами, органами власти, с сельскохозяйственными артелями, товариществами и т.д., а также тогда, когда «общество» ходатайствовало о предоставлении права пользоваться землёй лесного, запасного фондов. Были случаи, когда общины для отстаивания своих интересов избирали уполномоченных, объединялись.

Все эти многочисленные вопросы, как и раньше, рассматривались на сельских сходах, в которых участие, в большинстве случаев, принимали только

---

[229] Хоробрых Ф.А. О современной эволюции вятского крестьянства. – Вятка, 1927. – С.14.
[230] ГАКО. – Ф.Р-1068. – Оп.2. – Д.84. – Л.290.
[231] См.: ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.702, 826, 827, 829.
[232] Там же. – Д.26. – Л.25.

домохозяева. Авторитет схода использовали землемеры и землеустроители при составлении проектов и производстве работ по землеустройству[233].

По-видимому, непросто складывались отношения общины с земельными органами. Редко, но встречаются споры по поводу изъятия волостными и/или уездными земотделами надельных земель тех или иных обществ или беспричинного перераспределения между селениями земель запасного фонда. Как правило, губземотдел в таких случаях отменял решения нижестоящих органов[234]. Порой община противопоставляла себя органам власти, отказываясь выполнять их решения. Например, общество дер. Гайнской Пальничной волости Вятского уезда в течение 1919–1921 гг. отказывалась наделить землёй железнодорожного служащего С.К. Южанина, несмотря на неоднократные постановления и распоряжения волземотдела, волисполкома, уземотдела[235]. То же в дер. Хаустовской Чепецкой волости того же уезда, где члены общества не выполнили два предписания волземотдела о наделении сенокосной землёй жителя своего селения[236].

Нежелание выполнять те или иные предписания власти о наделении землёй, как верно отметил А.А. Куренышев, могло быть обусловлено вовсе не упрямством крестьян, а их представлениями о справедливости. Общинная мораль требовала, чтобы определёнными правами, преимуществами, льготами пользовались те, кто этого действительно заслуживал. В случае, когда власти подходили к делу формально, без учёта всех обстоятельств, хорошо известных «обществу», они встречали жёсткий отпор[237]. Именно данным обстоятельством можно объяснить упорное нежелание «общества» дер. Гайнской наделять землёй С.К. Южанина, так как он 20 лет не жил в деревне в семье своих отца и брата, не обрабатывал вместе с ними землю, а теперь требовал надел в одном с ними участке. Община предложила ему землю из запасного фонда, которая, естественно, нуждалась в серьёзном вложении труда и удобрения, на что

---

[233] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.838. – Л.24, 25, 33 и след.
[234] Там же. – Д.702. – Л.735, 738, 843 и след.
[235] Там же. – Д.826. – Л.44-45.
[236] Там же. – Л.63-63об.
[237] Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. – С.142.

жалобщик не согласился. Тогда «общество» вообще лишило его права землепользования[238]. Земельные органы рассматривали дело, исходя из буквы закона, не учитывая нюансы общинной морали.

При рассмотрении всей массы дел, касающихся земельных отношений и оказавшихся в поле зрения губземотдела в 1921 г., где, так или иначе, присутствует община и где отражены решения нижестоящих органов, можно обнаружить следующую картину. Чем ближе орган находился непосредственно к сельскому обществу, тем чаще он выносил постановления, одобрявшие его решения, вставал на его сторону в спорах с отдельными хозяевами или их группами, даже если эти решения противоречили действующему законодательству[239].

Одной из основных причин подобной ситуации можно назвать то обстоятельство, что в низовых органах чаще всего работали те же самые крестьяне-общинники, которые следовали интересам сельского общества, знали все обстоятельства изнутри, на которых могло оказываться и давление со стороны «мира». Другой причиной была катастрофическая нехватка в земельных органах губернии, особенно в низовых звеньях аппарата, грамотных опытных специалистов, хорошо знакомых с советским законодательством, о чём свидетельствуют текучесть кадров, противоречивые постановления, путаница. Земельные органы не раз указывали на это обстоятельство[240]. Так, 15 мая 1921 г. в постановлении о наделении землёй коллегия Вятского губземотдела отменила решения Смирновского волземотдела и Орловского уземотдела и отправила дело на новое рассмотрение, указав, что их решения незаконны, что «всё это дело сплошная и вопиющая несправедливость, начатая гр-нами селения Жуковы и законченная Уземотделом»[241].

Значительная «самостоятельность» общины в решении тех или иных вопросов вызывала негативную реакцию местных органов власти. Орловский УЗО в отчете за 1921 г. подчёркивал, что необходимо широко оповестить

[238] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.826. – Л.44-45.
[239] См.: Там же. – Д.702. – Л.15,16, 34 и след.
[240] Там же. – Д.701. – Л.11, 15об.; Д.734. – Л.34; Д.735. – Л.37об-38.
[241] Там же. – Д.702. – Л.626об.

население о том, что без утверждения волземотдела ни один «земельный вопрос самостоятельно селенцами не разрешается»[242].

Конфликтуя с общиной, власти региона, и страны в целом, тем не менее, были вынуждены считаться с «миром» как реальной и влиятельной силой, привлекать его к решению текущих проблем в катастрофической хозяйственной ситуации начала десятилетия. Правда, община далеко не всегда отвечала взаимностью.

Тяжелейшее продовольственное положение в стране и упадок сельского хозяйства вынудили власти на завершающем этапе «военного коммунизма» пойти на принятие экстренных мер. Постановлением VIII Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1920 г. и серией последующих законодательных актов (январь 1921 г.) государство попыталось ввести плановость в сельскохозяйственное производство (определение общей площади засева, предписание осуществления обязательных мер сохранения необходимого для этого количества семян) и создать единую сеть органов, руководящих сельскохозяйственной кампанией: посевкомов и сельскохозяйственных советов на уровне волости, уезда, губернии, а на уровне села – селькомов[243].

Первейшей проблемой была нехватка семян, что побудило государство пойти на создание специальных семенных фондов путем ссыпки в общественные амбары или бронирования под расписку. При этом ответственность за сохранность семян возлагалась на сельские общества[244]. В протоколе расширенной сессии Вятского уездного сельскохозяйственного совета (28-29 января 1921 г.) подчёркивалось, что необходимо брать «подписку-приговор об общей взаимной ответственности всего селения» за сохранность семенного материала. Об этом же читаем в резолюции Вятского уездного съезда селькомов (ориентировочно январь-февраль 1921 г.)[245].

---

[242] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.735. – Л.37об.-38.
[243] См.: Декреты Советской власти. Т.XII. – М., 1986. – С.80-86, 151-158, 212-220, 233-240.
[244] Там же. – С.84, 213-214.
[245] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.717. – Л.3, 4.

На обсуждение «мира» также предписывалось выносить подворные планы засева[246]. Вятский губпосевком наделил себя правом применять репрессивные меры к сельским обществам, уклоняющимся от выполнения обязательного плана засева[247].

Ответственность за проведение посевной кампании возлагалось и на селькомы, которые должны были избираться обществами граждан и были им подотчётны[248]. В одном из номеров «Вятской правды» за 1921 г. признавалось необходимым убеждать каждого крестьянина, каждую общину в важности государственного регулирования хозяйственных дел деревни[249]. В другом номере этой газеты автор статьи «Мирское принуждение», говоря о трудностях в создании селькомов, доказывал, что они суть «мирское принуждение для всеобщей пользы», проводя аналогии с принудительным севооборотом и другими общественными ограничениями, накладываемыми на крестьянина сельским сходом[250].

Однако население довольно равнодушно отнеслось к созданию селькомов и с недоверием к мероприятиям по сохранению семенного материала, что видно из отчётов губземотдела, из докладов с мест[251]. В отчете Котельничского упосевкома за июль 1921 г. сообщалось, что делегаты 3 уездного сельскохозяйственного совета высказались за упразднение селькомов и передачу их функций «общественным уполномоченным»[252]. План засева для яровых культур на 1921 г. выполнен не был. В целом по губернии недосев составил 33,6%, по уездам от 16% (Орловский уезд) до 66% (Яранский уезд)[253]. Ситуация, безусловно, объяснялась и нехваткой семян[254], как у самих крестьян, так и у властей, и общим хозяйственным упадком. К тому же страшная засуха, вызвавшая голод, поразила южные уезды губернии. В госинфсводках

[246] Декреты Советской власти. Т.XII. – С.235.
[247] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.698. – Л.83.
[248] Декреты Советской власти. Т.XII. – С.155.
[249] Вятская правда. – 1921. – 30 января.
[250] Вятская правда. – 1921. – 23. февраля.
[251] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.696. – Л.5, 21об.-23; Д.701. – Л.220об.; Д.708. – Л.220об.
[252] Там же. – Д.731. – Л.18об.
[253] Подсчитано по: там же. – Д.698. – Л.422.
[254] См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т.1. – С.422, 433, 473, 478.

сообщалось о голодных волнениях, грабежах продовольственных грузов, складов[255].

В это же непростое время через общину центральные и местные власти пытались достичь применения улучшенных способов обработки земли и ведения хозяйства. Так, в 1921 г. из Москвы местным органам рекомендовалось добиваться приговоров о ранней вспашке пара, об осенней мелкой обработке ярового клина[256]. В том же году Вятский губисполком путём издания целой серии обязательных постановлений предпринял попытку поднять производительность сельского хозяйства, ввести улучшенные способы хозяйствования, землепользования (постановления об улучшении ухода за лугами, об использовании золы, навоза, о введении пастушества, об использовании посевов трав на семена, об улучшенных приёмах обработки пара, о порядке перехода на широкие полосы)[257].

Хотя проведение их в жизнь поручалось в основном волпосевкомам, а также селькомам при содействии агрономического персонала, тем не менее, невозможно было обойтись без обращения к общине. В частности, ответственность за выполнение мер по улучшению лугов возлагалась на сельские общества, в противном случае, их могли лишить пользования лугами, передать таковые в запасной фонд или другому обществу[258]. Для полного и правильного использования навозного удобрения рекомендовалось его вывозку и запашку производить помочами[259]. Введение пастушества и переход на широкие полосы должен был осуществляться по приговору не менее 2/3 членов общества[260].

Однако эффект был, по-видимому, небольшой, так как и ранняя вспашка пара, и зяблевая вспашка в посевкампанию 1921 г. прошли в очень

---

[255] См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т.1. – С.456, 463, 655.
[256] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.698. – Л.396; Д.708. – Л.83об.,199.
[257] См.: Резолюции и постановления 7-го Вятского губернского съезда Советов… – С.14-22; Вятская правда. – 1921. – 22 мая.
[258] Резолюции и постановления 7-го Вятского губернского съезда Советов … – С.15.
[259] Там же. – С.17.
[260] Там же. – С.18; Вятская правда. – 1921. – 22 мая.

незначительном масштабе[261]. Подводя итоги, губернский земотдел в отчете VIII губернскому съезду Советов отмечал, что некоторый результат принятия указанных норм был, что населением частично применялись отдельные мероприятия. Но в целом вынужден был констатировать, что «обязательные постановления в этом отношении едва ли могли сыграть какую-либо роль»[262].

Особенностями и одновременно недостатками общинного землепользования и земледелия являлись чересполосица, узкополосица, дальноземье и длинноземье, традиционная трёхпольная система. Всё это имело место и в Вятской губернии, хотя существовали территориальные различия. В северных уездах губернии преобладали малодворные общины (20-40 дворов), здесь основным недостатками являлись мелкополосица и чересполосица, в то время как южные деревни (70-100 дворов) в большей степени страдали от длинноземелья и дальноземелья (до 5-6 км)[263]. Губернские власти отмечали крайнюю чересполосность (межволостную, межселенную и внутринадельную)[264]. Ширина крестьянских полос порой не превышала 1 м при длине 200-300 м[265]. Нередким явлением было наличие до 40 и более полос на двор в каждом поле[266]. Ситуация, по-видимому, усугублялась в результате стремления крестьянства к максимальной уравнительности и связанных с этим массовых переделов (именно желание выделить каждому хозяйству землю одинаковую по количеству и качеству рождало все указанные особенности).

Сотрудники земельных органов добивались перехода на широкие полосы. Ещё в упоминавшейся ранее «Временной инструкции уездным и волостным земельным отделам» 1918 г. при переделах «настоятельно рекомендовалось» избегать чересполосицы и мелкополосицы, по возможности сводя участки к одному месту[267]. Были попытки со стороны отдельных уездных властей принудительно ликвидировать внутриселенную чересполосицу,

---

[261] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.708. – Л.243об.
[262] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета VIII губернскому съезду Советов … – С.7.
[263] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1799в. – Л.70.
[264] Там же. – Д.822. – Л.25.
[265] Там же. – Д.2585. – Л.87.
[266] Там же. – Д.753. – Л.105.
[267] Там же. – Д.38. – Л.65об.

мелкополосицу. Орловским уездным Советов в марте 1919 г. была принята инструкция, устанавливающая уничтожение мелкополосицы в обязательном порядке, а в селениях, где она не будет устранена – обязательное введение общественной обработки земли. При этом инструкция требовала составления соответствующих приговоров[268]. Аналогичная инструкция была издана в Нолинском уезде[269].

Крестьянские жалобы на подобные действия местных органов доходили до Москвы. В мае 1919 г. Центрозем требовал от губернских властей расследовать ситуацию, сложившуюся в Орловском уезде в связи с проведением названной инструкции, положения которой противоречили распоряжениям Центра[270]. При расследовании обстоятельств дела выяснилось, что в уезде применялись угрозы, принудительные меры для уничтожения чересполосицы и перехода к широким полосам[271]. ГЗО в ответе на запрос из Москвы тогда же в мае 1919 г. сообщил, что все постановления уездных властей, противоречащие основам землеустройства отменены[272]. Однако и позже приходили сведения о подобных фактах. В Нолинском уезде в течение 1919 г. земорганами при поддержке вооруженных сил, милиции в селениях уезда в обязательном порядке проводились общие переделы с переходом на широкие полосы[273]. Такие насильственные меры местного аппарата накаляли и без того неспокойную обстановку в деревне.

Попыткой в государственном масштабе ликвидировать недостатки землепользования и стимулировать процесс перехода от единоличных форм хозяйствования к товарищеским было принятие постановлением ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». Его нормы неразрывно связывали мероприятия по землеустройству с перспективой перестройки сельского хозяйства на социалистический лад, определяли цели и задачи

[268] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.8. – Л.89об.
[269] Там же.
[270] Там же. – Д.207. – Л.8об.
[271] Там же. – Л.10, 62-64об.
[272] Там же. – Л.10.
[273] РГАЭ. – Ф.478. – Оп.7. – Д.95. – Л.52, 54об.

землеустройства, круг землеустроительных действий, очерёдность и порядок составления и исполнения государственных записей и учёта землепользования и т.д.[274]

Данным законодательным актом осуществлялась идея национализации земли, которая отныне составляла единый государственный фонд и передавалась в непосредственное распоряжение центральных и местных органов власти[275]. Все землеустроительные работы, такие как учёт земельного фонда, отграничение сельскохозяйственных земель от земель других категорий, выделение тех земель, которые не подлежат распределению в единоличное землепользование, уничтожение дальноземья и чересполосицы и др. должны были быть направлены к постепенному обобществлению сельского хозяйства[276]. Вместе с тем, некоторые из указанных мер объективно способствовали улучшению, усовершенствованию общинного землепользования.

Порядок производства всех землеустроительных действий определялся подробной «Инструкцией по применению положения о социалистическом землеустройстве», принятой СНК 11 марта 1919 г.[277]

Однако проведение в жизнь столь масштабной задачи, как землеустройство всего государственного фонда, требовало наличия соответствующих сил и средств при условии стабильной политической и экономической ситуации. Но ни того, ни другого, ни третьего в тот момент не было. В Вятской губернии «социалистическое землеустройство» было начато в тех районах, где наблюдалось особенно запутанное землепользование, но за недостатком землеустроительного персонала большинство дел было прекращено[278].

Очевидно, что и определённая часть крестьянства усматривала в традиционной системе землепользования негативные моменты,

[274] Декреты Советской власти. Т.IV. – С.371-389.
[275] Там же. – С.371.
[276] Там же. – С.372.
[277] См.: СДЗЗ – С.51-65.
[278] Отчет губернского земельного отдела // Отчет Вятского губернского исполнительного комитета VIII губернскому съезду Советов… – С.86.

препятствующие ведению хозяйства, а также допускала возможность их преодоления. В этом его интересы совпадали с представлениями властных органов. Ещё в 1919 г. в отчётах местных органов власти, хотя и не повсеместно, отмечалось тяготение населения к переходу на широкие полосы[279]. Нередко встречаются сообщения о вынесении приговоров о переделах с ликвидацией мелких полос[280]. Однако они не всегда проводились в жизнь в виду отсутствия технической помощи[281].

Гораздо сложнее дело обстояло с переходом на многополье. В отчётах агрономического персонала Яранского уземотдела за первое полугодие 1922 г. отмечалось, что население проявляет большое желание перейти к многополью. Указывалось, что за январь вынесено 42 соответствующих приговора, за апрель в общинах организовано 11 «многополий», за май то же решение приняли граждане 16 селений, и только последним были выданы семена, 82 селениям пришлось отказать из-за нехватки семенного материала[282], что неудивительно в условиях неурожая. Такую же ситуацию описывал в своем отчёте яранский уездный инструктор по льноводству и льнообработке[283]. Препятствием к переходу на многопольный севооборот была и необходимость предварительного землеустройства (ликвидация чересполосицы, вклинивания, дальноземья)[284]. Однако с этого времени желание вятского крестьянства перейти на многополье только усиливалось. Переход на многополье в определённой степени модернизировал, интенсифицировал общинную систему землепользования.

Таким образом, в ходе аграрной революции в первые годы советской власти (1917–1921) община сыграла ведущую роль, и, прежде всего, в разрешении земельного вопроса, перераспределив «нетрудовые» земли, а также уравняв крестьянские наделы. В Вятской губернии активность общины в

---

[279] ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.99.
[280] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.702. – Л.281, 610, 626, 715, 998, 1004; Д.829. – Л.4.; Ф.Р-1066. – Оп.1. – Д.233. – Л.24 и др.
[281] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.702. – Л.1003.
[282] ГАКО. – Ф.Р-1068. – Оп.2. – Д.83. – Л.9-9об, 31, 38-38об, 70-70об.
[283] Там же. – Л.80-80об.
[284] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.835. – Л.88.

наибольшей степени проявилась в массовых уравнительных переделах, которые, несмотря на старания государства, на данном этапе прекратить не удалось. Попытки государства решить те или иные хозяйственные проблемы, используя мирскую организацию, удавались лишь отчасти. Вместе с тем, община довольно успешно продолжала решать свои внутренние проблемы. То есть, фактическим хозяином деревни в области земельно-хозяйственных отношений оставался крестьянский «мир», руководимый собственными представлениями о наилучшем, справедливом их устройстве.

***

Активизация деятельности общины, усиление её автономности, локализма в ходе революции 1917 г. в значительной степени определяли жизнь деревни в 1917–1921 г. Практически ни одна проблема не могла найти своего разрешения без участия «мира», что сильно сказалось на взаимодействии молодого советского государства с общинной организацией. В этом ключе можно выделить две тенденции. Первая – стремление государства опереться на новые органы в деревне и в какой-то мере нейтрализовать относительно автономную общину, вторая – использовать «мир» и его традиции в своих целях, опереться на него, особенно в ходе решения продовольственных и хозяйственных вопросов, когда игнорировать общину было невозможно и выгоднее было использовать её механизмы. Это приводило к тому, что многие из рассматриваемых явлений в российской деревне в период гражданской войны имели амбивалентный характер, сочетая вековые традиции и обычаи крестьянского «мира» и выполнение требований государства[285].

Другое дело, что вятская крестьянская община неохотно выполняла решения власти, а порой и враждебно относилась к нововведениям. Мы согласны с тем, что сопротивление было связано с защитой завоёванной хозяйственной автономии и практического воплощения социальной утопии, «отнюдь не предусматривавшей активное вмешательство государственных

[285] Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. – С.151.

структур во внутреннюю жизнь общин»[286]. Хотя обе тенденции имели место на протяжении 1917–1921 гг., однако заметно усиление второй к концу периода. Вместе с тем, рассмотренный хронологический отрезок – время «чрезвычайщины», что, естественно, влияло на поведение общины, однако, в более спокойное время оно могло стать иным.

[286] Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. – С.41.

Глава 2. От сельского к земельному обществу: новый статус и его реальное воплощение (1922–1926 гг.)

2.1. Земельно-хозяйственные функции общины на новом этапе

Второй этап взаимоотношений Советского государства и крестьянской общины начался с законодательного оформления нового статуса этого традиционного института крестьянского общежития, заключённого в новом названии «земельное общество». Впервые данный термин был употреблён в постановлении IX Всероссийского съезда Советов «По вопросу о восстановлении и развитии сельского хозяйства» от 30 декабря 1921 г., подтвердившем право свободного выбора форм землепользования, указанных ещё в Декрете о земле[287]. Здесь законодатель использовал термины «земельное общество» и «община» как синонимы[288].

На основании указанного постановления съезда 22 мая 1922 г. ВЦИК был принят закон «О трудовом землепользовании», где также употреблялся термин «земельное общество», под которым понималась группа земледельцев выбравших один из способов землепользования. В законе говорилось также, что полноправными членами общества являются лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста без различия пола, которые и решают все вопросы, связанные с землепользованием в рамках общества[289]. Данное положение существенно изменяло обычную практику, когда решения принимались только домохозяевами. Мы уже указывали, что Конституция 1918 г. давала право голоса всем гражданам, достигшим 18 лет, однако там речь шла об избирательных собраниях, здесь же говорилось об изменении традиционного механизма принятия «мирских» решений в сфере земельных отношений. Как отмечалось в постановлении IX Уржумского уездного съезда Советов (январь 1922 г.), привыкшие разрешать все вопросы собранием домохозяев крестьяне с большим трудом переходили на новый порядок

[287] СДЗЗ – С.132-133.
[288] Данилов В.П. Источниковедческие и археографические проблемы истории русской общины после октябрьской революции. – С.83 (прим.).
[289] СДЗЗ – С.140-141.

вынесения постановлений всеми полноправными гражданами[290]. Это утверждение справедливо как для начала рассматриваемого в данном параграфе периода, так и последующего времени.

Подлинно конституционным актом для крестьянской общины стал Земельный кодекс РСФСР[291], вступивший в действие с 1 декабря 1922 г. Его принятие означало фактическое признание со стороны государства ведущей роли общинной организации в жизни деревни, главным образом в экономической сфере. Не случайно в современной российской историографии Земельный кодекс рассматривается как легитимизация завоеваний «общинной революции», закрепление её итогов[292]. С дополнениями, изменениями и разъяснениями именно он определял правовой статус общины вплоть до конца 1920-х гг. Думается, нам нет нужды здесь подробно останавливаться на описании норм Земельного кодекса, связанных с земельным обществом. Это не раз обстоятельно было сделано в работах историков общины[293]. Тем не менее, без некоторого анализа не обойтись.

Проект кодекса в части, касающейся определения, что считать земельным обществом, претерпел значительные изменения[294]. Первоначальный проект, одобренный коллегией Наркомзема и разосланный на места, давал чёткое определение: «земельное общество представляет собою земельно-хозяйственное объединение трудовых землепользователей или их хозяйств и не имеет никаких административных прав»[295]. Во внесенном от имени СНК и утверждённом ВЦИК проекте, подобной дефиниции не было. В кодексе указывалось, что земельными обществами признаются, помимо уже

---

[290] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.976. – Л.6.
[291] Данилов В.П. Источниковедческие и археографические проблемы истории русской общины после октябрьской революции. – С.83.
[292] См.: Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902-1922 гг. // Крестьяне и власть. – М.-Тамбов, 1996. – С.22; Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. – С.6, 13.
[293] См.: Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. – С.97-99; Его же. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. – С.108-117; Сафонов А.А. Крестьянская община и советская власть… – С.123-125 и др.
[294] Земельный вопрос в современной постановке (Стенограмма доклада тов. П.А. Месяцева на IV сессии ВЦИК) // Сельскохозяйственная жизнь. – 1922. – №7. – С.16-17.
[295] Вятская правда. – 1922. – 11 октября.

существующих[296], сельскохозяйственные коммуны и артели, а также «добровольные объединения отдельных дворов или совокупность дворов, выделившихся из прежних обществ», при обязательном наличии общего пользования тем или иным видом угодий[297].

Интересно, что первоначально в проекте кодекса оговаривалось, что право на землю могло осуществляться только через земобщество, на чём настаивало большинство коллегии Наркомзема, считая, что тем самым создаются предпосылки для будущей социализации сельского хозяйства[298]. Однако СНК принял другую точку зрения, полагая, что отдельные землепользователи могут не входить в состав общества. Член коллегии НКЗ П.А. Месяцев в своем докладе на IV сессии ВЦИК пояснял, что отказ от принудительного вхождения в земобщество будет способствовать распаду общины как одной из основных причин хозяйственной отсталости, поскольку она препятствовала меньшинству переходить на новые формы хозяйства (отруба, хутора, посёлки, коллективная обработка земли). По словам П.А. Месяцева, государство заинтересовано в развитии процесса именно в таком направлении, хотя он и оговаривался, что большинство нынешних земобществ будут относиться к разряду старых общин[299].

В одной из статей тот же автор оптимистически предрекал смену старой общины новым земельным обществом, построенном на принципе добровольности и представляющим собой по существу «земельный кооператив», который при подъёме производительных сил неизбежно перейдет на высшую ступень землепользования – товарищескую[300]. То есть, распад общины воспринимался как предпосылка обобществления сельского хозяйства. Примечательно, что на данном этапе ряду государственных деятелей (начало нэпа) участковое землепользование виделось меньшим злом, чем община.

---

[296] Очевидно, что под существующими земельными обществами подразумевались крестьянские общины.
[297] СДЗЗ – С.159-160.
[298] Вятская правда. – 1922. – 11 октября; Земельный вопрос в современной постановке. – С.17.
[299] Земельный вопрос в современной постановке. – С.17.
[300] Месяцев П.А. Направление и характер современной земельной политики // Сельскохозяйственная жизнь. – 1922. – №5. – С.2.

Оптимизм П.А. Месяцева разделял автор статьи «Нужны ли земельные общества?», опубликованной в официальном органе Вятского губисполкома газете «Вятская правда». Более того, он полагал, что земобщества в том виде, как они представлены в ЗК, «в известной мере, являются оплотом против кулацких выскочек»[301]. Упование на раскрепощение крестьянского хозяйства от принудительной общины посредством применения норм Земельного кодекса выражалось на I губернской сельскохозяйственной конференции, проходившей в феврале 1923 г.[302] Местный партработник М. Шефлер, говоря о роли РКП(б) в восстановлении сельского хозяйства, указывал, что «как пережиток прошлого» община не должна поддерживаться, но и искусственно разрушаться не может. И тут же подчёркивал, что все виды землепользования лучше (в том числе участковое) по сравнению с «архаической сельской общиной»[303]. Насколько сбылись эти мечты и упования мы увидим далее.

Земельный кодекс определил состав, органы управления, круг прав и обязанностей земельного общества, которые лежали исключительно в области земельно-хозяйственных отношений. Здесь община обладала довольно значительным перечнем полномочий и пользовалась определённой свободой действий, если последние не противоречили советскому законодательству.

За правильное и целесообразное использование угодий общество несло ответственность перед государством, которое предоставило земобществу права юридического лица[304]. В.А. Саблин справедливо заметил, что земельное общество в этом виде должно было играть роль посредника между собственником земли, то есть государством, и отдельным крестьянским хозяйством[305].

На наш взгляд, вводя в действие нормы Земельного кодекса, государство пыталось ограничить сферу деятельности крестьянской общины только земельно-хозяйственными функциями, отчленив их от управленческих,

---

[301] Вятская правда. – 1922. – 17 октября.
[302] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1388. – Л.74об.
[303] Шефлер М. Роль партии в восстановлении сельского хозяйства // Известия Вятского губкома РКП(б). – 1922. – №6. – С.16-17.
[304] СДЗЗ – С.161.
[305] Саблин В.А. Земельное общество и сельский совет на Европейском Севере в 1920-е гг. … – С.111.

социальных, культурно-бытовых. Таким способом большевики боролись с «локализмом» общины, с проявлениями «самовольства» крестьян. Этот путь отличался от того, по которому шло царское правительство. Последнее увеличивало степень включённости общины в систему государственного управления до тех пор, пока «мир» не стал организатором революционных действий[306].

Согласно положениям ЗК, общиной, в полном смысле этого слова, можно назвать земельное общество с общинным порядком землепользования[307]. В Вятской губернии на протяжении всех 1920-х гг. эта форма являлась абсолютно преобладающей. По данным П. Решетникова, в 1924 г. на долю общинного землепользования приходилось 98,1% всех крестьянских земель, единоличного пользования (отруба и хутора) – 1,4% и 0,5% находились в пользовании сельскохозяйственных коллективов[308]. Следовательно, мы с полным основание можем использовать термины «земельное общество» и «община» как синонимы, к тому же постепенно дефиниция «земельное общество» и в официальных документах стало использоваться только для обозначения общины.

В Вятской губернии земельными обществами в основном считались отдельные селения (сёла, деревни, починки), несмотря на то, что нередкими были случаи совместного использования земли, как правило луговой, несколькими селениями. Об этом свидетельствует принятая в документах того периода терминология. Местные земельные органы ещё длительное время называли общину «обществом граждан» такого-то селения[309], постепенно заменяя на «земельное общество» такого-то селения. О том же можно судить по уставам земельных обществ, которые хотя и были приняты в конце 1920-х гг., но оформляли то, что фактически уже существовало до этого[310].

---

[306] Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община. – С.38. См. также: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. – С.462-463.
[307] СДЗЗ – С.164.
[308] Решетников П. Состояние сельского хозяйства Вятской губернии в 1924 году // Вятская жизнь. – 1924. – №3. – С.16.
[309] Такая формулировка встречается даже в документах периода коллективизации.
[310] См.: ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.120. – Л.1-111об.; Ф.Р-2537. – Оп.2. – Д.333. – Л.1-137.

Надел земельного общества включал в себя разные виды угодий, которые можно распределить на две категории: основные угодья – пахотные и сенокосные, и вспомогательные – усадьбы, земли общего пользования (выгоны, прогоны, воды, дороги, неудобные земли и пр.). Земли первой категории преобладали. В целом по стране они составляли около 70%[311]. По данным гнездового обследования 742 земобществ Вятской губернии в 1926 г. основные угодья составляли чуть более 71% всей земли[312], хотя процент колебался в зависимости от района (в южных уездах пашня и сенокос занимали большую площадь, чем в северных)[313]. В индивидуальное использование отдельных дворов поступали основные угодья, остальные, как правило, находились в совместном пользовании всего общества[314], хотя чёткой границы между участками раздельного и совместного пользования не проводилось. Так, паровое поле (особенно при трёхпольном севообороте) использовалось всем обществом для выпаса скота. В этом, как отмечал В.П. Данилов, проявлялся дуализм частного и общественного принципов пользования землёй в общине, что обусловливало противоречивые тенденции её развития[315].

Земельное общество могло менять порядок пользования разными угодьями[316], переводить угодья одного вида в другой. Например, основные угодья во вспомогательные. Так, Уржумское уземуправление в феврале 1924 г. сообщало губземуправлению, что в последнее время ряд сельских обществ составляет приговоры об обращении части пашни под выгон для введения многополья[317]. УЗУ полагало, что скрытой причиной являлось желание уменьшить облагаемую сельхозналогом площадь земли[318]. Если принять эту точку зрения, то и здесь мы увидим дуализм общественного и частного в

---

[311] Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. – С.108.
[312] Подсчитано по: ГАКО. – Ф.Р-1053. – Оп.1. – Д.898. – Л.54-54об.
[313] См.: Там же. – Л.55-63.
[314] Усадебные земли также находились в раздельном пользовании дворов, но почти в каждой общине существовал запасной фонд усадебных участков, которым распоряжалась все общество.
[315] Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. – С.108.
[316] СДЗЗ – С.160.
[317] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1554. – Л.567.
[318] Там же.

общине: несмотря на индивидуальную уплату налога каждым хозяйством, она защищала общие интересы всех своих членов.

В 1920-е гг. общинное землепользование ещё более укрепилось за счёт возвращения земельным обществам национализированных лесов и передачи в постоянное пользование части земель запасного фонда. Согласно «Основному закону о лесах», принятому ВЦИК в мае 1918 г., леса, принадлежавшие крестьянским общинам, объявлялись общенародным достоянием и передавались в ведение специальных органов[319]. С 1922 г. начинается процесс возвращения надельных лесов, который в основном завершился в 1926 г.[320] Общая площадь лесов местного значения на 1927 г. составляла 702774 га. Из них 99,9% были переданы земельным обществам, остальные – коммунам, совхозам, государственным учреждениям и отдельным землепользователям[321].

Из имеющегося фонда государственных земельных имуществ, куда входили совхозы, доходные статьи, фонды луговой и лесной, в 1925–1926 гг. был выделен фонд для передачи в постоянное трудовое пользование населения. В него вошли те участки, на которые подали заявки малоземельные селения, а также те, которые располагались чересполосно или вклинивались в крестьянские земли. Часть этих земель фактически уже находилась в пользовании селений. В целом земельные общества стали главными получателями земель. В 1925/26 г. они приняли 99% всех предназначенных к передаче госземимуществ, в 1926/27 – более 86%[322], и даже в 1927/28 г. – почти 87%[323].

Главным признаком общинного землепользования являлось право на равную долю каждого хозяйства в землепользовании, что и порождало периодические уравнения земли в виде общих переделов и скидок-накидок. Земельный кодекс следовал прежней линии на упорядочение и ограничение переделов. Передел должен был проводиться по приговору не менее половины

[319] Декреты Советской власти. Т.II. – С.313-329.
[320] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1223. – Л.56.
[321] Там же. – Д.2585. – Л.344-345.
[322] Там же. – Д.2754. – Л.4-8, 10-14, 16-19, 32-44, 167.
[323] Там же. – Д.2817. – Л.57об.

членов общества, в котором должны были указываться переделяемые угодья, развёрсточные единицы, количество развёрсточных единиц на каждое хозяйство, срок передела. В качестве развёрсточной единицы кодекс определял едока или рабочую силу, но допускал и другие[324]. Как и ранее, вятское крестьянство за развёрсточную единицу принимало едока. Применение других было редким исключением. Например, при переделе в дер. Б.Малыши Кильмезской вол. Малмыжского уезда в 1922 г. общество постановило не давать землю на «девиц, стариков и детей»[325], очевидно, принимая за единицу распределения земли взрослых трудоспособных членов. В дер. Араслановской Селезеневской вол. Вятского уезда в 1924 г. за развёрсточную единицу был принят двор вне зависимости от количества в нём едоков[326]. Постановлением Вятского губисполкома от 7 июля 1926 г. в качестве развёрсточной единицы был признан едок. При этом учитывалось то, что малодушные дворы могли получить земли меньше минимально-потребительной нормы, необходимой для ведения хозяйства. Поэтому на двор с 2 едоками предписывалось выделять земли как на трёх едоков, а на двор с 3 едоками – на четырёх[327].

Срок передела для основных угодий устанавливался в размере трёхкратного чередования севооборота, принятого в обществе[328] (то есть минимум 9 лет). В промежутках между общими переделами допускались скидки-накидки также по общественным приговорам. Несмотря на законодательную норму, сроки переделов в земобществах Вятской губернии были разнообразны (см. приложение 5). Очевидно, что основная масса крестьянства понимала необходимость устойчивости землепользования для нормального ведения своего хозяйства и выбирала длительные сроки переделов. Данное обстоятельство можно объяснить и тем, что массовые уравнения земли в годы аграрной революции значительно подорвали те

[324] СДЗЗ – С.167.
[325] Там же. – Л.796.
[326] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2892. – Л.987.
[327] Там же. – Д.2363. – Л.140об.
[328] СДЗЗ – С.167-168.

хозяйства, которых они коснулись (плохая обработка и удобрение земли в ожидании очередного передела).

С нормализацией отношений в деревне, с введением нэпа и принятием законодательных актов о создании устойчивости землепользования заметно уменьшение количества переделов. Об этом свидетельствуют данные о количестве и составе дел, рассмотренных губземкомиссией. Так, в 1922 г. дела о переделах составили 11,8%, в 1923 г. еще меньше – 7,2%[329], тогда как еще в 1921 г. губземотдел отмечал, что земельные комиссии губернии «завалены делами по разрешению споров о переделах»[330]. Однако сокращение касалось, в основном, переделов пахотных угодий. Сенокосы по-прежнему в значительном числе селений губернии уравнивались ежегодно, что не раз отмечалось в материалах различных обследований, докладах и отчётах земельных органов губернии, письмах самих крестьян[331]. XII губернский съезд Советов (март 1926 г.) подчёркивал необходимость принятия мер к прекращению ежегодных переделов луговых угодий[332].

При производстве распределения земли общинники, как правило, использовали обычный принцип жеребьёвки, что максимально соответствовало их представлениям о справедливости. Однако даже при таком порядке не все могли быть довольны результатом, так как выделить абсолютно равные по качеству участки удавалось редко. Споры о переделах поступали в земельные комиссии и могли длиться годами, что создавало неуверенность в пользовании землей и конфликтную атмосферу в общине. Так, в дер. Дымково Даровской вол. Котельничского уезда приговор о переделе земли был принят ещё в 1921 г. Спор длился три года и разрешился только в 1924 г. утверждением приговора как фактически проведённого в жизнь и не противоречащего законодательству. За это время, недовольные приговором члены общества подали несколько заявлений в разные органы, дело несколько раз прошло все инстанции от

---

[329] Подсчитано по: ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1236.
[330] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета VIII губернскому съезду Советов… – С.87.
[331] См.: ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1799в. – Л.327; Д.2585. – Л.96об.; Вятская деревня. – 1925. – 22 февраля.
[332] Резолюции XII Вятского губернского съезда Советов… – С.2.

волостного уровня до губернского [333]. Порой в связи с переделами обстановка так накалялась, что дело доходило до драк и даже убийств[334].

Скидки-накидки производились гораздо чаще, чем переделы, через 3-6 лет, но в некоторых селениях ежегодно перед севом. В сентябре-ноябре 1925 г. на страницах газеты «Вятская деревня» разгорелся спор между крестьянами. Поводом послужила статья крестьянина-выдвиженца С.Н. Лутошкина, который писал, что частые скидки-накидки приводят к неустойчивости землепользования и истощению земли. Поэтому срок их нужно установить в 9-10 лет[335]. В последующих номерах газета печатала мнения крестьян по этому вопросу. В общей сложности было опубликовано ещё 19 писем, из них 12 с поддержкой увеличения срока, 6 – за короткие сроки и один занял промежуточную позицию. Те, кто выступали за частые скидки-накидки, мотивировали свое мнение тем, что так защищаются интересы бедняков, многосемейных хозяйств и детей[336].

Община по-прежнему противилась наделению землёй пришлого населения (примаков, «зятевьёв»). Общинникам было непонятно право на землю вошедших в состав двора по браку. Крестьяне говорили: «На нём женилась крестьянка, и он вошел в дом без нашего согласия, а теперь давай ему землю»[337]. В земельных комиссиях в 1920-е гг. рассматривалось немало дел об отказе обществ наделить таких лиц землёй.

Несмотря на принимаемые меры со стороны государства и определённой части крестьянства, к середине 1920-х гг. земельные отношения внутри общин оставались во многом неурегулированными. В тезисах доклада «Состояние и перспективы развития сельского хозяйства губернии» к XII губернскому съезду Советов (1926 г.) указывалось, что не везде произведён общий передел земли по едокам[338]. Статистические материалы по описанию землепользования и землеустройства более 200 земобществ губернии за 1926–1927 гг.

[333] ГАКО. – Ф.Р-1066. – Оп.1. – Д.233. – Л.4-81.
[334] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.51. – Л.40, 64.
[335] Вятская деревня. – 1925. – 13 сентября.
[336] Там же. – 11, 25 октября; 15 ноября.
[337] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.161.
[338] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1799в. – Л.327.

подтверждают данный факт[339]. В одном только Вятском уезде к концу 1925 г. по неполным данным в 32% селений совершенно не было переделов[340]. Это означало, что во многих общинах сохранялась неравномерность, и порой значительная, землепользования между отдельными дворами. Часто именно это вызывало к жизни конфликты между малоземельными и многоземельными крестьянами.

С усилением проведения классовой линии в деревне с 1926 г., государство не могло пройти мимо указанного явления, так как в роли жертвы в этой ситуации выступала беднота. Реакцией власти стали дополнения к нормам Земельного кодекса, внесенные постановлением ВЦИК и СНК от 8 февраля 1926 г., разрешающие переделы по требованию меньшинства в тех обществах, где их совершенно не было с момента революции и где сохранялась значительная неравномерность в пользовании дворов[341]. В развитие указанных положений, Вятским губисполкомом был издан циркуляр, в котором разъяснялся порядок работ по переделам по требованию меньшинства. Документ предписывал по возможности приводить всё общество к соглашению. В противном случае передел производился в обязательном порядке[342]. Несмотря на наличие довольно значительного количества общин, где переделов с момента революции не производилось, вятское крестьянство не спешило воспользоваться предоставленным правом. В 1926/27 г. случаев переделов по требованию меньшинства «было совершенно ничтожное количество»[343].

Земельное общество могло устанавливать любой порядок земельно-хозяйственных отношений, в определённых законом рамках, выбрать любую форму землепользования (общинную, участковую, товарищескую или смешанную). Хотя подавляющее число земобществ губернии, придерживалось общинной формы, но были и другие варианты. Интересную картину рисуют

---

[339] См.: ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2892.
[340] Там же. – Д.1799г. – Л.420.
[341] СДЗЗ – С.655.
[342] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2701. – Л.31-31об.
[343] Там же. – Д.2585. – Л.96об.

результаты гнездовой переписи 1926 г. (см. приложение 6). Таблица показывает, что от общинной формы землепользования к подворной (без переделов) и смешанной перешли только 6 селений, противоположный путь совершило, то есть произвело передел, 231 селение. Последнее говорит, насколько велики были уравнительные, общинные тенденции в вятской деревне. При этом все селения с подворным и смешанным землепользованием на момент переписи имели угодья общего пользования[344], что позволяло причислить их к земобществам.

Помимо формы землепользования, общество выбирало единую и обязательную для всех хозяйств систему севооборота. Земельные чиновники Вятской губернии на протяжении всех 1920-х гг. указывали на преобладание трёхпольной системы, считая её при этом отсталой и часто определяя как один из главных критериев общинного землепользования[345]. Как отмечено ранее, вятское крестьянство видело пользу в переходе на многополье, но чрезвычайная ситуация первых послеоктябрьских лет и перехода к нэпу не позволяла активно применять улучшенные способы ведения хозяйства, в том числе и многополье. Процесс восстановления сельского хозяйства в губернии сопровождался широким введением травосеяния и многопольных севооборотов. Причем эта тенденция набирала обороты из года в год (см. приложение 7). Одной из основных причин был «кормовой кризис», так как при норме соотношения пашни и луга при трёхполье 1:1,5, в среднем по губернии на 1 дес. пашни приходилось 0,3 дес. сенокоса (в северных уездах – 0,47 дес., в южных – 0,13 дес.)[346].

Специальное обследование, проводившееся в 1924 г. показало, что процесс введения многопольных севооборотов и травосеяния в Вятской губернии шёл гораздо активнее в послеоктябрьские годы, чем до революции. При этом особо подчёркивалось, что в дореволюционные годы многополье и травосеяние применялось в основном в хозяйствах участковых

[344] ГАКО. – Ф.Р-1053. – Оп.1. – Д.898. – Л.54-54об.
[345] См., например: ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.738. – Л.46; Д.1388. – Л.74об.
[346] Там же. – Д.1799в. – Л.247, 325.

землевладельцев, тогда как в годы советской власти большую активность стали проявлять именно общины[347], что подтверждается цифровыми данными, представленными в таблице (см. приложение 7).

Росту площади земли под многопольными севооборотами способствовали мероприятия, проводимые местными земельными органами: специальные кампании по разъяснению крестьянству преимуществ многополья путём организации собраний, волостных конференций[348]; активная пропаганда в местной прессе; расширение землеустройства; организация агрономической помощи; увеличение травосеменного фонда губернии и выдачи из него ссуд[349]; материальное стимулирование (скидки по сельхозналогу, премии)[350]. Введению многополья часто предшествовал переход на широкие полосы. Более 90% многополий организовывалось в тех обществах, где произошла ликвидация мелкополосицы (Яранский, Уржумский уезды)[351]. В целом проблемы узкополосицы и многополосицы не были решены, но население старалось сводить мелкие полоски (до 1 сажени в ширину) в более крупные и оставлять не более 5-6 полос в поле[352].

Приведём весьма характерный пример, иллюстрирующий вышесказанное. Общество села Васильевского Васильевской вол. Нолинского уезда в феврале 1924 г. вынесло приговор, в котором говорилось следующее: «Учитывая настоящий момент, а именно более или менее подходящий для крестьянина, а также сама жизнь подталкивает само крестьянство производить коренную ломку землепользования, все единогласно решили перейти на многополье». За приговором последовало заявление в уземотдел о присылке землемера и агронома. В марте в присутствии указанных лиц состоялось общее собрание села, постановившее произвести передел, которого здесь не было с момента наделения землей, по числу едоков; установить срок следующего передела 1951 г.; ввести девятипольный севооборот; разбивку на поля

[347] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3016. – Л.76, 89.
[348] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.1948. – Л.10.
[349] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1370. – Л.38; Д.1799в. – Л.246об.; Д.2834. – Л.75об.
[350] Там же. – Д.1012. – Л.828об.-829; Д.1799г. – Л.29.
[351] Там же. – Д.2834. – Л.75об.
[352] Там же. – Д.1799г. – Л.53.

произвести согласно рекомендациям агронома; в каждом поле отвести по одной полосе на двор; распределить полосы первого поля по жребию, а остальные по принципу, если в первом поле двор получил ближнюю, то в следующем получает дальнюю и т.д.; увеличить существующий выгон за счёт пашни. Летом того же года землемером приговор был проведён в жизнь[353].

Но существовали препятствия на пути усовершенствования агрикультуры крестьянского хозяйства. Их можно разделить на две группы: внешние по отношению к общине и внутренние. К числу внешних относится нехватка семян трав, сельскохозяйственного инвентаря и машин, даже учитывая увеличение их выдачи государством и кооперативами. Так, заявки населения на выдачу семян клевера в середине 1920-х гг. удовлетворялись только на 71%[354]. Необходимость предварительного землеустройства при его высокой стоимости также не способствовала массовому переходу к многополью. Дороговизна землеустройства называлась крестьянами главной причиной, задерживающей проведение землеустройства (см. приложение 8). Несмотря на ежегодный рост объёмов землеустроительных работ, этого было явно недостаточно для удовлетворения всех потребностей крестьянского населения. Процент всей землеустроенной за все послереволюционные годы площади к территории, подлежащей землеустройству, в 1927 г. составил 17,12%, а к общей сельскохозяйственной площади губернии – 9,4%, при этом заметное повышение темпов работ произошло только в 1925–1926 гг.[355] Тем не менее, заявки населения на землеустройство в 1924/25 г. удовлетворялись примерно на 60-70%[356], в 1925/26 г. только на 50%[357]. Неудовлетворение ходатайств было третьей по распространённости причиной неземлеустроенности (см. приложение 8). В одном из отчётов о командировке в деревню весной 1925 г. член РКП(б)[358] писал, что правильный севооборот не вводится не потому, что

[353] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2023. – Л.8, 9, 13-13об., 23об., 51,
[354] Там же. – Д.1799в. – Л.246об.
[355] Там же. – Д.2585. – Л.87об.
[356] Там же. – Д.1799в. – Л.77об.
[357] Там же. – Д.2229. – Л.136.
[358] Имя в источнике не указано.

крестьяне против, а потому, что «правильного землеустройства нет»[359]. Информационные сводки ОГПУ середины 1920-х гг. по Вятской губернии постоянно указывали на наличие перечисленных обстоятельств, называли их основными препятствиями на пути перехода к многополью и другим улучшениям[360].

Введение многополья требовало производства целого ряда землеустроительных и агрикультурных мероприятий, и, следовательно, помощи со стороны государства, так как само крестьянство в основной своей массе не обладало необходимыми знаниями и навыками. Однако желание перейти к улучшенному севообороту порой было столь высоко, что некоторые селения решались самостоятельно, не дожидаясь помощи, ввести многополье. Вот, что о таких «экспериментах» сообщал А. Тимкин, командированный для работы в деревне в Уржумский уезд летом 1925 г.: «Крестьяне, не зная порядка перехода, сложности его и формальностей, творят чудеса: берут палку и без всяких приговоров и землемеров делят землю на поля включительно до 12, потом по дворам, а потом спорят и идут в суд»[361]. Подобная ситуация складывалась и с переходом на широкополосицу[362].

К внутренним причинам следует отнести, прежде всего, сложность достижения согласия всего общества или даже его большинства на введение того или иного улучшения, отсутствие единства, наличие конфликтов как по демографической линии (противодействие «стариков» новшествам, их консерватизм), так и по социально-экономической (нередко кулаки и зажиточные противились изменениям, так как это влекло за собой переделы, потерю удобренной земли, потрясения хозяйства, что могло повлиять на их положение в деревне). Вятские газеты, информсводки ОГПУ середины 1920-х гг. пестрят сообщениями о переходе к травосеянию, многополью, об организации подсобных производственных объединений (машинные, мелиоративные товарищества), однако здесь же описывается немало случаев

[359] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.112.
[360] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.50. – Л.10, 162, 196; Д.51. – Л.11; РГАЭ. – Ф.478. – Оп.1. – Д.1967. – Л.120.
[361] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.154об.
[362] См.: ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.51. – Л.64.

отказа от применения тех или иных улучшений под давлением стариков, зажиточных, кулаков. Причинами называются также темнота, споры, разногласия в деревне[363]. Крестьянин Малмыжского уезда писал своему сыну-красноармейцу о ситуации в деревне: «Мы тоже здесь каждый день судим, да рядим про меж собой, то ли переходить, то ли нет (на многополье), да больно ломки то много переделы, да споры, да городьба. Мужики говорят, по старому будем, а некоторые говорят переходить, не поймёшь, кого и слушать»[364].

Чтобы добиться согласия, соблюсти справедливость при переделах и изменениях землепользования, общество могло компенсировать те или иные вложения средств и труда в землю, о чём указывалось в приговорах. Как это было, например, при переходе Кожинского земельного общества в 1925 г. на широкополосицу и многополье[365].

В целом нам видится, что сопротивление общинного крестьянства внедрениям инноваций было обусловлено крестьянской «этикой выживания», ставившей во главу угла безопасность крестьянского хозяйства от риска оказаться за гранью выживания. Лучше самих крестьян об этом, пожалуй, трудно сказать: «клевер-то ведь сеять тоже не выгодно, когда он растёт, когда нет», «посей травы да льна, а хлеба не посей, так траву-то есть-то не будешь», «мы ведь не знаем, что посеять; посеешь лён, он не вырастет, клевер – он тоже не вырастет»[366].

По вышеперечисленным причинам были случаи распада многополий[367]. В итоге, к 1927 г. в среднем по губернии многопольными севооборотами были охвачены 12,7% пашни. Однако существовало значительное различие по уездам: минимум в Омутнинском (4,5%), Вятском и Нолинском (7,9%) уездах, а максимум в Уржумском (29,9%) и Слободском (20,4%)[368]. Всё же даже самые высокие цифры отставали от показателей применения многополья в других

[363] См.: Вятская деревня. – 1924. – 29 ноября, 6 декабря; 1925. – 22 февраля, 8 марта и др.; ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.50. – Л.10, 27, 48, 225; Д.51. – Л.11, 168 и др.
[364] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.50. – Л.226.
[365] ГАКО. – Ф.Р-2537. – Оп.2. – Д.199. – Л.1-2об.
[366] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.246.
[367] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2585. – Л.203-203об.
[368] Там же. – Д.2834. – Л.75, 82.

регионах страны. Так, в Подмосковье к концу 1920-х гг. оно преобладало на общинных землях[369].

В 1920-е гг. постепенно распространялись и другие агрикультурные улучшения, как ранний пар, рядовой посев, сортирование семян, применение минеральных удобрений, особенно в селениях перешедших на многополье[370]. Как правило, нововведения распространялись от селения к селению. Для крестьянина важна была наглядность, то есть он на чьём-то опыте должен был убедиться в выгодности той или иной новации, и тогда, по словам председателя Шарангского ВИКа Береснева, выступавшего на первом Яранском совещании по совстроительству (июнь 1925 г.), он будет поднимать своё хозяйство «без всякой агитации»[371].

Все решения об изменениях, нововведениях в системе хозяйствования и землепользования принимались общим собранием (сходом) земельного общества[372]. Сход выносил приговоры о проведении мелиоративных работ, о ремонте полевых дорог, починке изгородей, о покупке в совместное пользование сельскохозяйственного инвентаря, машин, удобрений. Сходом же рассматривались вопросы об организации сельскохозяйственных объединений (машинных, мелиоративных товариществ, маслодельных, молочных артелей), устройстве опытно-показательных участков[373], о проведении того или иного землеустройства.

В годы нэпа вятское крестьянство большее предпочтение отдавало групповому землеустройству (раздел селений, выдел выселков)[374]. В частности, согласно результатам анкетного обследования губстатбюро в 1924 г. более 800 ответов из всех уездов и разных волостей губернии, 9,4% опрошенных желали разделения на посёлки. Однако видны различия по районам. В южных уездах (Малмыжский, Нолинский, Уржумский, Яранский), где поселения были

---

[369] Ковалёв Д.В. Из истории модернизационных процессов в крестьянском хозяйстве России конца XIX – первой четверти XX века (на материалах Подмосковья) // Отечественная история. – 2002. – №5. – С.183, 185.
[370] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2585. – Л.203об-204.
[371] ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.298. – Л.10.
[372] СДЗЗ – С.160.
[373] ГАКО. – Ф.Р-1068. – Оп.2. – Д.83.
[374] См.: Отчет Вятского губернского исполнительного комитета IX состава X-му губернскому съезду Советов… – С.57; ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2229. – Л.130-130об.

крупнее, а, следовательно, в большей мере страдали от дальноземья, поселковое землеустройство находило большее количество сторонников, чем в северных (см. приложение 9). Предпочтение группового землеустройства подтверждается значительным числом заявок на данный вид работ. Так, с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. в земорганы губернии поступило 447 ходатайств на групповое землеустройство селений или их частей с общинным порядком землепользования, что составляло почти 80% всех поданных крестьянством заявок на землеустроительные работы[375]. Размеры группового землеустройства увеличивались каждый год (см. приложение 10).

Земельные чиновники видели в коллективном землеустройстве способ упорядочения существующего землепользования, «улучшения» общины[376], то есть избавления её от таких негативных моментов как чересполосица, мелкополосица, дальноземье, длинноземье, с последующим переходом на многопольный севооборот и другими усовершенствованиями техники и технологии хозяйствования. «Усовершенствование» общины путём образования выселков и посёлков в середине 1920-х гг. стало восприниматься «в качестве переходной формы к коллективному порядку землепользования» (циркуляр НКЗ от 24 октября 1924 г.)[377]. Апрельский Пленум ЦК 1925 г. подчеркнул необходимость содействия росту этих форм землепользования, как более благоприятных для «развития кооперирования и механизации сельского хозяйства»[378]. Однако площадь общинного землепользования при групповом землеустройстве чаще всего не уменьшалась, так как новые объединения в большинстве своём сохраняли прежнюю форму.

Самым распространенным видом землеустройства в годы нэпа был выдел части земли из общества. Выдел из общины с землёй являлся выходом из ситуации, когда невозможно было добиться согласия всего общества на введение того или иного улучшения. Почти 50% выделов земли частям селений

---

[375] Подсчитано по: ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1799в. – Л.78об.-79.
[376] Там же. – Л.183; Д.2363. – Л.124.
[377] Цит. по: Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. – С.112.
[378] КПСС в резолюциях… – Т.3. – М., 1984. – С.345.

или выселкам сопровождались переходом к многополью[379]. Путём выдела создавались коллективные хозяйства, отруба и хутора.

В Вятской губернии в большинстве случаев выделы происходили в добровольном порядке. Приведём несколько примеров. Общество дер. Ключи Кильмезской вол. Малмыжского уезда в 1922 г. дало согласие на выдел земли по селенной норме без расценки земли выселку «Ташкент» из 10 домохозяев, желающих перейти на широкие полосы[380]. В 1925 г. по добровольному соглашению по селенной норме была выделена земля для артели «Ново-Хорошевской» из общества села Хорошихинского Нолинского уезда[381]. Согласно выписке из землеустроительных дел губземсовещания и губземкомиссии по единоличному землеустройству за послереволюционный период по 1924 г. включительно, содержащей описание 48 дел о выделе из общин хуторов и отрубов, в 37 случаях было получено согласие обществ на выдел, о чем были вынесены соответствующие приговоры. Ещё три дела, где общества отказывались выделять землю, в конце концов, разрешились добровольным соглашением[382]. Последний вариант развития событий был достаточно распространён. Приведём еще один характерный пример. Общество дер. Жеребчики Кильмезской вол. сначала отказалось выделить землю сельскохозяйственной артели «Черный Ворон», образовавшейся из 6 дворов деревни в 1921 г., и выдел должен был производиться в принудительном порядке. Однако затем состоялось добровольное соглашение, и в 1923 г. артели был выделен участок по внутриселенной норме[383].

Тем не менее, существовало и противодействие выделам, так как они в большинстве случаев приводили к переделам, нарушениям сложившегося порядка ведения хозяйства. Противниками являлись те же категории, что и при введении многополья. Сами крестьяне показывали, что отсутствие согласия является серьёзной причиной, тормозящей землеустройство (см. приложение

[379] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2229. – Л.130об.
[380] Там же. – Д.1280. – Л.4-5.
[381] Там же. – Д.2731.
[382] РГАЭ. – Ф.478. – Оп.1. – Д.1945. – Л.12-23.
[383] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1264.

8). В информационных сводках ОГПУ за лето 1926 г. отмечалось, что в Яранском уезде остающиеся в общине крестьяне угрожают поджогами и расправами выселяющимся[384]. То есть выдел мог не только разрядить обстановку в деревне, но и расширить конфликтное поле. Это зависело, как нам думается, от соотношения сил в общине (консервативно и прогрессивно настроенных), от складывавшихся годами и десятилетиями отношений внутри каждого конкретного общества, от объективных условий таких, как особенности землепользования.

Однако даже если земельное общество было согласно на выдел, земельные органы не всегда разрешали его производство, руководствуясь соображениями так называемой «хозяйственной целесообразности». В 1926 г. в Вятской губернии был нормативно определен оптимальный размер выселка в 250 дес., выделы участков меньшего размера не разрешались[385]. В постановлениях губернского землеустроительного совещания за 1925–1926 гг. находим немало решений об отказе в выделе выселков, отрубов по причине хозяйственной нецелесообразности. Под этой формулировкой подразумевалось создание выделом препятствий к дальнейшему землеустройству, сохранение или преумножение недостатков землепользования[386].

Один из партийных работников[387], командированный в Котельничский уезд весной 1925 г. писал, что недостатки землепользования вызывают споры почти в каждой деревне, «крестьяне ругаются, указывают друг на друга», отсюда многочисленные заявления о выделении на отруба, хутора, выселки. Однако он подчёркивал, что часто таким путём невозможно разрешить ситуацию, так как при удовлетворении потребностей одних, нарушаются интересы других. Поэтому запрещается производить выдел, что, в свою очередь, влечёт за собой, с одной стороны, недовольство местной властью, а с другой, враждебность и тяжбы среди крестьянства. Единственным выходом он

---

[384] РГАЭ. – Ф.478. – Оп.1. – Д.1967. – Л.119.
[385] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2363. – Л.123-123об., 124.
[386] Там же. – Д.2366.
[387] Имя в источнике не указано.

считал землеустройство в волостном масштабе[388], что по объективным причинам было сложнейшей задачей. Но была и другая причина, на которую указало губземуправление в разъяснении уземуправлениям в июле 1926 г. «Следует помнить, – говорилось в документе, – что, выделяя мелкие инициативные группы крестьянства от остальной отсталой массы, мы тем самым оставляем её без тех ценных "дрожжей", которые необходимы для улучшения хозяйственной жизни деревни». При этом подчёркивалось, что необходимо стремиться «не к разрушению существующих землепользований, а к их упорядочению»[389]. Это, на наш взгляд, доказывает, что к середине 1920-х гг. власти приходят к мнению, что «усовершенствованная» община может стать основой для будущего социалистического преобразования деревни.

Деятельность земельного общества не ограничивалась уже названными сферами. Земельный кодекс ничего не говорил о возможности сдачи земли в аренду целыми обществами. Однако по данным, собранным В.П. Даниловым, это явление было распространено в Поволжье, на Северном Кавказе, в Северо-Западном районе, в центральных губерниях[390]. III съезд Советов СССР в мае 1925 г. предложил «устранить… препятствие к сдаче в аренду… неиспользованного земельного фонда крестьянских обществ»[391]. В соответствии с этим решением декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июля 1925 г. были внесены дополнения в Земельный кодекс, предусматривающие разрешение сдачи в аренду находящейся в общественном запасе земли как отдельным землепользователям, так и их объединениям, иным организациям, учреждениям и предприятиям[392]. Материалы обследования НК РКИ в 1926 г. показали, что отдельные земобщества сдавали в аренду до 18,5% своей земли, а общая площадь земель, сдаваемых ими в аренду, оценивалась в 5-6 млн. га[393].

Вятская губерния выглядела на этом фоне исключением. Примеры сдачи в аренду земли целыми обществами встречаются в материалах 1920-х гг.

---

[388] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.11-112.
[389] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2363. – Л.124.
[390] Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. – С.113.
[391] СДЗЗ – С.117.
[392] Там же. – С.650-651.
[393] Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. – С.115.

крайне редко. Были случаи сдачи в аренду земли для изыскания средств на определённые цели. Так, дер. Алёхино Пижанской вол. Яранского уезда в 1927 г. сдавала участок запасного фонда в 1,5 дес., чтобы получить деньги на оплату землеустройства[394]. Скорее всего, незначительное количество случаев сдачи земли обществами можно объяснить общим невысоким уровнем развития арендных отношений в вятской деревне, которые к тому же, по мнению исследователей, ещё не носили чисто капиталистический характер[395]. В 1927 и 1928 гг. в арендные отношения вступали лишь 10% хозяйств[396]. Также высока вероятность того, что некоторые арендные сделки просто не регистрировались или даже скрывались обществами от органов власти.

Если сдача мирской земли в Вятской губернии не была широко распространена, то аренда государственных земельных имуществ практиковалась целыми обществами довольно часто, они выступали основными арендаторами государственных земель в губернии. За 1922/23 г. из 26 земельных доходных статей, сданных в аренду, 23 арендовали сельские общества[397]. В 1926/27 г. из 1233 участков госземимуществ 1203 арендовали земельные общества, 22 – коллективы и 8 – отдельные землепользователи[398].

Община могла вступать в арендные отношения не только по поводу земли. В январе 1922 г. общество дер. Жеребчики Малмыжского уезда на сходе рассматривало вопрос о быках-производителях в виду их полного уничтожения вследствие недостатка корма и постановило: арендовать сроком до 15 октября у гражданина этого же селения имеющегося у него быка двух лет, за что в срок до 10 января доставить фуража по 1 пуду с коровы[399].

В собственности всего общества могли находиться сельскохозяйственные машины, инвентарь (молотилки, сушилки, сеялки и т.п.), племенной скот, случные пункты[400]. Например, общество дер. Сватково Вятской вол. и уезда

---

[394] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2892. – Л.535об.
[395] Хоробрых Ф.А. Указ. соч. – С.31.
[396] ГАКО. – Ф.Р-1063. – Оп.1. – Д.4. – Л.65.
[397] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1012. – Л.63.
[398] Там же. – Д.2585. – Л.143.
[399] Там же. – Д.1264. – Л.12об.-13.
[400] Там же. – Д.1799г. – Л.280об.

имело в общем пользовании молотилку[401]. Особенное значение для деревни играли мельницы. До революции многие мельницы принадлежали общинам, однако в первые годы значительная их часть была национализирована и передана в ведение хозяйственных или советских органов. В 1920-е гг. часть этих мельниц была возвращена в собственность земельных обществ[402].

Хозяйственная деятельность дворов, входящих в земельное общество, при нормальном течении жизни и при наличии в семье взрослого домохозяина не требовала вмешательства общины (за исключением определения порядка севооборота, времени полевых работ, порядка пользования общими угодьями). Однако согласие схода требовалось в случае продажи навоза в чужую деревню, при продаже и обмене строений, при ликвидации хозяйства. Также действовало правило «преимущественной покупки»: домохозяин мог продать сельскохозяйственный инвентарь в другое селение только с согласия схода и только в том случае, если не находилось покупателя в своей деревне[403]. Все эти и им подобные отношения регулировались не советскими законами, а обычным правом.

Хотя земельное законодательство стало включать в себя и обычно-правовые нормы. Так, в «Нормальном уставе земельного общества», утвержденном НКЗ РСФСР 5 января 1926 г., было записано, что члены общества имеют право проезжать через чужие полосы при перевозке удобрений или урожая, а также право сообща пасти скот по пару и жнивью[404]. «Нормальный устав», в контексте рассматриваемой проблемы, был вторым по значимости нормативным актом после ЗК и как бы закрывающим собой изучаемый период. В основном он воспроизводил положения Земельного кодекса[405]. Новым, помимо вышеназванных норм, было и то, что впервые определялись источники средств общества, а также порядок его

---

[401] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2900. – Л.52.
[402] См.: ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.468.
[403] Танаевский В. Крестьянский двор (Очерки обычного права Вятского края. Очерк 2.) // Вятская жизнь. – 1924. – №2. – С.20-21.
[404] Земельный кодекс РСФСР. – С.182.
[405] Там же. – С.180-183.

прекращения[406]. По авторитетному мнению В.П. Данилова, применение «Нормального устава» было призвано способствовать распространению в крестьянской среде знания советского законодательства и тем самым более точному его применению. Он должен был рассматриваться как образец, с возможными дополнениями в зависимости от местных условий и особенностей каждого конкретного общества. В то же время не требовался немедленный перевод всех существующих обществ на устав[407]. Тем не менее, циркуляр Вятского губземуправления от 27 апреля 1926 г. предписывал всем волисполкомам и сельсоветам приступить к проведению кампании по оформлению перехода всех существующих обществ на уставы, при этом подготовка должна была пройти в течение мая, а само оформление – июня-июля текущего года[408]. Но даже в 1927 г. из почти 20000 земельных обществ губернии только 814 были переведены на уставы[409]. Уставы, по мнению ГЗУ, должны были способствовать «точному регулированию внутриселенных распорядков пользования землей» и вносить ясность «во взаимоотношения членов земельных обществ»[410].

Именно самодеятельность, самодостаточность мира, часто неподконтрольного в своих действиях, определенные традиции в межличностных и хозяйственных взаимоотношениях, действительно, ограничивающих инициативу отдельных крестьян, виделись некоторым вятским хозяйственным и земельным чиновникам главными причинами отсталости деревни[411]. Высказывая подобное мнение и обращаясь к опыту прошлого и, отчасти, предрекая будущие меры, участковый агроном Больше-Шурминской волости Уржумского уезда в 1925 г. писал, что нужно издавать «принудительные законоположения» о введении агрикультурных улучшений[412].

---

[406] Земельный кодекс РСФСР. – С.183.
[407] Данилов В.П. Источниковедческие и археографические проблемы истории русской общины после октябрьской революции. – С.87-88.
[408] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2363. – Л.79-80.
[409] Там же. – Д.2585. – Л.94.
[410] Там же. – Д.2363. – Л.79-80.
[411] См.: ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д2155. – Л.29об.; Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.298. – Л.49; Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1554. – Л.195об.-197, 200-200об.
[412] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д2155. – Л.29об.

Надежды ответственных работников на то, что после землеустройства и введения многополья община «даст трещину»[413] не сбывались. Негативное отношение к общине, относительно медленные темпы её «усовершенствования» (в том числе сохранение в значительной степени недостатков общинного землепользования[414]), думается, сказались на дальнейших взаимоотношениях государства и мирской организации.

Говоря о земельно-хозяйственных отношениях в деревне, мы не можем обойти вниманием вопрос о развитии необщинных форм землепользования, так как они, по сути, представляли собой альтернативные линии развития земельно-хозяйственного уклада.

Вятское крестьянство с интересом отнеслось к введению свободы выбора форм землепользования. Как результат принятия нового законодательства отмечался определённый рост числа ходатайств о переходе на отруба, хутора[415]. Оценить приоритеты крестьянства в выборе порядка землепользования можно исходя из результатов обследования губстатбюро 1924 г. (см. приложение 9). Приводимая таблица свидетельствует, что более половины всех жителей деревень крепко держались общины. Лишь в Омутнинском уезде процент сокращался до 40, что можно объяснить особыми природными условиями этого северного уезда, где значительную территорию покрывали леса, населённые пункты были крайне малолюдны, отдалены друг от друга. Освоение земель, отвоевание их у леса требовало здесь значительных усилий и вложения труда, поэтому каждый хозяин в большей степени держался за свой участок. Как следствие, значительный процент желающих перейти на отруба и хутора. Если принять во внимание, что при разбивке на посёлки форма землепользования кардинально не менялась, то общий процент приверженцев традиционной формы землепользования составлял более 64.

Второй по популярности формой была отрубная. И. Манин, автор статьи, в которой представлена используемая нами таблица, полагал, что причина

---

[413] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2239. – Л.
[414] См.: Там же. – Д.2374. – Л.26-26об.
[415] См.: Там же. – Д.835. – Л.104об.-105,121об., 248-250; Д.1012. – Л.345-345об. и др.

данного обстоятельства кроется в том, что при разверстании на отруба большинство преимуществ общины сохраняется, а её недостатки устраняются[416]. Меньшей симпатией крестьянства пользовались хутора. Но в целом по губернии участковую форму считали для себя наиболее приемлемой 33% опрошенных крестьян (см. приложение 9).

Перечень препятствий росту участкового землеустройства включал те же самые, что и для остальных его видов (см. приложение 8). Тем не менее, рост в губернии очевиден (см. приложение 10). Изменение государственной политики и повышение интереса вятского крестьянства к участковому землепользованию побудили местные земельные органы в определённый момент прийти к мнению о наибольшей выгоде хуторского хозяйства в условиях Вятской губернии. Так, в отчёте о деятельности губземотдела за время с 1 апреля по 1 октября 1923 г. говорилось, что «наиболее жизненными формами землепользования… необходимо признать хутора, развитию которых благоприятствуют чересполосность и разбросанность землепользований с перемещающимся расположением угодий и изобилие водных источников»[417].

Однако уже к концу 1924 г. политика государства в отношении единоличного землепользования постепенно стала меняться в сторону его ограничения, при формальном сохранении в силе принципа свободы выбора форм землепользования[418]. Эта тенденция видна и в решениях губернской сельскохозяйственной конференции (20-29 октября 1924 г.), которая признала наименее выгодной формой землепользования единоличную. Поэтому указывалось, что заявки на единоличное землеустройство нужно принимать в последнюю очередь[419]. Секретарь местного губкома Д.А. Булатов в преддверии XV губернской партийной конференции писал, что хотя государство и не

---

[416] Манин И. К вопросам крестьянского землеустройства губернии // Вятско-Ветлужский край. – 1925. – №3. – С.68.
[417] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1012. – Л.51.
[418] См.: Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. – С.112; Резолюции пленума ЦК РКП(б) 23-30 апреля 1925 г. «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни» // КПСС в резолюциях…Т.3. – С.342, 345; Постановление III съезда Советов СССР по докладу о мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства от 20мая 1925 г.// СДЗЗ – С.117-118.
[419] Петухов В. Губернская сельскохозяйственная конференция //Вятская жизнь. – 1924. – №3. – С.29.

вмешивается в выбор форм землепользования, но содействовать выходу на отруба и хутора, что ранее наблюдалось в практике земорганов, неправильно[420]. В целом по стране удельный вес землеустроительных работ по выделу хуторов и отрубов сократился с 9,8% в 1923 г. до 6% в 1924 г.[421] По одним данным, в Вятской губернии сокращение произошло тогда же (см. приложение 10), по другим – на год позже[422].

Современные исследования показывают, что уже к середине 1920-х гг. обозначились пределы развития отрубного и хуторского хозяйства, что вызвало сокращение их образования[423]. С 1925 г. отчёты вятских земельных органов больше не содержали сведений о стремлении сельского населения к участковому землепользованию, напротив, подчёркивали прочность общины, отсутствие тенденций к её разрушению. О снижении интереса вятского крестьянства к выделу на обособленные участки свидетельствует небольшое количество заявок на единоличное землеустройство, поданных с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г., всего 46 на выдел отрубов и хуторов и 6 на разверстание селений на отруба. Из них было принято к производству по первой категории только 13[424]. Последнее обстоятельство было вызвано, на наш взгляд, с одной стороны, общей линией на сокращение единоличного землеустройства, а, с другой – хронической нехваткой земельных работников и тем обстоятельством, что при землеустройстве отрубов и хуторов площадь, охватываемая им незначительна, но требует проведения столь же тщательной подготовки и исполнения землеустроительных работ. В этом отношении устройство значительных по площади участков выгоднее как с точки зрения интересов государства, так и самого крестьянства. Отчасти подтвердить сказанное может тот факт, что все ходатайства о разверстании целых селений на отруба были приняты к производству[425]. Подчеркнём ещё раз, что, в отличие от некоторых

---

[420] Булатов Д. Перед XV губпартконференцией // Бюллетень Вятского губкома РКП(б). – 1924. – №5-6. – С.7.
[421] Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. – С.112.
[422] Отчёт Вятского губисполкома. Октябрь 1923 – март 1925 г. – Вятка, 1925. – С.32; Отчёт Вятского губисполкома XII съезду Советов. – Вятка, 1926. – С.95.
[423] См.: Лозбенев И.Н. Крестьянская община в годы нэпа. – С.114.
[424] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1799в. – Л.78об.-79.
[425] Там же. – Л.79

других регионов страны (Северо-Запад, Подмосковье), вятские крестьяне в массе были сторонниками общинного землепользования, а не участкового. То же можно сказать и о товарищеской (коллективной) форме.

Переход к нэпу, поощрение частной инициативы, введение принципа свободы выбора форм землепользования означал и отказ государства от ориентации на преимущественное развития коллективных форм землепользования, характерной для периода «военного коммунизма». Однако это вовсе не свидетельствовало о полном отречении от стратегической линии на социализацию сельского хозяйства, о чём можно судить и по уже упоминавшемуся докладу П.А. Месяцева. В резолюции I губернской сельскохозяйственной конференции (16-22 февраля 1923 г.) коллективные формы признавались наиболее прогрессивными, однако их насаждение с помощью административного воздействия со стороны некоторых местных чиновников характеризовалось как «нецелесообразное»[426].

Нормы Земельного кодекса фактически уравняли в правах сельскохозяйственные коммуны, артели, товарищества и общину, объединив их в одну категорию – «земельное общество», тем не менее, товарищеский порядок землепользования назывался в нем «наивыгоднейшим» в плане использования труда и ведения сельского хозяйства[427]. При этом законом предоставлялась возможность выдела из общины, даже при её несогласии[428].

Более того, Земельный кодекс предоставил возможность дополнить единоличное землепользование в рамках общины общественной обработкой земли путём образования обособленных участков[429]. В губернии встречались случаи общественной обработки, как правило, они носили целевой характер. Так, Дер. Бобры 6 августа 1926 г. составила приговор о коллективной обработке пустующей усадьбы, доходы от которой затем должны пойти на покупку клеверных семян, которые предполагалось посеять на том же участке[430].

---

[426] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1388. – Л.151.
[427] СДЗЗ – С.165.
[428] Там же. – С.168-169.
[429] Там же. – С.166-167.
[430] ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.109. – Л.23.

Вероятно, что так община опытным путём хотела проверить выгодность травосеяния, при этом распределив возможный риск на все хозяйства. Определить реальный удельный вес участков совместной обработки крайне сложно, но о степени их распространения можно говорить, исходя из данных гнездовой переписи 1926 г. в Вятской губернии. Из 742 обследованных земельных обществ ни в одном не было участков, выделенных для общественной обработки[431].

В целом, в партийных и государственных документах исследуемого в данном параграфе периода общая стратегическая линия на обобществление сельскохозяйственного производства не ставилась под сомнение[432]. Произошла смена тактики: от попыток форсировать обобществление сельского хозяйства, в том числе и с помощью административных мер, перешли к стимулированию развития коллективных хозяйств посредством экономических: более низкой платы за землеустроительные работы по их образованию, премирования, льгот[433] и т.п. И всё же это не обеспечило активный отказ крестьянства от традиционных форм хозяйственного и, в целом, жизненного уклада. Наоборот, наблюдался распад уже существующих коллективов и снижение темпов образования новых. Значительная часть коллективных хозяйств, образованных в первые годы Советской власти, распалась после того, как использовала все данные государством преимущества и льготы, превратившись в единоличные хозяйства в виде посёлков, хуторов, отрубов и др. Тот же процесс наблюдался в тех объединениях, которые создавались в первой половине 1920-х гг.[434] Так, землеустроенная в 1923 г. артель «Пахарь», выделившаяся из общества дер. Яранской Нолинского уезда, по сообщению волземотдела, в июне 1924 г. представляла собой единоличное землепользование, так как её члены разделили землю между собой широкими полосами и обрабатывали её каждый лично[435]. Артель «Черный ворон» (дер. Жеребчики Кильмезская вол. Малмыжский уезд),

[431] ГАКО. – Ф.Р-1053. – Оп.1. – Д.898. – Л.54-54об.
[432] См. подробнее об этом: Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. – С.112; 118.
[433] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1410. – Л.3.
[434] Там же. – Д.2229. – Л.203.
[435] Там же. – Д.1261. – Л.97.

землеустроенная также в 1923 г., уже в следующем году вернулась к общинному чересполосному землепользованию[436]. Немаловажную роль здесь сыграло и то, что с введением нэпа колхозы были фактически предоставлены сами себе и почти не получали помощи от государства[437].

Последним обстоятельством отчасти можно объяснить и снижение темпов колхозного строительства, которое выразилось в следующем: если в 1921 г. было исполнено 55 землеустроительных дел по выделу земли всем видам колхозов, то в 1922 г. – 38, а в 1923 г. – 16, причем за два последних года не было дел о землеустройстве коммун[438], высшей формы обобществления труда и средств производства. Общая площадь землеустройства коллективов также сокращалась (см. приложение 10). В 1924 г. коллективная форма землепользования пользовалась наименьшей популярностью в крестьянской среде (см. приложение 9).

Ситуация стала меняться только ближе к середине десятилетия, когда государство начало принимать конкретные меры помощи коллективным хозяйствам. В июне 1923 г. декретом СНК были снижены таксы оплаты землеустройства коллективов, в 1923/24 хоз. г. введено премирование и скидки по сельскохозяйственному налогу для товарищеских форм землепользования[439]. Октябрьский пленум ЦК РКП(б) 1925 г. признал необходимым «всемерно содействовать строительству колхозов» путём усиления кредитной помощи и облегчения приобретения сельскохозяйственных машин[440]. В одном из отчётов Вятского ГЗУ говорилось, что с 1924/25 хоз. г. в губернии начало уделяться особое внимание коллективизации[441]. Хотя темпы роста колхозов не были велики, а их землеустройство всё ещё сокращалось, но местные власти шли по пути их организационно-хозяйственного укрепления (большая обеспеченность инвентарем, скотом, посевными площадями, машинизация и механизация, агрикультурные улучшения). Однако по-прежнему оставались сложности,

[436] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1264. – Л.88об.
[437] ГАКО. – Ф.Р-877. – Оп.1. – Д.57. – Л.179.
[438] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1554. – Л.451.
[439] Там же. – Д.1410. – Л.3, 9.
[440] КПСС в резолюциях … Т.3. – С.415.
[441] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1410. – Л.31об.

препятствующие развитию колхозов в Вятской губернии: в них не были чётко налажены счетоводство, планирование, организация труда и распределение продуктов, оставались проблемы неземлеустроенности, необеспеченности хозяйственными и жилыми постройками и т.д.[442]

В конечном счёте, в тезисах доклада о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства к XII губернскому съезду Советов (март 1926 г.) отмечалось, что к тому моменту имелось 463 коллективных хозяйства, из них 42 коммуны и 421 артель, при этом 65,72% коллективов являлись «умершими», 20,82% - «находились в стадии разложения» и лишь 13,46% характеризовались как «жизненные»[443].

Таким образом, вполне очевидно, что ни участковое, ни коллективное землепользование в 1922–1926 гг. не нашли широкого применения и поддержки в Вятской губернии. Общинное крестьянство довольно крепко держалось за свою традиционную организацию и не очень охотно с ней расставалось. В том, что в деревне существовала именно традиционная община, сомнений нет. Это признавалось не только на губернском, но и на уровне Центра. Государственная Комиссия по вопросу о земельных обществах в заседании 16 марта 1925 г. признала, что «фактически в части управления землями, земельное общество действует как старая община»[444]. Члены Аграрной секции Коммунистической Академии на совещаниях по вопросам землепользования и землеустройства в сентябре 1926 г. в большинстве своём полагали, что существовавшее земельное общество, по сути, являлось прежней земельной общиной[445].

В области земельно-хозяйственных отношений в деревне община на протяжении всех исследуемых здесь лет сохраняла за собой ведущую роль, в значительной степени определяя ход и направление развития социально-экономических отношений. Признав за общиной приоритет в этой сфере, советская власть предоставила ей значительную свободу, в то же время всячески поощряя её усовершенствование. В целом, в изучаемый период

[442] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2229. – Л.203об.-204об.
[443] Там же. – Д.1799в. – Л.333.
[444] РГАЭ. – Ф.478. – Оп.1. – Д.1789. – Л.32.
[445] Основные начала землепользования и землеустройства. – С.150, 162 и др.

земельно-хозяйственные функции общины не претерпели значительных изменений по сравнению с предыдущим периодом. Их определённая эволюция была связана, в большей степени, с внешними факторами.

2.2. Социальные и культурно-бытовые функции «мира»: «новое в старом и старое в новом»

Земельно-хозяйственная деятельность общины лежит как бы на поверхности. Остальные функции «мира», прежде всего социальные, культурные, бытовые, просматриваются гораздо менее ярко в силу объективных причин, так как они редко фиксировались в письменных документах, исходящих непосредственно из крестьянской среды. Чтобы быть четко обозначенными извне названные сферы жизни общины должны были стать предметами специальных исследований. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы носят, к сожалению, фрагментарный, разрозненный характер. Тем не менее, мы можем нарисовать целостную картину.

Неразрывность хозяйствования на земле и жизни на земле вызывала то обстоятельство, что социальные отношения внутри общины строились на основе хозяйственных. Здесь на первое место выходила социальная защита, которая была не просто функциональной, но и сущностной чертой общинной организации. Она была вызвана к жизни самим предназначением общины сохранять и поддерживать хотя бы на минимальном уровне выживания все входящие в неё хозяйства.

Одной из основных форм проявления функции социальной защиты являлась общинная взаимопомощь. Ведение земледелия в условиях непростых климатических условий всегда связано с риском попасть в ситуацию, ставящую крестьянское хозяйство на грань разрушения (недород, неурожай, вызванные засухой или другими природными катаклизмами). Механизмы взаимоподдержки и были предназначены помочь такому хозяйству, сохранить его жизнеспособность. Другими поводами для общинной помощи могли стать стихийные бедствия, например, пожар, или личные трагедии, как смерть или тяжелая болезнь единственного работника, вдовство, сиротство или просто необходимость совершить какую-либо тяжелую работу в короткий срок (построить новый дом).

Виды взаимопомощи были разными. Обычным явлением была родственная помощь, соседская. Она могла быть как трудовая, так и материальная. Самым распространенным видом мирской поддержки были помочи. Помочь – «совместный неоплачиваемый труд крестьян для аккордного завершения какого-либо срочного этапа работ у отдельного хозяина»[446]. Обычным было угощенье после завершения работ, которое рассматривалось, скорее, как компенсация затраченных усилий, чем плата за работу. Участие в помочах считалось обязательным с точки зрения нравственности[447], однако вполне осознавалась и их выгодность: крестьянин понимал, что в случае какого-либо бедствия соседи не откажут в помощи. Взаимовыручка, освященная традициями и общинной моралью, сплачивала «мир».

Первая мировая, а затем Гражданская война и связанные с ней беды сделали мирскую помощь востребованной как никогда. Особенно тяжело было семьям погибших, пропавших без вести, попавших в плен и красноармейцев. Для помощи последним советское государство организовало специальные комитеты, которые должны были оказывать трудовую и материальную поддержку. При этом декретом СНК от 20 марта 1919 г. предписывалось прибегать к мирской помощи, а в случае необходимости к обязательным работам[448]. В действительности, комкрасхозы в своей деятельности опирались именно на общину, так как чаще всего помощь семьям красноармейцев оказывалась в виде общественных помочей. Так, волисполкомы Вятского уезда в 1919 г. в анкетах, составленных уисполкомом на соответствующий вопрос отвечали, что помощь оказывается «односеленцами», путем «мирских помочей», «селенскими Советами»[449], «силами селенных обществ» и т.п. при участии комкрасхозов[450]. Из 12 волостей, указавших порядок помощи семьям красноармейцев лишь три ответили, что она оказывалась в виде трудовой

---

[446] Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. – М., 1986. – С.33.
[447] Там же. – С.58.
[448] СДЗЗ – С.65.
[449] В параграфе 1.1. мы убедились, что в тот период селенские Советы или комитеты по сути являлись общинными органами управления.
[450] ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.99. – Л.62, 64об., 71, 75, 78об., 89об., 103, 122об, 126об.

повинности[451]. И даже в последнем случае можно предполагать, что повинность раскладывалась на деревенских сходах.

Нехватка рабочей силы, рабочего скота и инвентаря, как следствие военной разрухи и чрезвычайных мер периода «военного коммунизма», усилились другим масштабным бедствием российской деревни в целом и вятской в частности – засухой и голодом 1921 г. Согласно инструкции Совнаркома от 19 марта 1921 г. слабые хозяйства должны были прикрепляться к более сильным, образуя, таким образом, группы для обработки земли сообща. Однако Малмыжский упосевком в отчете за апрель, май и июнь 1921 г. сообщал, что маломощным чаще всего помогают родственники, а также общество[452].

Процесс восстановления крестьянского хозяйства сопровождался увеличением количества рабочих лошадей, тем не менее, безлошадные хозяйства и в середине 20-х гг. составляли значительный процент (21,9% в 1925 г.[453]). Выход из тяжелого положения находили разный, среди них были и помочи. По данным комиссии губкома РКП(б) и губисполкома, работавшей в Кикнурской волости Яранского уезда в конце 1924 – начале 1925 г., лишь в 5% случаев лошадь предоставлялась в качестве помочей, в остальных же – за хлеб, отработку, деньги, то есть в порядке найма, и чаще всего исполу[454]. Единичные случаи помочей по уборке хлеба и молотьбе отмечены в 1925 г. в Уржумской волости[455]. Корреспондент «Вятской деревни» под псевдонимом «Вокалага» из Шараповской вол. Халтуринского уезда писал в газету, что граждане дер. Казаковы вспахали и засеяли поле своей соседки-вдовы, а в дер. Бабичи сход постановил вспахать пар, вывезти навоз, засеять поле и организовать несколько помочей по уборке урожая у матери красноармейца[456].

Помочи в 1920-е гг., по-видимому, сближались с отработками, то есть за оказанную помощь крестьянин обязан был принять участие в полевых работах

[451] ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.99. – Л.97, 111об., 114.
[452] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.732. – Л.28.
[453] Хоробрых Ф.А. Указ соч. – С.5.
[454] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.16.
[455] Там же. – Д.2155. – Л.230.
[456] Вятская деревня. – 1925. – 28 июня.

помочан. Данная тенденция была заметна ещё с конца XIX в. в связи с процессом имущественной дифференциации крестьянства и попадания малообеспеченных хозяйств в зависимость к более зажиточным[457]. Так, исследователи вятской деревни в начале XX в. выделяли два вида помочей: «за угощенье» и «в отработку»[458]. В годы нэпа процесс экономического расслоения приобрел новое дыхание. Отсюда те же тенденции. В беседе с членами комиссии губисполкома крестьяне дер. Вязовка указывали, что имеющимся 12 безлошадным хозяйствам оказывается помощь в обработке полей в виде отработок и помочей[459]. Размер отработки заранее не определялся. Чаще всего встречались 3-4 людских дня за одну конную подёнщину[460].

Распространённым видом помощи была внутридеревенская беспроцентная ссуда. Почти каждый крестьянин говорил, что приходилось «перехватывать» что-нибудь у соседей. Чаще всего это были небольшие займы хлеба (до 10 пудов) на короткий срок (до нового урожая, до обмолота)[461].

Несмотря на сохранение определённых традиций, наблюдатели отмечали, что добрососедских отношений «как раньше» в деревне нет, а есть «замкнутость, голый расчёт, а если помощь, то за лихву», и приводили примеры бедных хозяйств, которым никто не помогал[462]. Сами бедняки подтверждали наблюдения. Один из хозяев дер. Сандалово Яранского уезда говорил, что бедному человеку соседи помогают плохо, за все работы «дерут». Он устраивал помочи, так «вышло не меньше, чем стоило нанять»[463]. Угасание традиций взаимопомощи и замена её наймом отмечалась исследователями ещё до революции[464], в 1920-е гг., по-видимому, шёл тот же процесс. Всё же масштабы явления могли быть несколько преувеличены. Крестьяне могли скрывать от внешних наблюдателей случаи оказания помощи, опасаясь причисления к

[457] См.: Громыко М.М. Указ. соч. – С.62.
[458] Костина Е.Г. Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии (1906–1917 гг.): Дисс. … канд. ист. наук. – С.76.
[459] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.3об.
[460] Там же. – Д.2162. – Л.17.
[461] Там же. – Л.18.
[462] Там же. – Л.90, 91-93.
[463] Там же. – Л.156.
[464] См.: Костина Е.Г. Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии (1906–1917 гг.). Дисс. … канд. ист. наук. – С.76; Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. – С.472, 475.

эксплуататорам и, в целом, не доверяя представителям власти или иным недеревенским жителям. К тому же, это не было для них чем-то выдающимся, заслуживающим большого внимания. Факты внутриобщинной взаимопомощи редко фиксировались, потому что, «их не замечали, как не замечают само собой разумеющееся»[465]. Данное высказывание В.П. Данилова, как нам видится, вообще справедливо для развития общины в советской доколхозной деревне.

Сильнейший упадок крестьянского хозяйства в начале 1920-х гг. и в тоже время недостаток у государства материальных, политических и моральных механизмов в деревне для обеспечения его восстановления и развития заставили советскую власть опереться на общину и её традиции не только в решении земельных проблем, но и в оказании непосредственной помощи маломощным хозяйствам. Для этого было решено создать специальные организации, близкие крестьянству, но контролируемые государством. Ими стали комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВы). Декрет об их учреждении был опубликован 14 мая 1921 г.[466]

В Вятской губернии ККОВы стали формироваться с августа 1921 г.[467], однако процесс затянулся и продолжался вплоть до середины 1920-х гг., особенно это касается сельских комитетов, которые существовали при сельсоветах. Порой целые волости отказывались от создания ККОВ, ссылаясь на ненужность и преждевременность (Верходворская Орловского уезда)[468]. Динамика численности ККОВ представлена в таблице[469].

ККОВ	На 1 октября 1922 г.	На 1 октября 1923 г.	На 1 марта 1925 г.
Губернский	-	-	1
Уездный	1	9	9
Волостной	211	236	84

[465] Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. – С.55.
[466] Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. – С.185-186.
[467] Вятская правда. – 1922. – 14 ноября.
[468] Вятская правда. – 1921. – 25 ноября.
[469] Отчёт Вятского губернского исполнительного комитета IX состава X-му губернскому съезду Советов… – С.193-194; Отчёт Вятского губисполкома. Октябрь 1923 – март 1925 г. – С.149.

Сельский	979	3369	1651

На 1 октября 1922 г. уездный комитет был образован только в Яранске, в Вятском уезде ККОВ вообще не существовало, ещё в пяти уездах не было сельских комитетов. Через год уездный комитет не был сформирован только в Омутнинске[470]. Сокращение числа комвзаимпомов к началу 1925 г. было связано с укрупнением волостей и сельсоветов.

Однако даже те из комитетов, которые были организованы в 1921 г., фактическую работу начали гораздо позднее, например, в Юмской волости Котельничского уезда – лишь в 1923 г.[471] В совместном распоряжении губисполкома и губкома РКП(б) в 1923 г. указывалось на слабость ККОВ в губернии, на то, что многие существовали только на бумаге. Поэтому предлагалось всем уездным органам принять меры к «развитию, усилению и углублению» взаимопомощи путём предоставления комитетам преимуществ и льгот и т.д.[472] Тем не менее, обследование сельских комитетов взаимопомощи Кикнурской вол. Яранского уезда в конце 1924 – начале 1925 г. показало, что все они числились только на бумаге и практически никакой работы не вели[473].

Избирались комитеты на сходах, их постановления были обязательны для всех жителей района, обслуживаемого комитетом[474]. В задачу ККОВ входило оказание как материальной, так и трудовой помощи бедняцким хозяйствам. Средства ККОВ формировались за счёт самообложения, доходов от предприятий, общественных запашек, добровольных пожертвований, выморочного, бесхозного и конфискованного по суду имущества[475]. Самообложение, решение об обработке общественных запашек также принималось на сходах. Так, фонд Раевского сельского комитета взаимопомощи Сорвижской вол. Котельничского уезда был образован в 1924–1925 г. по раскладке самих граждан по 5 фунтов овса и 2 фунта ржи с

[470] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета IX состава X-му губернскому съезду Советов… – С.193-194.
[471] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148. – Л.29.
[472] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1380. – Л.403-403об.
[473] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.280.
[474] Вятская правда. – 1921. – 25 ноября; 1922. – 30 ноября.
[475] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета IX состава X-му губернскому съезду Советов… – С.193; Вятская правда. – 1922. – 2 декабря.

десятины[476]. В Коршинской волости Халтуринского уезда в 1923 г. организация обработки общественных участков проводилась на деревенских сходах[477]. Из фондов выдавались ссуды и пособия нуждающимся хозяйствам. С октября 1923 г. по март 1925 г. всеми комитетами взаимопомощи губернии их было выдано на сумму 58118 руб. 79 коп., ещё 12950 руб. 57 коп. было потрачено на удовлетворение нужд хозяйств, пострадавших от стихийных бедствий. Всего материальная помощь была предоставлена 11378 хозяйствам[478].

Трудовая помощь оказывалась путём совместной обработки земли, по сути, в форме помочей[479]. Хотя, как отмечалось в актах обследования волостных и сельских ККОВ, она была развита незначительно или проводилась по инициативе самих крестьян, без особого влияния комитетов[480]. За период октябрь 1923 – март 1925 г. комитетами трудовая помощь была оказана 9691 хозяйству[481]. Другим видом работы комвзаимпомов было выявление бедняцких хозяйств и выдача справок о бедности.

Создавая комитеты взаимопомощи в начале нэпа как «средство восполнения ущерба от военных и социальных потрясений» на основе традиционной крестьянской взаимоподдержки, советское государство уже с середины 1920-х гг. стало рассматривать их в качестве механизма коллективизации деревни[482], возложив на них обязанности всеми способами доказывать преимущества ведения обобществленного хозяйства, содействовать кооперированию крестьянства, прежде всего, бедноты. Одновременно проводилась их реорганизация в общества взаимопомощи. В Вятской губернии она началась с весны 1925 г. и проходила в форме организованной кампании. На сельских собраниях специальные уполномоченные делали доклады соответствующего содержания, а участники принимали решение об

[476] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148. – Л.132.
[477] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.2. – Д.766. – Л.40.
[478] Отчёт Вятского губисполкома. Октябрь 1923 – март 1925 г. – С.149.
[479] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148. – Л.29об.-30, 33.
[480] Там же. – Л.129, 132об.
[481] Отчет Вятского губисполкома. Октябрь 1923 – март 1925 г. – С.149.
[482] Григорьев В.С. Указ. соч. – С.30, 32, 33.

организации общества взаимопомощи[483]. В общества должны были вступать селения целиком, а их фонды формироваться из паевых взносов, установленных в зависимости от мощности хозяйства. К 1 января 1926 г. перешли на новое положение 121 общество, куда входили 986 сёл и деревень и 40805 хозяйств[484]. Через год в 942 общества было вовлечено 182038 хозяйств (46,5% к общему числу хозяйств губернии)[485]. Население неохотно вступало в общества, а там, где всё же шло на это, паевые взносы платить отказывалось[486]. На 1 января 1927 г. их поступление составило лишь 26%[487]. Масштаб деятельности обществ взаимопомощи был по-прежнему невелик: в 1926 г. возвратные ссуды были выданы 10665 хозяйствам (66713 руб.), безвозвратные пособия – 1273 хозяйствам (4028 руб.), трудовая помощь оказана 1369 хозяйствам. Плюс к этому при их содействии создано 38 коллективов, вовлечены в кооперацию 2187 членов обществ[488].

Но даже, несмотря на использование общинных традиций и, казалось бы, правильные цели и задачи ККОВ и обществ взаимопомощи, крестьянство губернии отнеслось к ним как к новой обузе деревни. Понимая, что в их организации заинтересовано государство, крестьяне не шли на конфликт с властью и образовывали ККОВы и общества взаимопомощи, но прямо указывали на ненужность этих органов и неохотно проводили самообложение и вносили паевые взносы[489].

Социальная защита как функциональная составляющая жизнедеятельности крестьянского «мира» включала в себя и защиту от антиобщественных действий, способных дестабилизировать жизнь деревни, нарушить социальные связи и общность людей, привести к разорению отдельных хозяйств, что в конечном итоге сказывалось на всей общине. В

---

[483] ГАКО. – Ф.Р-2537. – Оп.2. – Д.210. – Л.3, 5, 7 и след.
[484] Отчет Вятского губисполкома XII съезду Советов. – Вятка, 1926. – С.229.
[485] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета XIII губернскому съезду Советов. – Вятка, 1927. – С.92.
[486] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.4. – Д.60. – Л.141, 142.
[487] Отчет Вятского губернского исполнительного комитета XIII губернскому съезду Советов. – С.92.
[488] Там же. – С.92.
[489] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т.2. – С.456; ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148. – Л.243об; ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.50. – Л.87, 113, 195, 223-224; Д.51. – Л.10

крестьянском мировоззрении деструктивными свойствами обладали уголовные преступления, пьянство, нарушения традиций, устоявшихся порядков и т.д.

Формой традиционного противодействия уголовным преступлениям был крестьянский самосуд. Здесь социальные функции общины тесным образом переплетались с юридическими. Самыми опасными преступлениями в деревне считались помимо убийства, кражи, особенно рабочих лошадей, на которых держалась хозяйственная деятельность двора, колдовство, поджоги. Но если убийства всё же подлежали юрисдикции местных судебных органов, то крестьяне были убеждены в своем праве вершить суд над ворами, поджигателями, колдунами.

Случаи самосуда в конце XIX – начале XX в. в российской деревне отмечались повсеместно, традиция эта отличалась устойчивостью, что подтверждается, по мнению В.Б. Безгина, фактами подобных расправ в советской деревне 1920-х гг.[490] Подтвердить последний тезис можно примерами из жизни вятской деревни. Нами найдено несколько описаний случаев самочинных расправ крестьян над виновными в совершении преступлений.

За не очень тяжкие преступления, как кража одежды, обуви, продуктов, воров подвергали «срамлению», то есть публичной экзекуции, унижающей честь и достоинство. Такая форма самосуда проходила в форме «вождения» с украденной вещью. При этом каждый мог ударить преступника[491]. А.С. Юферев (1917 года рождения) вспоминал о 1920-х гг., что воров было много, но судили их «строго и правильно», и приводил пример, как однажды мужик украл из мельницы мешок муки. По приговору схода его водили по всем окрестным деревням, в то время как он нёс на себе 3 пуда муки и, подходя к каждому окну, кричал: «Я вор!». Другой уроженец вятской деревни И.Д. Воронцов также рассказывал об обычае самосуда, но уже более жестоком: «Раньше кто украдёт, то его по деревне водили и били до крови. Никто за него не приставал. Били порой до полусмерти, но до смерти – никогда, били все –

[490] Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. – 2005. – №3. – С.152, 154.
[491] Там же. – С.154.

кто руками, кто палкой. Кто просто плевал». Аналогичный случай расправы над марийцем, укравшем корову, наблюдала, будучи подростком, Е.И. Маклакова (1914 года рождения)[492].

Здесь приведены воспоминания самих крестьян, которые изнутри наблюдали действие самосуда. Исходя из этих свидетельств, можно сделать вывод, что данный обычай был довольно распространенным явлением. Однако в других источниках, «некрестьянских» по своему происхождению подобные сведения крайне редки. Нами выявлено лишь три упоминания о самочинных расправах.

Временный исполняющий дела уполномоченного Вятгуботдела ГПУ по Яранскому уезду в своем рапорте за 30 июня, 1 и 2 июля 1922 г. сообщал, что в Царевосанчурском районе наблюдаются самосуды над ворами, бандитами и подозреваемыми в принадлежности к таковым. Причину он видел в недоверии крестьян к власти, так как она «де плохо мошенников карает»[493]. Мягкость судебных наказаний преступников вызывала сильное недовольство крестьян в 1920-е гг.[494] Последнее обстоятельство, действительно, являлось серьезной причиной самосудов.

Газета «Вятская правда» в 1924 г. напечатала заметку Н. Кощеева с говорящим названием «Самосуд». Автор писал, что в дер. Барменской Рохинской вол. Вятского уезда у крестьянина был похищен холст, в чём он заподозрил одну женщину и сказал об этом уполномоченному. Последний собрал сход, на котором женщину обмотали тканью и повели по деревне, избивая при этом палками и заставляя кричать: «Я воровка!». В завершение женщину раздели и водили голую[495]. Как мы видим, сценарий самосуда идентичен описанным выше.

Ещё один случай заслуживает большего внимания, так как он был выявлен в ходе работы в Кикнурской волости Яранского уезда уже упоминавшейся нами комиссии, созданной губисполкомом и губкомом РКП(б).

---

[492] Бердинских В.А. Россия и русские. – С.29.
[493] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.2. – Д.248. – Л.31.
[494] См.: ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.298. – Л.14.
[495] Вятская правда. – 1924. – 6 сентября.

В дер. Забенской в краже обвинили вдову Авдотью Швецову. На сходе постановили её выпороть при всём обществе[496]. Далее действия развивались следующим образом. «При рёве толпы на сходе наряду с побоищем (пороли по голому телу, переворачивая на все стороны), напоминавшем времена Салтычихи, истязатели Авдотьи, причиняя нестерпимую боль, старались убить её и морально. В половой орган её вводили предметы, причинявшие ужасную боль»[497].

Интересен этот случай не только в плане самого самосуда, но и ситуации вокруг него. Члены комиссии не узнали бы о случившемся, если бы им об этом не сказали трое крестьян, приговорённых по суду к тюремному заключению за описанную расправу. «Пороли всем обществом, – говорили они. – А потом общество свалило всё на нас троих; нас и обсудили»[498]. Члены комиссии предположили, во-первых, что женщина сама не посмела бы подать в суд, следовательно, общество, сняв свою опалу, заставило её это сделать и указало, кого именно следует обвинить в преступлении, и во-вторых, что обвинили и осудили не случайных лиц, а именно тех, кто был инициатором выхода из деревни на выселок и введения многополья[499].

Мнения губернских чиновников, как нам видится, были недалеки от истины. Действовать наперекор решению общины – всё равно, что идти против общества, что было немыслимо для крестьянина, чья жизнь от рождения до смерти проходила в общине[500]. Бедная вдова, чьё благополучие целиком зависело от соседей, несомненно, не отважилась бы на подобные действия. Выполнение решения общества о подаче заявления в суд было актом прощения и примирения.

Что касается второго предположения. Исследователи крестьянского самосуда отмечают, что найти виновных в подобной расправе было

---

[496] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.72, 85.
[497] Там же. – Л.85.
[498] Там же. – Л.69.
[499] Там же. – Л.72.
[500] Оболенская С.В. С.Фрэнк. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства 1870-1900 // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – С.235.

практически невозможно, так как действие совершалось «всем миром», связанным круговой порукой, да ещё в тайне от властей[501]. Отсюда, кстати, и редкие сведения о существовании подобного явления в деревне. Выдача виновных была практически исключена. Но в дер. Забенской сложилась очень непростая ситуация, а именно – раскол её на две группы: меньшинство, желающее выделиться на выселок и перейти на многополье, и большинство, противящееся этому. Между ними шла ожесточенная борьба и непрекращающиеся споры на сходах, свидетелями чему и были члены комиссии[502]. Важнейшими условиями жизнедеятельности крестьянского сообщества были согласие и единство. Добившись тюремного заключения инициаторов действий, нарушавших эти условия, вносивших дестабилизирующие «мир» факторы, община, скорее всего, пыталась прекратить раздор, вернуть жизнь в прежнее русло. С точки зрения общинной морали и психологии это выглядит вполне логичным.

Мирские расправы не были сиюминутным, спонтанным проявлением агрессии и мести по отношению к виновному, но готовились и продумывались[503]. Как мы могли убедиться, они имели свой определенный порядок действий, который более или менее схож во всех описаниях и в целом не менялся на протяжении десятилетий[504]. Решение о совершении суда над преступником принималось на сходе и претворялось в жизнь всем «миром». Расправа заключалась в процедурах «вождения» и «(по)срамления», сопровождавшихся нередко жестокими побоями, а для женщин ещё и раздеванием донага. Единственный момент, который не встречался нам в литературе по данному вопросу, это применение насильственных действий сексуального характера, которые совершили жители дер. Забенской. Возможно, это было связано с тем, что А. Швецова «прижила» сына вне брака, что в глазах крестьян выглядело как моральная распущенность. Община вынуждена была

[501] Безгин В.Б. Указ. соч. – С.152, 154.
[502] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.69-71.
[503] Безгин В.Б. Указ. соч. – С.153, 154.
[504] См.: Там же. – С.152-157; Курашов А.В. Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX – начала XX вв.: По материалам центральных губерний: Дис. … канд. ист. наук. – Москва, 2003. – С.82-90; Оболенская С.В. Указ. соч. – С.233-239.

дать на него землю, хотя считала это несправедливым[505]. Данные обстоятельства были дополнительным поводом для жестокости.

Самосуд был не просто местью, но и предотвращением рецидива преступления, и средством поддержания сельской солидарности, и способом выхода накопившейся агрессии, и, что особенно важно, демонстрацией реальной власти общины[506]. Осуществление «миром» судебной функции было одним из главных признаков его самодостаточности во внутренних делах[507].

Серьезной проблемой российской деревни периода нэпа было пьянство и массовое самогоноварение. Спиртное выступило своеобразным амортизатором тех обвальных социальных потрясений, которые произошли в России в первые десятилетия XX в.[508] Пьянство было опасно для всего внутреннего уклада деревни, так как главы дворов просто пропивали свои хозяйства, оно усугубляло такие негативные социальные явления, как хулиганство, преступность, споры и ссоры. Сводки губернского отдела ОГПУ регулярно сообщали о росте употребления спиртного в деревне и о развитии, на этом фоне, хулиганства, увеличении числа убийств[509].

Община пыталась бороться с распространением самогоноварения в деревне и связанными с ним пороками и в этом была заодно с органами власти. Так, крестьяне дер. Мониной Якимовагинской вол. Вятского уезда в 1923 г. на общем собрании постановили вести борьбу с кумышковарением (на Вятке самогон часто называли кумышкой), сообщая о самогонщиках особой комиссии при отделе управления губернией, с пьяницами, хулиганами, нарушителями общественного порядка, передавая их народному суду[510]. Сходами выносились приговоры о прекращении в деревнях варки самогона [511], однако это не всегда было действенной мерой. В обзоре жизни вятской деревни, составленном по

---

[505] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.77.
[506] Безгин В.Б. Указ.соч. – С.154, 155, 156.
[507] Курашов А.В. Указ. соч. – С.85.
[508] Посадский А.В. Крестьянская самооборона в годы Гражданской войны в России (восточный регион) // Отечественная история. – 2005. – №1. – С.126.
[509] См.: ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.50. – Л.11, 33-34, 59, 77, 93, 124, 188, 205, 236; Оп.4. – Д.60. – Л.49; Д.61. – Л.4, 22, 59, 87, 133, 147, 194 и др.
[510] Вятская правда. – 1923. – 6 марта.
[511] Вятская деревня. – 1925. – 29 ноября.

результатам работы губернской комиссии, подчёркивалось, что деревня пыталась бороться с самогоном, выносились приговоры, но и они не помогали[512]. Об этом же писала местная пресса. «Вятская деревня» в одном из сентябрьских номеров поместила заметку, в которой говорилось, что в дер. Толстобровской Яранского уезда, несмотря на вынесенный приговор, самогон по-прежнему варят[513].

Однако не всё было однозначно в отношении общины к алкоголю. Есть сведения и о таких эпизодах, когда вырученные от сдачи общественных земель деньги пропивались всем обществом[514]. Более того, подобные действия вполне укладываются в общинные представления о справедливости. Так как сданные участки принадлежали всему «миру», то и полученный доход принадлежал всем мирянам поровну. Историк А.В. Курашов, исследовавший нормы обычного права русских крестьян, полагает, что совместное пропитие общественных денег являлось способом решить вопрос об их распределении по принципу, чтобы «никому не было обидно». Более того, это был механизм единения всех членов общины[515]. Во время помочей употребление спиртного также было делом обычным[516]. То есть, с пьянством как социальным и хозяйственным злом община боролась, но сама в тоже время использовала алкоголь как средство поддержания единства, согласия и справедливости.

В круг социально-культурных функций общинной организации входили поддержание внутриобщинной дисциплины, обычно-правовых норм жизни и нравственности, воспитание подрастающего поколения путём передачи традиций, хозяйственного опыта, регулирование обрядовой стороны жизни деревни, строительство и содержание различных культурных учреждений, благоустройство селений и т.д.

Ранее мы уже писали о том, как община пыталась пресекать антиобщественные действия своих членов такие, как преступность, пьянство.

---

[512] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.94.
[513] Вятская деревня. – 1925. – 20 сентября.
[514] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2892. – Л.507об.; Ф.Р-1063. – Оп.1. – Д.4. – Л.166.
[515] Курашов А.В. Указ. соч. – С.73.
[516] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.51. – Л.181.

Общиной наказывались и другие действия, нарушавшие установленные нормы и правила. Она налагала штрафы за неявку на сход, за непостройку или непочинку изгородей и тому подобные деяния. Например, в селе Сметанино Санчурской волости Яранского уезда сход в 1925 г. запретил выпускать свиней без «волоков», а за нарушение назначил штраф 3 рубля[517].

В компетенцию общины входило благоустройство и обеспечение безопасности деревни. В селениях существовали специальные выборные должности санитарных попечителей и пожарных старост[518]. На мирские средства производились ремонт и покупка пожарного инвентаря, сообща осуществлялся ремонт дорог и мостов[519], причём последнее почти всегда особо оговаривалось в приговорах о переделах земли, о выделах из общины. Крестьяне в порядке очереди несли ночной караул[520]. Сходом выделялись места под застройку, для скотских кладбищ. Проникновение в деревню новых явлений не проходило мимо общины. Так, в селениях Мочалищинского сельсовета Коршинской вол. Котельничского уезда в феврале 1925 г. ВИКом проводились собрания по вопросу прокладки телефонной сети. Из 14 деревень 12 высказались «желательно сети», при этом они согласились оказать помощь, но только в добровольном порядке и «по силе возможности»[521].

В области воспитания, социокультурного развития деревни община давно утратила свою монополию[522]. В советское время задачи воспитания, образования, культурного строительства, развития социальной сферы стали государственными. Всё же, определённые функции крестьянская община за собой сохраняла, более того, часто без её поддержки провести те или иные мероприятия органы власти были не в состоянии. Это хорошо прослеживается на примере развития сети культурно-просветительских и других учреждений в деревне.

---

[517] ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.388. – Л.108-108об.
[518] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2155. – Л.269.
[519] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1 – Д.361. – Л.323об.-324.
[520] ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.44. – Л.27об.
[521] ГАКО. – Ф.1374. – Оп.1 – Д.361. – Л.185об.
[522] См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. – С.473.

За годы Гражданской войны многие школы в деревне были закрыты. Когда сельское хозяйство только начало вставать на ноги, крестьяне сразу подняли вопрос о возобновлении их работы. В информсводке ОГПУ за 12-19 февраля 1923 г. говорилось, что в последнее время деревенские жители проявляют инициативу в восстановлении школ, берут обязательства по их содержанию[523]. В первые годы нэпа из-за отсутствия средств у государства многие школы и культурно-просветительские учреждения содержались исключительно на средства самообложения[524]. Зачастую открытие новых школ, красных уголков, изб-читален зависело от решения мирского схода, который предоставлял землю из общественного запаса, помещение, а если такового не было, то выделял средства и рабочую силу для постройки, а затем брал учреждение на своё содержание. Общины сами нередко выдвигали инициативы открыть те или иные культурные учреждения.

Примеров сказанному множество, приведем лишь несколько. На расширенном пленуме Спасского волисполкома 24 февраля 1923 г. уполномоченные деревень подняли вопрос о постройке здания библиотеки и народного дома[525]. «Вятская правда» в январе 1925 г. писала, что на сходе в дер. Астанчурга Шарангской вол. Яранского уезда единогласно было решено открыть избу-читальню, для которой выделить дом выморочного хозяйства[526]. Крестьяне дер. Лыштанга Малмыжского уезда решили построить школу, на эти цели собрать 150 руб. и выделить бесплатные рабочие руки[527]. На средства самообложения в Ихтинском сельсовете Яранского уезда строился народный дом[528].

В 1926 г. деревни нередко обращались с ходатайствами открыть у них школу, поддерживали в этом вопросе инициативы местных властей, предоставляли средства, материалы, рабочие руки[529]. Однако случались и

---

[523] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.2. – Д.469. – Л.16-16об.
[524] ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.237. – Л.145об., 146, 182.
[525] ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.2. – Л.17об.
[526] Вятская правда. – 1925. – 31 января.
[527] Вятская деревня. – 1926. – 17 января.
[528] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2125. – Л.167.
[529] ГАКО. – Ф.Р-3796. – Оп.1. – Д.90. – Л.32-40.

отказы. Так, общее собрание представителей деревень Верхоуслинского сельсовета заслушало распоряжение уисполкома, в котором говорилось, что деньги на ремонт и строительство школ будут выделены только тогда, когда население примет в них участие сбором средств, предоставлением лесоматериалов и т.п., и отказалось предоставить требуемую помощь, сославшись на то, что все расходы должны лежать на волостном бюджете, формируемом из отчислений сельхозналога[530]. Всё же это был редкий случай. Крестьянами в исследуемый период вполне осознавалась ценность просвещения, приобретения новых знаний и умений.

Местными историками секуляризация сознания вятского крестьянства отмечена как одна из тенденций развития древни в 1920-е гг., набиравшая оборот под воздействием, прежде всего политики государства в области культуры, просвещения, антирелигиозной пропаганды[531]. Отношение общины к религии и церкви было различным. Так, крестьяне дер. Ерши Котельничской вол. и уезда в 1925 г. на общем собрании единогласно постановили не принимать на предстоящую пасху священника и вообще отказаться от приёма икон[532]. Жители 6 деревень, в пользовании которых находилась часовня дер. Смертинской того же уезда, отказались от неё. Общество дер. Смертинской подало в местные органы власти ходатайство о закрытии часовни и передаче её здания для культурных нужд, которое было удовлетворено[533]. В дер. Забенской, напротив, в 1923 г. по решению общества закрыли школу, работавшую до этого 20 лет, и выстроили церковь, куда пригласили священника и дьякона[534]. По приговорам схода проводились те или иные религиозные обряды. Крестьяне дер. Шевнино Уржумского уезда собрали 10 пудов ржи и несколько десятков яиц для устройства молебна о ниспослании дождя[535]. Очевидно, что «религиозность» общины зависела от того, кто составлял большинство, верующие или нет.

---

[530] ГАКО. – Ф.Р-3796. – Оп.1. – Д.90. – Л.61.
[531] См.: Чемоданов И.В. Указ. соч. – С.22.
[532] Вятская правда. – 1925. – 19 апреля.
[533] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2570. – Л.81-81об.
[534] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.72.
[535] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.51. – Л.180.

Мирской контроль над нравственностью проявлялся, прежде всего, в семейно-брачных отношениях. Из разных волостей губернии поступали сведения о вмешательстве схода во внутрисемейные отношения в случае конфликтов с целью охраны семейного согласия[536]. Современники отмечали патриархальность вятской деревни. Несмотря на то, что большие семьи уже редко встречались, но значение главы семьи передалось и малым семьям. В 1920-е гг. всё ещё частым и повсеместным явлением были выбор жениха для дочери отцом, неравноправие, подчиненное положение женщин в семье, что препятствовало вовлечению последних в социально-политическую деятельность[537]. Не пуская на собрания жён, сестёр, дочерей, мужики обычно говорили: «Куда нам баб. Галдят больно, и всё без толку, без понятия. Да и некогда ей, у её ребёнки и скотинка, домовничать некому». Да и сами женщины, считали, что если муж ходит на собрания, то им там делать нечего[538]. Новым был запрет молодёжи со стороны старших в семье вступать в комсомол. В селе Цекеево Яранского уезда младший холостой брат не вступал в комсомол, боясь угрозы старшего брата лишить его части имущества. При этом он знал, что «общество, конечно, будет не на его стороне»[539]. То есть, противодействие воле главы двора ставило нарушителя в оппозицию всей общине.

Власть главы семьи была обусловлена его определяющей ролью в хозяйстве, его авторитет строился на старшинстве, опыте, а также на авторитете самой общины. Местный исследователь В.А. Танаевский, разработавший программу изучения обычного права вятских крестьян, в одной из статей писал, что сход имел влияние на выбор домохозяина. При этом, автор подчёркивал, что данная ситуация отлична от той, которая наблюдалась в других губерниях до революции[540]. Домохозяева составляли сход и разрешали все вопросы внутриобщинной жизни. Они представляли интересы своего двора, остальные

[536] Танаевский В.А. Указ. соч. – С.21.
[537] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.79-80.
[538] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.4. – Д.129. – Л.5.
[539] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.81.
[540] Танаевский В.А. Указ.соч. – С.21.

члены хозяйства в этом отношении были бесправны. Советское законодательство, как мы писали выше, ввело новую для деревни норму о полноправии в разрешении земельных вопросов всех членов двора, достигших восемнадцатилетия. Однако все наблюдения, все обследования жизни вятской деревни свидетельствуют о том, что в разрешении вопросов на сходах принимали участие в основном домохозяева. Эпоха внесла свои изменения в состав общего собрания в двух направлениях. Первое, из-за военных потерь возросло число женщин-домохозяев, которые в силу сложившихся обстоятельств вынуждены были включаться в общественную жизнь, защищая интересы своего хозяйства: «У других, вон, мужики ходят на сходку, а у меня его нет. Нужда заставит, так и идёшь»[541]. И второе, увеличение числа дворов в результате массовых разделов сделало сход более многочисленным и омолодило его. Последний процесс, называемый демократизацией схода, начался ещё в пореформенный период[542].

Последнее обстоятельство вызывало к жизни, пожалуй, один из самых острых конфликтов в деревне исследуемого периода – конфликт поколений. В предыдущем параграфе нами уже затрагивался этот вопрос, здесь остановимся на нём подробнее.

Определённые разногласия между старшим и младшим поколениями существуют всегда. Однако на усиление конфликтности в годы нэпа сказались новые явления, прежде всего возрастание социальной мобильности крестьян. Молодая часть деревни, побывав на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, пройдя службу в Красной армии, вкусив городской жизни, получила новый опыт, под воздействием которого менялось её сознание. Она была в большей степени подвержена влиянию мероприятий государства в области просвещения и религии, агитационно-пропагандистских кампаний. Поэтому молодёжь стремилась принести изменения в быт деревни, в хозяйственные отношения. Исследователи жизни деревни отмечали в своих наблюдениях, что

[541] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.4. – Д.129. – Л.5.
[542] Зырянов П.Н. Указ. соч. – С.32-33.

молодёжь больше выступала за развитие образования, светский образ жизни, нововведения[543]. Это могло противоречить ценностям, традициям, хозяйственным отношениям, поддерживаемым общиной. Главным носителем «общинного архетипа» было старшее поколение[544]. Столкновение двух противоположных ценностных ориентаций, мировоззрений и вызывало конфронтацию, борьбу за обновление деревенской жизни, главным образом, земельно-хозяйственного уклада – основу основ крестьянской жизни.

Разного рода источники содержат материалы, говорящие о разделении деревни по возрастному принципу. Чуть выше мы писали о ситуации в дер. Забенской Яранского уезда, где общество разделилось на две враждующие группировки. В основном забенские старики противились переходу на многополье и к тому же препятствовали выделу согласных на выселок, полагая, что те отберут лучшие земли[545]. Такие случаи в середине 1920-х гг. встречались повсеместно[546]. Обследования низового советского аппарата показывали, что старики имели значительный вес в деревне в общественно-политической сфере (неотзывчивость на различные мероприятия), в области идеологии («мещанский» взгляд на жизнь с религиозным уклоном), в быту (приверженность старому укладу жизни)[547].

Демографический конфликт тесным образом был связан с конфликтом на социально-экономической почве. Нередко старики были более зажиточными хозяевами, а молодые принадлежали к хозяйствам ниже среднего состояния и бедноте.

Авторитет крепких, зажиточных хозяев был традиционно высок в российской деревне, к их мнению прислушивались в разрешении тех или иных проблем, доверяли общественные должности. Развитие товарно-денежных отношений в годы нэпа приводило к опережающему по отношению к другим слоям крестьянства росту (см. приложение 11) не просто крепких хозяев, но

---

[543] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148. – Л.243об; Д.2161. – Л.6-6об.
[544] Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. – С.41.
[545] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.72об.; Д.2162. – Л.69-71.
[546] См.: ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп3. – Д.50. – Л.10, 48; Д.51. – Л.168.
[547] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2155. – Л.72.

тех, кто имел и использовал экономические рычаги давления на своих соседей, однообщественников (возможность арендовать и сдавать в аренду землю, рабочий скот и инвентарь, в том числе машины, предоставлять ссуды и т.д.), тем самым добивался выгодных для себя решений. Тому есть немало подтверждений, в том числе в материалах работы губернской комиссии в Яранском уезде. Крестьяне дер. Огородники сетовали, что «на сходах говорят больше торговцы. Если нам их не слушать и против их говорить – то и покупать не ходи к ним… Стоит только высунуть язык, тут тебе и конец, т.к. кончится собрание, а тебя за грудь»[548]. В дер. Ивановка на сходе в присутствии членов комиссии начал разгораться спор по вопросу о передаче земли бывшим купцам, который под влиянием некоторых хозяев был быстро пресечён. Лишь в частных беседах удалось выяснить, что в действительности передачу осуществила небольшая группа лиц, а общество только «при сём присутствовало»[549]. Крестьянин дер. Лопатины Халтуринского уезда В.И. Лопатин в 1924 г. жаловался в редакцию «Крестьянской газеты», что какой бы вопрос беднота ни подняла (многополье, взимание платы за выгон с «поповских коров»), кулаки всегда против и берут на сходе верх[550]. Обследования внутриобщинных взаимоотношений между группами крестьянства в 1925 г. показывали, что зажиточное крестьянство «до некоторой степени» пользуется авторитетом, в основном в идеологической и бытовой сфере, действуя исподтишка[551]. Сводки ОГПУ периодически информировали губернские и центральные органы власти о том, что на собраниях в деревнях «кулаки и зажиточные середняки» берут верх над бедняками[552].

Все конфронтационные линии сходились воедино на деревенских сходах, порождая бесконечные споры, ругань, доходящие до рукоприкладства. Ситуацию очень точно описал А.П. Милютин по впечатлениям от дер. Такшай Уржумской вол. и уезда: «Как крестьяне соберутся на сход – нет у них

[548] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.15.
[549] Там же. – Л.11.
[550] РГАЭ. – Ф.396. – Оп.2. – Д.133. – Л.17-18.
[551] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148. – Л.243.
[552] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.2. – Д.644. – Л.103; Оп.4. – Д.61. – Л.27, 113.

человеческого вида, начнут ругаться, мерять друг друга, даже со стороны слушать очень неприятно. …на сходке того и гляди, поднимется кулачный бой. Много раз и это бывает… Сходки ведутся у нас ещё часто также, как и при царизме: кто силён – тот и владеет, а кто послабее, тот ни слова не может сказать»[553]. Действительно, приведённое описание вполне подошло бы и для дореволюционного крестьянского схода[554]. Для внешнего наблюдателя это выглядело, конечно, дико, неправильно. В действительности, сход выражал общественное мнение, давал крестьянам возможность выговориться, выпустить пар недовольства[555]. Именно в таких спорах, возможно, не на одном собрании рождалось согласие.

Преувеличивать расслоение и размежевание общинной деревни в 1922–1926 гг. не стоит. Главной фигурой деревни был середняк, поддерживаемый в большинстве вопросов беднотой[556], численность которой неизменно сокращалась (см. приложение 11). Некоторые чиновники, проводившие обследования, даже в конце периода отмечали, что отношения между социальными группами «хорошие», классового расслоения в деревне нет[557]. Такое впечатление могло создаться, так как, действительно, при решении многих проблем разные слои деревни объединялись, действовали сообща. В данном разделе мы приводили этому немало подтверждений.

Ещё один яркий пример – отношение к «лодырям». Присутствие такого типа в деревне признавалось и губернскими чиновниками[558]. Лень, как нарушение трудовой этики, считалась у крестьян одним из самых тяжких пороков. Только человек, трудящийся не покладая рук, заслуживал уважение в деревне. Дореволюционные исследователи замечали, что в вятской общине авторитетом пользовались не опыт и старость, а именно труд[559]. Вот почему то

---

[553] Вятская деревня. – 1926. – 10 января.
[554] См.: Богатырёва О.Н. Указ.соч. – С.274-275.
[555] Бердинских В.А. Россия и русские. – С.28.
[556] См.: ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2155. – Л.58об.-59, 66об., 248об.-249; Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.323об.-324.
[557] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2155. – Л.238, 244об.
[558] См.: Сидоров К. Как живёт деревня (Из материалов комиссии по исследованию деревни) // Бюллетень губкома РКП(б). – 1925. – №2. – С.39; ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.176. – Л.8.
[559] См.: Костина Е.Г. Указ. соч. – С.75.

и дело в период нэпа слышались крестьянские голоса, недовольные государственной поддержкой бедноты. Не только зажиточные, но и середняки полагали, что настоящий труженик не может длительное время находиться в состоянии бедности. Отсюда презрительное отношение к беднякам: «Ты, говорят, молчи, бескоровник, ты не хозяин»[560].

Споры и ссоры на сходах, деление «мира» на группировки были делом обычным и до революции, и после. Как в любом человеческом сообществе добиться согласия в общине было непросто. И всё же стремление к единогласию, солидарности, приоритет общих интересов над частными по-прежнему являлись для общинников основополагающими. Крестьяне в массе своей не мыслили жизни вне общества и поэтому готовы были подчиняться его решениям: «Куда они, туда и мы», «Как большинство, так и мы», «Один в поле не воин, куда иголка, туда и нитка»[561].

Община не была чем-то неизменным, застывшим. Она развивалась, приобретая новые черты, изменялись традиции и обычаи. Тем самым, «мир» приспосабливался к меняющимся условиям жизни, хотя под воздействием «этики выживания» происходило это довольно медленно. Лучше всего определить ситуацию в социокультурной сфере жизнедеятельности общины можно словесным оборотом, который часто использовали исследователи 1920-х гг.: «новое в старом и старое в новом»[562]. Новые тенденции, явления, неизбежно проникали в жизнь деревни, в том числе под воздействием политики государства, изменяя не только внешнюю, бытовую сторону, но и внутреннее содержание общинных норм, правил, общинную мораль (например, нормы и принципы взаимопомощи). Однако и в новых условиях продолжали весьма успешно действовать те принципы мирской жизни (самодостаточность, коллективизм, солидарность, приоритет традиций, авторитет мирского решения), которые составляли саму основу существования общины и позволяли ей выполнять основные функции. И всё же, на наш взгляд, в годы

[560] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.31об.
[561] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.4. – Д.129. – Л.7; ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.179об.
[562] См., например: Яковлев Я. Наша деревня. Новое в старом и старое в новом.

нэпа в общинной жизни старое еще не уступало место новому. Поговорка «как жили наши деды, так и мы будем жить»[563] как и раньше являлась жизненным принципом большинства крестьян.

[563] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.177. – Л.141.

2.3. Община и сельсовет: характер взаимоотношений

Представленные выше факты показывают, как велика была роль общинной организации в жизни вятской деревни. В связи с этим возникает проблема её взаимоотношений с сельсоветом, выступавшим (во всяком случае, с формальной точки зрения) в качестве высшего органа государственной власти на территории своего района[564]. Как мы уже отмечали ранее, к началу нэпа в Вятской губернии полного размежевания между общиной и сельсоветом не произошло. Сельские Советы не только территориально совпадали с прежними сельскими обществами, но и зачастую играли ту же роль, что и институт выборных сельских старост в дореволюционной России[565].

Принятое в январе 1922 г. новое «Положение о сельских Советах» никаких принципиальных новшеств не внесло в структуру и функционирование сельсоветов в Вятской губернии и не сказалось на их взаимоотношениях с общинной организацией крестьянства. По мнению О.Ю. Яхшияна, содержание норм «Положения» было направлено на укрупнение районов сельсоветов путем объединения нескольких селений, а следовательно, на размежевание общины и низовых Советов[566]. Это было актуально для тех регионов страны, где сельские общества и сельсоветы существовали в каждом или почти в каждом селении. Однако, как мы выяснили ранее, в Вятской губернии сельские Советы изначально формировались в рамках прежних сельских обществ, объединявших несколько деревень, а функционировавшие в отдельных селениях деревенские комитеты, в большинстве своём, прекратили существование уже к 1920 г. То есть, в губернии продолжали функционировать деревенские общины, чья деятельность формально никем не регулировалась, а также действовал сельсовет, который ещё и территориально, и по сути своей деятельности

---

[564] Данная норма была законодательно зафиксирована в двух «Положениях о сельских Советах» 1920 и 1922 г. (См.: Декреты Советской власти. Т.VII. – С.347; Бюллетень Вятского губисполкома. – 1922. – №8-9. – С.7).
[565] См.: параграф 1.1.
[566] Яхшиян О.Ю. Указ. соч. – С.32.

совпадал с прежним сельским обществом. По-видимому, такое положение вещей отличалось от ситуации в других местностях. Так, по данным А.А. Сафонова, в Тамбовской губернии размежевание сельсовета и общины произошло уже в 1921 г.[567]

На протяжении 1922–1923 гг., вплоть до укрупнения сельсоветов в 1924 г., ни население, ни представители низовых органов власти не разделяли «общество» и Совет, что отразилось в документах. Так, протоколы деревенских собраний Круглыжской волости Котельничского уезда, проводившихся в январе 1922 г. в присутствии председателя ВИК, очевидно составленные по единому образцу, нередко именуют сельсовет «обществом». Терминологически знак равенства между сельским Советом и сельским обществом ставился в документах Пинюжанского ВИК Орловского уезда, Спасского и Круглыжского ВИК Котельничского уезда и др. в 1922–1924 гг.[568] В протоколе «общественного съезда Заусовского общества» от 16 июня 1923 г. сельсовет назван «общественным сельсоветом»[569]. Единичные «рецидивы» подобного явления случались даже в 1925 г. Приуроченное к годовщине смерти В.И. Ленина перевыборное собрание граждан Круглыжского сельсовета Котельничского уезда названо в протоколе «сельским съездом Советов Круглыжского общества»[570]. Данное обстоятельство можно объяснить, скорее, определенной инерцией, привычкой видеть в лице председателя сельсовета административную единицу типа сельского старосты, а в административном объединении ряда селений – сельское общество.

Проявлялась эта инерция, во всяком случае в Вятской губернии, и в сохранении традиционных общинных принципов формирования сельских органов власти. Выше упоминавшиеся деревенские собрания представляли собой сходы домохозяев, которые избирали уполномоченных на так

---

[567] Сафонов А.А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. – С.59.
[568] См.: ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.2. – Л.20, 24-24об.,52-52об., 53-53об.; Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.44. – Л.16, 22-22об., 29-31об. и след.; Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.302. – Л.4об., 11, 19об.-20 и др.
[569] ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.2. – Л.53.
[570] ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.43. – Л.2.

называемые сельские съезды[571]. Последние в свою очередь выбирали председателей сельсоветов, представителей на волостной съезд[572]. Данная процедура имела место вплоть до избирательной кампании 1924-25 г. включительно[573].

Тем не менее, указанные выше обстоятельства вовсе не предопределяли восприятие крестьянством сельсоветов как подлинных властных органов. Член Вятского губисполкома А.М. Плюснин в марте 1924 г. в докладе о состоянии советского аппарата подчёркивал, что со времён Гражданской войны сельсоветы фактически выполняли только распоряжения вышестоящих органов власти и в основном под административным нажимом и под страхом ответственности[574]. Выяснить реальное содержание деятельности сельсоветов в начальный период нэпа крайне сложно в виду плохой сохранности документов, исходящих непосредственно от них. Однако протоколы заседаний волисполкомов в значительной степени подтверждают сведения, приводимые автором названного доклада. В них председателям сельсоветов вменялись в обязанность выполнение различных повинностей (дровяной развёрстки), контроль за уплатой налогов (общегражданского, подворного), страховых платежей, а в случае неуплаты, составление описей имущества, надзор за возвратом семссуды и т.п. Невыполнение распоряжений могло повлечь за собой административное наказание председателя в виде ареста и материального взыскания[575]. Обследование 7 сельсоветов Кикнурской вол. Яранского уезда в 1924 г. показало, что председатели выполняли функции старых сборщиков податей[576]. Сельсовет не решал насущных проблем деревни, отдалившись от её повседневной жизни.

Соответствующим было и отношение населения к сельсоветам как к рассыльным ВИКа, сборщикам налогов, отсутствие авторитета[577], что

---

[571] ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.12. – Л.1-87, 89-136.
[572] ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.2. – Л.24-24об.,52-52об., 53-53об.; Р-986. – Оп.1. – Д.69. – Л.1-12.
[573] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2125. – Л.198.
[574] ГАКО. – Ф.Р-1258. – Оп.1. – Д.40. – Л.23.
[575] ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.2. – Л.8об., 16об.-18, 20-21 и др.
[576] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.272.
[577] Там же.

проявилось, прежде всего, в пассивном отношении к выборам, которые проводились нередко формально. Фактически служба в сельсовете в ряде мест свелась к подворному отбыванию повинности[578]. Сами крестьяне подтверждали сказанное. Так, житель дер. Евсино Тужинской вол. Яранского уезда Г. Чесноков писал в письме в газету «Вятская деревня», что на выборах 1924 г. голосовали за первого предложенного кандидата, потому что он нигде не служил и пришла его очередь[579]. Нередким явлением стал отказ работать в низовом звене советской власти[580]. При такой системе на должность председателя могли попасть совершенно негодные для неё люди.

Яркой иллюстрацией сказанного может служить заявление Н.М. Маракулина в Орловский уисполком (сентябрь 1923 г.) с ходатайством о снятии его с должности председателя Шалыгинского сельсовета, в котором он писал, что его избрали на сельском сходе заочно, что сам он совершенно неграмотный, что свою очередь по общественной службе он может отбыть в качестве рассыльного или десятника[581]. Аналогичное ходатайство поступило от Т.И. Шалагинова, избранного председателем Семено-Сальниковского сельсовета, в котором, помимо прочего, указывалось, что в «обществе» есть грамотные, которые уклоняются от службы[582]. Другим наглядным свидетельством отношения к низовому звену советской власти может служить ситуация, описанная в докладе пленуму губисполкома «О совстроительстве» (март 1924 г.), где говорится о выборах в сельсоветы лиц, которые в чём-то провинились перед обществом. Соответственно служба в сельсовете рассматривалась общиной как наказание[583]. Описанные явления не были чем-то уникальным для российской деревни[584].

Всё же, как отмечалось в том же докладе А.М. Плюснина, активность избирателей на выборах в 1923 г. повысилась по сравнению с 1922 г. (по трём

---

[578] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.270; Ф.Р-1258. – Оп.1. – Д.40. – Л.20. См. также: Леконцев О.Н. Указ. соч. – С.33.
[579] Вятская деревня. – 1925. – 20 сентября.
[580] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1 – Д.2162. – Л.270.
[581] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.67. – Л.210-210об.
[582] Там же. – Л.225.
[583] ГАКО. – Ф.Р-1258. – Оп.3. – Д.67. – Л.92.
[584] См.: Яковлев Я. Деревня как она есть. – С.112-116.

уездам – Нолинскому, Малмыжскому и Халтуринскому – на 38%), что, по мнению автора, свидетельствовало о повышении авторитета местных органов власти[585]. Однако, в 1924 г. участие избирателей в выборах сельсоветов составило всего 24%[586]. Низкий процент был следствием не только отношения населения к Советам, но и результатом участия в выборах почти исключительно домохозяев. Преодолеть эту общинную традицию не удавалось.

Ситуация начала 1920-х гг. складывалась явно не в пользу сельсоветов. Можно согласиться с мнением О.Н. Леконцева, что крестьянство, занятое экономическими проблемами и замкнутое в общинах, в этот период «практически не нуждалось в советских органах и относилось к ним индифферентно», что слабость сельсоветов косвенно усиливала влияние общины на повседневную жизнь крестьянства[587]. Оставаясь, по сути, пассивными наблюдателями, сельсоветы не контролировали деятельность общинной деревни, а, скорее, функционировали в том объеме и тех рамках, в которых позволяло наличие мирской организации. О.Ю. Яхшиян пишет даже о кризисе системы управления в деревне в 1924 г., суть которого заключалась в том, что «законодательные нормы о сельсоветах "работали" только в части, совпадающей с традиционными нормами общинного управления»[588]. Вместе с ростом политической активности крестьянства[589] это заставило государство обратить особое внимание на положение низовых органов власти.

1924 г. стал годом начала кампании по «оживлению» Советов, цель которой состояла в том, чтобы, с одной стороны, вызвать у крестьян интерес к местным Советам, не на бумаге, а на деле превратить их в органы власти, а с другой стороны, ослабить влияние на деревню общинной организации[590]. Однако опыт показал, что игнорировать общину было невозможно, поэтому новый курс советского строительства приспосабливался к традиционным

---

[585] ГАКО. – Ф.Р-1258. – Оп.1. – Д.40. – Л.21, 22.
[586] Отчет Вятского губисполкома. Октябрь 1923 – март 1925 г. – С.13.
[587] Леконцев О.Н. Указ. соч. – С.68, 82.
[588] Яхшиян О.Ю. Указ. соч. – С.40.
[589] Саблин В.А. Социальная стратификация и социальное поведение российской деревни 1900–1920-е гг. – Вологда, 2007. – С.15.
[590] Там же.

институтам общинного самоуправления, не теряя общей направленности на размежевание Советов и общины.

Первым шагом стало введение декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 24 марта 1924 г. должности сельского исполнителя, которому вменялось в обязанность исполнять поручения сельской власти по обеспечению охраны общественного порядка, личной и имущественной безопасности граждан, по благоустройству и развитию общественной самодеятельности. Тем же нормативным актом определялось, что сельские исполнители назначаются сельсоветом в каждом селении в порядке очереди всех граждан из числа постоянных жителей селения (в возрасте от 20 лет – мужчины, от 25 лет – женщины) на срок до двух месяцев[591]. Конкретный перечень обязанностей сельисполнителей содержался в инструкции НКВД от 10 мая 1924 г. В него входили объявление гражданам селения всех распоряжений власти, наблюдение за общественным порядком, санитарным состоянием селения, конвоирование лиц, содействие должностным лицам, сообщение сельсовету и милиции обо всех правонарушениях, преступлениях, происшествиях на территории селения и т.п.[592] В Вятской губернии институт сельских исполнителей вводился постановлением президиума губисполкома с 1 июля 1924 г.[593]

Сельские исполнители по содержанию деятельности напоминали десятников (в вятской деревне их иногда называли старшинами, наретчиками[594]) – традиционных помощников главы сельского общества. Однако замены одного института другим в вятской деревне, очевидно, не произошло, они существовали параллельно. Десятники исполняли свои прежние функции (созывали деревенские сходы, следили за порядком,

[591] СУ РСФСР. – 1924. – № 28. – Ст.266.
[592] Резолюции губернского совещания инструкторов уездных исполкомов и председателей волисполкомов… – С.34-36.
[593] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2014. – Л.1.
[594] ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.409. – Л.65, 68об.

размещали на квартиры приезжих представителей органов власти, различных уполномоченных и т.д.). Как правило, они назначались в порядке очереди[595].

Институт сельисполнителей был введён, чтобы ликвидировать отрыв сельсоветов от населения. Однако для губернии он имел двойственные результаты. В ряде мест (особенно в административных центрах) исполнители заменили прежних рассыльных, а также превратились в бесплатных сторожей, помощников милиционеров, дежурных при сельсоветах, волисполкомах[596]. Это отрывало крестьян от хозяйства, а следовательно вызывало их недовольство[597]. Поэтому они старались освободиться от несения службы сельисполнителя посредством сбора денег на наем рассыльных, дежурных и т.д.[598]

Другим следствием было то, что, как отмечалось в сводке орготдела ЦК РКП(б), сельские исполнители в ряде губерний, в том числе Вятской, олицетворяли «выборный орган в противовес сельскому Совету»[599]. Обследования низового советского аппарата губернии действительно нередко указывают на то, что в нарушение декрета и инструкции сельисполнители не назначались сельсоветом, а выбирались на деревенских сходах[600]. Иногда они присутствовали на заседаниях сельсоветов в качестве уполномоченных селений[601]. Однако, в большинстве случаев исполнители оставались совершенно пассивными, а порой, боясь мести соседей, скрывали происходящее в деревне[602]. Они не выполнили главного предназначения – не стали прочным связующим звеном между сельсоветом и отдельным селением. О чём говорит тот факт, что в 1925 г. первым губернским совещанием по вопросам советского строительства была поставлена задача провести прикрепление членов сельсоветов к селениям[603].

---

[595] См.: ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.163об.
[596] Леконцев О.Н. Указ. соч. – С.90. См. также: ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2286. – Л.1.
[597] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.364.
[598] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148. – Л.244.
[599] Леконцев О.Н. Указ. соч. – С.91.
[600] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148. – Л.111об.
[601] Там же. – Л.12об.; Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.44. – Л.46, 52.
[602] См.: Леконцев О.Н. Указ. соч. – С.92.
[603] Совещание по вопросам советского строительства (23-27 февраля 1925 года). – Вятка, 1925. – С.165.

Составной частью курса «оживления» Советов, улучшения их деятельности было укрупнение сельсоветов и волисполкомов, главной целью которого являлось сокращение расходов на их содержание и привлечение к работе в них немногочисленных, но наиболее подготовленных кадров. В Вятской губернии в 1924 г. количество сельсоветов уменьшилось с 1897 до 868[604]. В целом укрупнение носило механический характер, без учёта исторически сложившихся связей и привело к ещё большему отрыву жителей селений от административных центров, что в большей степени касалось именно сельсоветов. Расстояние самых дальних деревень до центров сельсоветов доходило по губернии до 30 вёрст. Неэффективность предпринятого укрупнения стала очевидной уже в следующем году, когда было осуществлено разукрупнение. Сеть сельсоветов увеличилась до 1199 (без Омутнинского уезда)[605], а к началу 1927 г. – до 1277[606]. Но как и предыдущая трансформация, оно носило во многом формальный характер, так как главным условием было соблюдение определенных норм численности населения, радиуса района и т.д.[607], хотя при этом отчасти учитывалось и мнение населения[608].

Важным следствием территориально-административных изменений середины 1920-х гг. было то, что именно с этого времени сельсоветы Вятской губернии перестали совпадать территориально и отождествляться в глазах населения с прежними сельскими обществами. Хотя общинные традиции не исчезли сразу после укрупнения-разукрупнения. Так, обследование Вятской уездной ревизионной комиссией Поломского и Нелюбинского сельсоветов Якимовагинской волости в сентябре 1924 г. позволило выяснить, что в полном составе сельсоветы не существовали, а общие вопросы разрешались на собраниях уполномоченных селений[609]. Участники первого собрания членов

---

[604] Отчет Вятского губисполкома. Октябрь 1923 – март 1925 г. – С.11, 16.
[605] Отчет Вятского губисполкома XII съезду Советов. – Вятка, 1926. – С.29.
[606] Вшивцев Ю.Н. Борьба партийных организаций за укрепление связи с массами в период перевыборной кампании Советов 1927 г. (на материалах Вятской губернии) // Партия и Советы. – Киров, 1977. – С.37.
[607] См.: ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.793. – Л.17.
[608] См.: Там же. – Д.806. – Л..31, 35-35об., 37-38, 41-42, 44-46, 48-48об., 53, 65.
[609] ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.237. – Л.138об.

Тихоновского сельсовета от 21 октября того же года избирали «председателя общества», решили вопрос о центре канцелярии «общества», а также о сборе с его жителей денег на наём рассыльного и содержание гоньбы. Аналогичен по содержанию протокол заседания Гавриленского сельсовета[610]. К тому же сохранялось стремление деревень иметь своего представителя в сельсовете. Поэтому даже если в том или ином селении количества населения не доставало, чтобы избрать своего члена, в таком случае избирался уполномоченный, который мог присутствовать на заседаниях сельсовета. Причём местные органы власти поддерживали эту тенденцию.

Для Вятской губернии другим существенным результатом административно-территориальных пертурбаций было то, что общинная организация фактически осталась только на уровне отдельного селения, являясь одновременно земельным обществом. Несовпадение сельсоветов и общин в губернии исключало ситуацию, описанную в примечании к ст. 50 Земельного кодекса, где говорилось о том, что в земельных обществах, совпадающих с территорией сельсовета, последний выполняет обязанности выборных органов земобщества[611].

Общей цели повышения активности и эффективности деятельности сельсоветов следовало введение в действие нового «Положения о сельских советах» от 16 октября 1924 г., которое подробно описывало предметы ведения, права и обязанности низовых советских органов в области управления и охраны революционного порядка; земельного дела, хозяйства, торговли и благоустройства; финансово-налоговой; военной; культурно-просветительной и здравоохранения; социального обеспечения. Для нас в свете исследуемой проблемы важно то, что советское законодательство впервые вводило институт общих собраний граждан (сходки). На сельсовет возлагались обязанности созывать общие собрания граждан, выполнять все их законные постановления, в необходимых случаях представлять в высшие инстанции постановления

[610] ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.44. – Л.22-22об., 25.
[611] СДЗЗ – С.160.

общих собраний граждан, их пожелания и ходатайства, отчитываться перед ними в своей деятельности и в исполнении данных ему поручений[612]. По сути, сельсовет превращался в исполнительный орган общего собрания. И в этом видна определенная уступка мирским традициям, а также признание влияния общины на жизнь деревни[613]. Однако в Положении не были прописаны состав, права схода, круг решаемых им вопросов, процедура созыва и принятия постановлений. Помимо этого, Положением фактически нормативно создавался второй сход в дополнение к уже существующему в деревне, согласно Земельному кодексу, сходу земельного общества. Законодатель никак не прояснял их соотношение.

Отсутствие точных руководящих указаний заставило местные органы власти дать свои предписания. 3 марта 1925 г. президиумом Вятского губисполкома была утверждена «Инструкция сельсоветам и волисполкомам о порядке созыва и разрешения вопросов на общих собраниях (сходах) в деревнях, созываемых сельсоветами». В нём указывалось, что сход собирается председателем или членом сельсовета для разрешения текущих вопросов и для ознакомления населения с распоряжениями вышестоящих органов. Под текущими вопросами понималось решение местных проблем, ремонт дорог, благоустройство деревни, проведение общественных работ и т.д. Сюда же включались земельные вопросы. К исключительной компетенции сельсовета инструкция относила разрешение административных вопросов. Участвовать в общих собраниях с правом решающего голоса полагалось лицам, пользующимся избирательными правами. При этом явка на сход была обязательной. Постановления сходов должны были утверждаться сельсоветами и только после этого проводиться в жизнь. В инструкции предусматривалась ответственность за созыв общего собрания без разрешения сельсовета[614]. Данная инструкция не разделяла земельный и сельский сход. В то же время

[612] СУ РСФСР. – 1924. – №82. – Ст.827.
[613] Яхшиян О.Ю. Указ. соч. – С.44; Стрелкова С.Л. Указ. соч. – С.109.
[614] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.805. – Л.13-13об.

местные органы проявили большее, нежели Центр, стремление поставить сходы под контроль сельсоветов.

Инструкция была разослана на места, однако, обследования деятельности сельсоветов в 1925 – середине 1926 г. показали, что она не нашла применения за редким исключением. Большинство сельсоветов совершенно не руководили сельскими сходами, последние собирались по инициативе населения и под председательством выбранных из своей среды лиц. Протоколы этих собраний не составлялись и не посылались в сельсоветы, а если и посылались, то последними рассматривались крайне редко[615]. Представленная диаграмма хотя и составлена по материалам обследований только одного уезда, но даёт наглядное представление о вышесказанном (см. приложение 12). В актах обследования сельсоветов Котельничского уезда за данное время выявлено только четыре низовых органа, которые руководили сходами. При этом в двух случаях сделаны оговорки: в одном, что руководство осуществляется не всеми членами сельсовета, а во втором, что протоколы сходов присылаются крайне редко[616]. Тем не менее, в двух других сельсоветах (Великорецкий и Домнинский) сходы проводились по планам, составленным Советами, были даже три случая отмены решений сходов[617]. В актах обследования всех остальных сельсоветов повторялась одна и та же мысль: руководства деревенскими сходами со стороны сельсовета нет, протоколы в сельсовет не присылаются.

Исключения из общего правила могли составлять только собрания, на которых рассматривались те или иные вопросы землепользования (переделы, введение усовершенствованного севооборота и т.п.). Решения по ним имели юридические последствия и, следовательно, фиксировались в форме приговоров, которые затем отправлялись в волисполком и в редких случаях в сельсовет. Последний, правда, не всегда, только удостоверял подлинность подписей участников схода. В тех немногочисленных случаях, когда

[615] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2125. – Л.76-77; Д.2147. – Л.7; Д.2155. – Л.60, 67, 73об., 239-239об., 245об.; Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.388. – Л.149.
[616] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.44, 182.
[617] Там же. – Л.1-1об.

председателем или членом сельсовета всё же собирался сход, то, как правило, для решения организационных вопросов, разъяснения каких-либо законоположений, предписаний вышестоящих органов, получения необходимых сведений (например, по маломощности хозяйств), для докладов на политические темы, ещё реже для докладов о работе самих сельсоветов. Протоколы таких собраний присылались в сельсовет[618]. Стремление местных властей превратить сход в организованное собрание с председателем, секретарем, выступлениями по очереди, ведением протокола[619] сталкивалось с непониманием деревни, нежеланием соблюдать требуемые формальности. Крестьяне просто не видели в них нужды, предпочитая традиционные мирские сходы и форму приговора, если видели необходимость письменной фиксации своего решения[620].

Факт отсутствия руководства сходами признавали участники первого Яранского совещания по советскому строительству, проходившего 24-26 июня 1925 г.[621], второго губернского совещания деревенских партработников при Вятском губкоме РКП(б) (октябрь 1925 г.). Причём в резолюции последнего отмечалась важность руководства работой сходов со стороны сельсоветов и было дано поручение фракции губисполкома переработать существовавшую инструкцию об общих собраниях в сторону детализации[622]. Такая же резолюция была принята на втором губернском совещании по совстроительству (6-9 октября 1925 г.)[623].

На государственном уровне вопрос о разделении общинного схода на два, земельный и сельский[624], звучал всё чаще, на него стали обращать больше внимания. Проводимые в начале 1925 г. группой по разработке материалов по

---

[618] См.: ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148. – Л.13, 111, 147, 244об. и след.; Д.2155. – Л.60, 67, 73об., 239 и след.; Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.409. – Л.62об., 65, 68об., 71об., 78об. и след.

[619] См.: Резолюцию по докладу об оживлении низового советского аппарата и вовлечении трудящихся в дело советского и экономического строительства // Совещание по вопросам советского строительства… – С.165.

[620] ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.388. – Л.196об.

[621] Там же. – Д.298. – Л.7об.

[622] ГАКО. – Ф.Р-1258. – Оп.3. – Д.67. – Л.142.

[623] Постановления 2-го совещания по советскому строительству при Вятском губернском исполнительном комитете (6-9 октября 1925 года). – Вятка, 1925. – С.11.

[624] Так стали называть общее собрание граждан, очевидно, чтобы отличать его от общего собрания членов земельного общества.

сельсоветам и волисполкомам обследования показывали, что «земобщества и сходы граждан одно и то же, между ними нет никаких разграничений в работе»[625]. На совещании по вопросам советского строительства при Президиуме ЦИК СССР 2 марта 1925 г. вопросы о взаимоотношениях сельсоветов с сельскими сходами и земельными обществами рассматривались отдельно. По его результатам было вынесено постановление: при определении взаимоотношений между сельсоветами и сходами исходить из того, что активно действующим органом власти является сельсовет, но не умалять и «значение сельского схода, дающего указания сельсовету и заслушивающего его доклады»[626]. Тем самым государство само создавало неопределённую ситуацию: с одной стороны, правовым путём не разъясняло вопрос о существовании двух разных сходов, а с другой, формировало двоевластие общины и сельсовета в деревне, ставя последний в невыгодное положение, так как он не обладал тем авторитетом, какой был у общинного схода. Эта линия сохранялась до 1927 г.

Однако губернские органы власти в этом вопросе пошли дальше Центра, опередив и некоторые другие регионы. Вятским губисполкомом в мае 1926 г. была утверждена новая «Инструкция сельсоветам и волисполкомам о порядке созыва и разрешения вопросов на общих собраниях (сходах) в деревнях, созываемых сельсоветами», которая напрямую не говорила о разделении схода на сельский и земельный, но прописывала перечень вопросов, рассматриваемых и разрешаемых сходом (вопросы местного значения, а именно: создание семенных фондов, ремонт мостов, дорог, благоустройство деревни, проведение общественных работ, открытие и содержание школ, детских домов, клубов, выписка газет и т.п.), совершенно исключив из него те или иные проблемы землепользования[627]. К тому же инструкция губисполкома вводила иной порядок работы общего собрания и состав лиц, имеющих право участия в нем, чем схода земельного общества. Общее собрание признавалось состоявшимся,

[625] РГАЭ. – Ф.478. – Оп.1. – Д.1789. – Л.56об.
[626] Там же. – Л.30.
[627] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2134. – Л.17.

если на него явилось не менее 35% всех граждан, проживающих на территории деревни[628] (это могли быть, в том числе, школьные работники, служащие и т.д.) Земельный сход считался законным, когда на нём присутствовали представители не менее половины, а в особых случаях двух третей дворов, входящих в общество, то есть присутствовать на сходе могли только члены земобщества[629]. Сложно представить, как на практике можно было реализовать разделение схода на сельский, который в том числе должен был решать и вопросы, касающиеся ведения сельского хозяйства, например, создание семенных фондов, и земельный.

Вообще вызванная особенностями жизни крестьян на земле нерасчленённость поземельных, хозяйственных и социально-политических отношений в деревне, подкрепленная глубоко укоренившимися традициями деревенской жизни, приводила к тому, что на практике роль общины (и её органа управления – схода) далеко выходила за рамки земельных дел[630]. И действительно, мирской сход решал самый широкий круг вопросов от земельно-хозяйственных до социально-бытовых и административных, в чём мы уже успели убедиться в предыдущих разделах.

Обследования низового советского аппарата, проводившиеся в 1926 г. по всей губернии, показали, что линия на разделение общего собрания общинников, натолкнулась на непонимание со стороны крестьянства и сельских органов власти (волисполкомов, сельсоветов) и, соответственно, невозможность её реализации. Материалы этих обследований свидетельствуют о том, что на одних и тех же собраниях рассматривались земельные, организационные, налоговые, социально-культурные и другие вопросы[631]. Более того, сходами решались и вопросы административного характера, что выражалось в постановлениях о наложении штрафов и всевозможных взысканий на членов общины, не выполнявших не только решения общего собрания, но даже государственные обязанности. Такие случаи фиксировались

[628] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2134. – Л.16.
[629] СДЗЗ – С.160.
[630] Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. – С.128.
[631] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2123. – Л.452; Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.449об., 590об., 600, 858, 901, 909.

и до, и после принятия губернской инструкции[632]. Сходом дер. Сосмак Вятско-Полянской волости Малмыжского уезда было вынесено постановление отобрать за неуплату сельскохозяйственного налога у недоимщиков самовары[633]. За самовольные порубки леса приговором дер. Пашичи от 29 августа 1926 г. был установлен штраф в размере 5-10 руб. в зависимости от толщины дерева[634]. При этом сельсоветы в большинстве своём относились к подобным решениям индифферентно, а в ряде случаев утверждали их[635]. В целом по РСФСР к началу 1927 г., по материалам обследования, проводимого НК РКИ, 39% вопросов, обсуждавшихся на сходах, касались земельно-хозяйственных дел, 16% – административных, 9% – культурных, 8% – благоустройства и 13% – политических и «разных»[636].

О том, что представлял собой сход в деревне 1920-х гг., мы писали в предыдущем параграфе. Здесь лишь добавим, что лица, лишённые избирательных прав, никаких ограничений в плане участия в собраниях не испытывали[637]. В этой связи вполне закономерным выглядит вывод, сделанный в начале 1927 г. в докладе «Взаимоотношения сельсоветов, сходов и земельных обществ» НК РКИ, что общее собрание граждан (сельский сход) есть не что иное, как сход земобщества с представительством дворов, то есть прежний мирской сход домохозяев, который «по-видимому, невредимо прошёл сквозь всю эпоху революции»[638].

Руководство сходами со стороны сельсоветов оставалось слабым или не осуществлялось вовсе (см. приложение 12). Зачастую члены сельсоветов присутствовали на собраниях как рядовые участники, то есть не руководили их работой. По-прежнему в большинстве своём сельсоветы не знали о проведении сходов в деревнях, не были в курсе решаемых на них вопросов, протоколы сходов составлялись и присылались только в тех случаях, когда они

---

[632] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.1-1об.
[633] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2123. – Л.308.
[634] ГАКО. – Ф.Р-2537. – Оп.2. – Д.199. – Л.68-68об.
[635] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.190об.
[636] ГАРФ. – Ф.А-406. – Оп.11. – Д.1006. – Л.17об.
[637] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2286. – Л.5; Ф.Р-2537. – Оп.2. – Д.181. – Л.111.
[638] ГАРФ. – Ф.А-406. – Оп.11. – Д.1006. – Л.15.

проводились по решению сельсовета или ВИКа. Чаще всего присылаемые протоколы собраний подшивались без проработки на заседаниях сельсовета, чего требовала губернская инструкция, но даже если они прорабатывались, то в основном формально, без дачи каких-либо разъяснений[639]. Случаев же отмены постановлений сельских собраний были единицы.

Обращает на себя внимание следующий факт. В материалах обследований указывалось, что почти не было таких постановлений сходов, которые требовали от сельсоветов проведения в жизнь[640]. То есть община не нуждалась в Совете даже в качестве исполнительного органа. Данное обстоятельство объяснялось во многом и тем, что на собраниях домохозяев, как правило, поднимались вопросы, касающиеся одной деревни[641]. В этом проявлялись локализм и самодостаточность общины.

Всё же к концу 1926 г., как показывают результаты обследований низовых советских органов Вятской губернии, заметно некоторое увеличение числа сходов, проводимых по инициативе сельсоветов, хотя и не везде. Представленная диаграмма свидетельствует об общем уменьшении числа сельсоветов, совершенно не руководящих сходами, и одновременном пополнении категории тех сельсоветов, которые лишь отчасти осуществляли руководство общими собраниями (см. приложение 12). Повторные обследования трёх сельсоветов Котельничского уезда, первоначально отнесенных к разряду не руководящих проведением сходов[642], показали, что осенью – зимой 1926 г. два из них уже можно зачислить в категорию частично руководящих и один – руководящих сельскими собраниями[643]. Яранский уком в отчёте «Массовая работа в деревне» привёл следующие цифры: за 1925 г. под руководством сельсоветов проведено 1189 сходов, а в 1926 г. – 7890[644].

Связано увеличение было, скорее всего, с некоторой активизацией деятельности низовых Советов отчасти под давлением вышестоящих органов,

---

[639] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.600, 858, 901, 909
[640] Там же. – Л.863.
[641] Там же. – Л.869об.
[642] Два были обследованы в ноябре 1925 г. и один в июне 1926 г.
[643] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.25об., 27об., 362, 794, 863, 869об.
[644] ГАСПИКО. – Ф.15. – Оп.9. – Д.27. – Л.556-557.

требовавших проведения отчётов перед населением на сходах в рамках специальных кампаний[645], осуществления мер в области дорожного строительства и ремонта, противопожарных мероприятий, охраны лесов и т.д., провести которые без обращения к собраниям общинников сельсоветы были не в состоянии. Не случайно, протоколы сходов, которые имелись в сельсоветах на момент обследования, фиксировали в основном решения соответствующего содержания[646]. Также нельзя не признать роста авторитета сельсовета в деревне на основе изменения содержания их работы в сторону культурно-хозяйственного строительства, руководства местной жизнью и более полного обслуживания нужд населения[647].

Желание поставить сельские сходы под контроль сельсоветов при одновременном стремлении вовлечь первые в советское строительство, культурную жизнь района порой приводило к обратному эффекту. На заседании Вятского губернского совещания инструкторов уисполкомов и председателей волисполкомов (17-22 мая 1926 г.) один из выступавших Позднышев с явным неудовольствием отметил, что наблюдаются случаи подмены сельсоветов сходами. Это происходило тогда, когда сельсовет перемещал всю свою работу на сход, что приводило, по словам докладчика, к тому, что «сельсоветы обезличивают себя как административный орган и создают затруднения в проведении государственных мероприятий»[648]. В чём конкретно были эти затруднения докладчик не пояснил, но можно предположить, что собрания общинников могли выносить решения, шедшие в разрез с теми или иными мероприятиями власти, и сельсоветы следовали именно за решениями сходов, как это было в случаях наложения штрафов, применения самообложения для найма рассыльных для сельсоветов. Данное обстоятельство не могло не вызывать трудностей, так как авторитет решения схода был традиционно высок в деревне.

---

[645] См.: ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.409. – Л.208; Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.383. – Л.1, 2-3, 63об.-64.
[646] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.438, 449, 459об., 520 об., 556об., 596, 858, 896, 905, 915-916, 922.
[647] Отчёт Вятского губернского исполнительного комитета XIII губернскому съезду Советов. – С.7.
[648] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2123. – Л.460.

По итогам проводившегося НК РКИ в конце 1926 – самом начале 1927 г. обследования[649], было выделено несколько типов взаимоотношений сельсоветов и общинных сходов, зависящих от территориально-административной организации сельсовета[650]. Самым распространённым являлся тип, когда сельсовет объединял несколько населённых пунктов, в каждом из которых имелось земельное общество. В этом случае сельсовет «заменялся» сходами, превращался в чисто административный орган[651]. Описанная ситуация вполне соответствовала положению дел в Вятской губернии. Создать в лице сельсовета руководящий, властный орган в деревне было невозможно без поднятия его авторитета в глазах крестьянства, без наделения его такими функциями, которые бы сделали сельсовет по-настоящему востребованным в повседневной жизни деревни.

Именно на реализацию названной цели была направлена передача ЗАГС от волисполкомов в руки сельсоветов. Запись рождений и смертей, браков и разводов в сельсоветах стала вводиться в губернии с февраля 1925 г. И к 1 октября производилась уже при 487 сельсоветах[652]. На I губернском совещании по вопросам советского строительства (23-27 февраля 1925 г.) выяснилось, что население смотрит на сельсовет как на орган власти в основном там, где ведётся ЗАГС[653]. При сельсоветах, хотя и далеко не всех, также велись почтовые операции, прием страховых платежей, выдача разного рода удостоверений и справок. Примером может служить Александровский сельсовет Александровской волости Нолинского уезда[654]. Качество его работы, безусловно, улучшало место нахождения в центре волости. За справками, удостоверениями, разъяснениями и по другим вопросам в 1925 г. ежедневно в сельсоветы приходили десятки крестьян (25 – Решетниковский сельсовет

---

[649] Всего были получены данные по 108 сельсоветам, 39 уездов, 51 волости 12 губерний и автономных областей. Вятская губерния в это число не вошла (См.: ГАРФ. – Ф.А-406. – Оп.11. – Д.1006. – Л.9-9об.).
[650] ГАРФ. – Ф.А-406. – Оп.11. – Д.1006. – Л.24об.-29.
[651] Там же. – Л.27.
[652] Отчет Вятского губисполкома XII съезду Советов. – С.36.
[653] Совещание по вопросам советского строительства… – С.52.
[654] Там же. – С.48.

Больше-Шурминской вол., 10 – Витлинский и 40-50 – Русско-Турекский сельсоветы Уржумской вол. Уржумского уезда[655]).

Тем не менее, основными занятиями сельсоветов на протяжении 1922–1926 гг. оставались сбор налогов и различных платежей и выполнение распоряжений вышестоящих органов. Один из участников первого Яранского уездного совещания по советскому строительству председатель Шешургского ВИК Наумов признавал, что сельсоветы выполняют роль рассыльных[656]. Не менее категоричен был член РКП(б) А.А. Анохин, командированный на работу в деревне в Омутнинский уезд в 1925 г. Он докладывал в губком и губисполком, что сельсоветы «служат передаточной инстанцией между населением и ВИКом, исполняя мелкую текущую техническую работу. Инициативы, хотя бы и небольшой нет»[657].

На своих крайне нерегулярных заседаниях сельсоветы рассматривали в основном вопросы организационного характера, отчётные доклады председателей, ВИКов (часто формально), разных учреждений, налоговые вопросы, в редких случаях – об организации пожарных дружин, ремонте мостов, дорог, и то только по причине соответствующих распоряжений вышестоящих органов[658]. Учёт вопросов, обсуждаемых на заседаниях 27 сельсоветов в 1925 г. дал следующие цифры: 26% вопросов составили доклады и отчеты, 22% – политико-административные, 12% – организационные, 15% – финансово-налоговые, 6% – сельскохозяйственные, 5% – культурные, 2% – взаимопомощи и 12% – прочие[659]. Если сравнить с теми вопросами, которые рассматривались сходами, то становится очевидным, что самые насущные для крестьян проблемы решались как раз на деревенских собраниях. Отсюда и реальное соотношение сил между сельскими Советами и мирскими организациями. Обследование 7 сельсоветов Кикнурской волости Яранского уезда в том же году показало, что сельсоветы совершенно не следили за

---

[655] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2155. – Л.61-61об., 240, 250об.
[656] ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.298. – Л.4об.
[657] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161. – Л.135.
[658] См.: ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.48. – Л.1-5об., 11-12, 23-23об., 25-25об., 26-26об., 56-57об; Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.44. – Л.1-214 и др.
[659] Исупов М. Низовой аппарат Вятской губернии // Вятско-Ветлужский край. – 1925. – №10. – С.10.

пожарной безопасностью селений, их благоустройством, состоянием мостов, дорог и «всецело» полагались «на общества деревень»[660], что сельсоветы «не чувствуют себя властью в деревне»[661].

Вполне соответствующим было и отношение к ним со стороны населения, которое мало изменилось с начала исследуемого в данной главе периода. Крестьяне крайне неохотно шли на службу в сельсоветы, предпочитая работать в своих хозяйствах. Причина была и в низком размере жалованья, и в большом объёме работы. Заработная плата председателя в начале 1926 г. составляла 15-20 руб., секретаря – 12-17 руб. На хозяйственные, канцелярские и командировочные расходы в год (!) выдавалось от 25-30 до 60-69 руб.[662] На сельсоветы буквально сыпались всевозможные распоряжения из волисполкомов, волмилиции, других вышестоящих органов и учреждений, при этом они, как правило, носили срочный характер, были сложны для понимания малограмотных крестьян[663]. Пассивным оставалось и отношение к выборам. Процент участия в них оставался невысоким, хотя в 1925-26 г. составил в целом по губернии 53,1%[664] (на увеличение сказалось решение проводить избирательные собрания не общие для всех избирателей сельсовета, а по отдельным деревням или группам небольших соседних деревень[665]). Заместитель председателя Яранского уисполкома, выступая с докладом на совещании по вопросам советского строительства, отмечал даже такой факт, что на избирательные собрания крестьяне посылают представителей по подворной повинности, что говорит о несерьёзном отношении к выборам со стороны селян[666]. Вполне очевидно, что решение о такой повинности, её распределение принималось общиной.

Обращаясь за разного рода разъяснениями, справками и удостоверениями в сельсовет, деревенские жители всё же не доверяли ему, дублируя свои

---

[660] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.273.
[661] Сидоров К. Указ. соч. – С.52.
[662] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2123. – Л.67, 68, 69, 70, 72.
[663] Там же. – Л.455.
[664] Отчет Вятского губисполкома XII съезду Советов. – С.11.
[665] См.: Резолюции XI Вятского губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Вятка, 1925. – С.30.
[666] ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.298. – Л.26об.

запросы в волисполком[667]. На наш взгляд, крестьянство воспринимало и выборы, и сам сельсовет как некоторую неизбежность, но как таковой нужды в нём не ощущало, имея традиционный орган самоуправления в виде мирской организации. Вообще самодостаточность общины в вопросах внутренней деревенской жизни, теснейшим образом связанная с наличием у неё реальной власти, как органически присущая ей черта, как один из основных принципов её функционирования[668], делала сельсовет в том виде и с теми полномочиями неконкурентоспособным по отношению к «миру».

Важнейшим фактором, определяющим отсутствие реальных властных полномочий у сельсовета, была его финансовая несостоятельность. Сельсовет не обладал свом бюджетом. Ещё в самом начале нэпа постановление IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1921 г.) определило, что содержание председатели сельсоветов должны получать из губернского бюджета, тем самым, приобретая финансовую независимость от местного населения[669]. Вопреки общегосударственной норме постановление Вятского губисполкома от 26 января 1922 г. содержание сельсоветов полностью отнесло на счёт населения, оговорив, что необходимые средства отпускаются в обязательном порядке[670]. Представление о том, что понималось под «содержанием» сельсовета, дают протоколы уже описанных выше сельских съездов, на которых принимались решения о сборе средств на оплату помещений для канцелярий сельсоветов и их отопление, оплату работы рассыльных[671]. Очевидно, что соответствующие средства должны были собираться путем самообложения – традиционного способа удовлетворения мирских потребностей.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1924 г. допускало самообложение населения для удовлетворения местных общественных нужд, однако запрещало всякое участие в нём сельсоветов[672]. Те же нормы были прописаны в обязательном постановлении №122 президиума Вятского

---

[667] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2125. – Л.79.
[668] См.: Курашов А.В. Указ. соч. – С.65-81.
[669] Яхшиян О.Ю. Указ. соч. – С.31.
[670] Бюллетень Вятского губисполкома. – 1922. – №5. – С.3.
[671] ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.69. – Л.2-2об., 5-5об., 10-10об., 11-11об., 13, 14.
[672] СЗ СССР. – 1924. – № 6. – Ст. 69.

губисполкома от 16 февраля 1926 г.[673] Сельсоветы стали полностью содержаться за счёт средств, выделяемых из волостных бюджетов, куда входила зарплата председателя и секретаря, а также в отдельных случаях канцелярские, хозяйственные расходы[674]. Однако самой больной была проблема связи центра сельсовета с населёнными пунктами и примыкающая к первой проблема передвижения председателя по району сельсовета. Обе решались сбором средств на наем рассыльных, находящихся при сельсоветах, содержание специальных лошадей для разъездов или выполнения повинностей по очереди[675]. При этом крестьяне совершенно не были против: «Если мы в старое время возили старосту, то и сейчас должны выполнять подобные же обязанности»[676].

Обследования выявляли и другие случаи незаконных сборов на содержание сельсоветов (на наём помещения для сельсовета, на его хозяйственные расходы и даже дополнительное жалованье председателю и секретарю)[677], которые местные органы власти, начиная с волостных, пытались пресечь. Однако общинные традиции и здесь оказывались сильнее. Так, на общем собрании граждан Морозовского сельсовета Котельничского уезда 13 апреля 1925 г. было решено собрать на наём рассыльных по 8 коп. с «земельной души». ВИКом это постановление было отменено, но сельсовет провел его в жизнь[678]. Несмотря на волостное финансирование и местные сборы, И.А. Тер-Даниелян, командированный губисполкомом в Малмыжский уезд, в марте 1925 г. констатировал плачевное финансовое положение сельсоветов, не имеющих средств на хозяйственные, канцелярские, почтово-телеграфные расходы и разъезды[679]. Отсутствие финансовой обеспеченности вызывало

---

[673] Сборник обязательных постановлений президиума Вятского губернского исполнительного комитета… – С.264-265.
[674] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2147. – Л.34, 44.
[675] Там же. – Д.2125. – Л.167; Д.2148. – Л.109; Д.2161. – Л.137; Ф.Р-1258. – Оп.3. – Д.67. – Л.27; Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.44.
[676] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162. – Л.274-275. См. также: ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2286. – Л.8.
[677] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.2. – Д.644. – Л.226, 227; Оп.3. – Д.50. – Л.71.
[678] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148. – Л.109.
[679] Там же. – Д.2161. – Л.126об.

бездеятельность низовых Советов, а выделение средств на их содержание крестьянами – определённую зависимость от решений сходов.

В то же время, «мир» мог материально обеспечивать свою деятельность на вполне законных основаниях. Помимо средств самообложения, разрешённых к сбору упоминавшимся выше постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1924 г., источниками средств общины согласно «Нормальному уставу земельного общества» (5 января 1926 г.) могли быть членские взносы, государственные и кооперативные ссуды, арендная плата от сдачи общественных угодий и иные поступления[680]. И она активно пользовалась этими правами. Путём самообложения обществами собирались средства на благоустройство и обеспечение безопасности деревень, например, на строительство, ремонт пожарных сараев, покупку или ремонт пожарного инвентаря[681]. Также не будем забывать, что община нередко налагала штрафы на своих членов, которые также шли в общественный фонд.

Понимая, что сельсовет не станет подлинной властью в деревне, пока не приобретёт финансовую самостоятельность, некоторые местные чиновники говорили о необходимости перевести сельсоветы на самостоятельные бюджеты или легализовать самообложение на их нужды[682], несмотря на все запреты, всё равно проводившееся сельсоветами с согласия деревенских обществ. Однако до 1927 г. оба этих вопроса решены не были.

Зависимость сельсоветов от общины выражалась не только в разрешении денежных затруднений, но порой и в решении кадровых вопросов. Обследование сельсоветов в 1926 г. выявило, что председатель Погайского сельсовета Сунской волости Нолинского уезда освобождал женщин-членов Совета от должности по решениям сходов. Причём никакими протоколами это не фиксировалось[683]. В данной ситуации видны такие традиции мирского

---

[680] Земельный кодекс РСФСР. – С.183.
[681] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2125. – Л.101;Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.298. – Л.3об.
[682] См., например: Доклад Шубникова «Об очередных задачах оживления работы сельских советов, волисполкомов, горсоветов и уисполкомов» и его заключительное слово на заседании Вятского губернского совещания инструкторов уисполкомов и председателей волисполкомов (17-22 мая 1926 г.) // ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2123. – Л.472, 478.
[683] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2123. – Л.308.

самоуправления, как верховенство решений схода и неприятие участия женщин в делах управления. Другой подобный случай произошёл в Тюменском сельсовете Верхошижемской вол. Котельничского уезда. Сход деревни Нагоряна в сентябре того же года постановил переизбрать члена сельсовета по его личному заявлению[684]. В исследованных нами документах примеры подобных взаимоотношений между официальным властным органом и неофициальным органом сельского самоуправления встречались редко. Однако можно предположить, что и выявлялось и соответственно документально фиксировалось их немного как по объективным причинам, так и потому, что они, мягко скажем, не афишировались. Но даже эти редкие свидетельства наглядно демонстрируют реальное соотношение сил в деревне.

Подводя итог рассмотрению проблемы взаимоотношений общины и сельсовета в 1922–1926 гг. мы можем определённо сказать, что в преобладающей степени они строились на основе традиционных общинных принципов управления. Это выразилось в фактическом полновластии общины в деревне. Ни о каком двоевластии на данном этапе не может идти речи. Точно также нельзя говорить о подчинении сельсовета общине, о захвате общинным сходом каких бы то ни было функций управления[685], так как в этом видится некая целенаправленная деятельность. Точнее было бы говорить о том, что роль общины в жизнедеятельности деревни оставалась значительной, она продолжала выполнять органически присущие ей функции. Тем не менее, определённая трансформация взаимоотношений мирской организации и низовых Советов на протяжении периода наблюдается. Сельсовет постепенно в возрастающей степени утрачивал функции общинного органа, каковым он ещё являлся в начале, встраиваясь в систему советских органов власти, и начинал играть всё более заметную роль в сельской жизни. Происходило это, прежде всего, под воздействием целенаправленной политики центральной и отчасти местной власти.

---

[684] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.901.
[685] См.: Алиева Л.В. Указ. соч. – С.175.

***

Период 1922–1926 гг. можно охарактеризовать как этап упорядочения отношений крестьянской общины и государства, придания ей нового правового статуса земельного общества, что являлось попыткой со стороны власти ограничить сферу её деятельности только земельными отношениями. Данной цели было подчинено и стремление разделить сход на сельский и земельный. В то же время наблюдается смена государственного курса с ориентации на естественное разрушение общины путём предоставления свободы выбора форм землепользования на «усовершенствование» самой общины с одновременным стремлением экономическими мерами содействовать коллективизации сельского хозяйства.

Однако в действительности воплотить эти стремления в жизнь на данном этапе не удалось. Не оправдались и надежды определённого круга государственных и партийных деятелей на естественное разрушение старой общины под воздействием новых условий. Община отчасти тормозила проникновение в деревню разного рода улучшений, руководствуясь «этикой выживания». Более того, она не сдавала своих позиций в социокультурной, бытовой сферах. В области управления сельсовет не смог заменить мирскую организацию. Крестьянство Вятской губернии продолжало в период 1922–1926 гг. крепко держаться за общинную форму жизнеустройства.

Тем не менее, в развитии самой общины стали нарастать тенденции, в большинстве своём имевшие место ещё в дореволюционное время: неприятие частью крестьянства традиционных способов хозяйствования, образа жизни, раскалывающее «мир», нарушающее один из основных принципов его существования – солидарность. Происходило это под воздействием внешних факторов, в том числе политики советского государства и развития товарно-денежных отношений.

Глава 3. Община в условиях подготовки и начального этапа коллективизации (1927–1930 гг.)

3.1. От подчинения к ликвидации земельного общества: шаги центральных и местных властей

1927 г. стал переломным в судьбе российского крестьянства и его общинной организации. Именно в этом году был принят ряд партийных решений и нормативных актов, наглядно продемонстрировавших изменение государственной политики по отношению к общине.

В первую очередь, на государственном уровне законодательно был разрешён вопрос о разделении сельского и земельного схода. 14 марта 1927 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было утверждено «Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях», в котором прямо говорилось, что на рассмотрение общих собраний граждан не могут ставиться вопросы, подлежащие рассмотрению общих собраний членов земельного общества, и наоборот. В отличие от земельного, на сельском сходе могли участвовать все лица, проживающие на территории данного селения и не лишённые избирательного права. На обсуждение и рассмотрение последнего передавались все вопросы местного характера, и только на обсуждение – вопросы государственного, губернского, уездного и волостного значения[686]. Введение подобных норм было реакцией законодателя на неэффективность прежних узаконений, направленных на низведение общины к роли только поземельного союза[687]. Основной же смысл был в том, что общее собрание граждан всецело находилось под контролем сельсовета, который созывал собрание (инициатором также могла выступать группа не менее одной пятой граждан селения), прорабатывал повестку дня, осуществлял общее руководство собранием, вырабатывал проекты постановлений (участники собрания также могли выдвигать свои проекты), утверждал и проводил в жизнь постановления

[686] Хронологическое собрание законов … Т.1. – С.297.
[687] Яхшиян О.Ю. Указ. соч. – С.55.

сходов, при этом мог признать любое постановление незаконным или нецелесообразным, приостановить его проведение и передать на рассмотрение волисполкома[688].

Однако обследования низового советского аппарата и работы сельсходов, проводившиеся в 1927–1928 гг. в Вятской губернии свидетельствовали о том, что по-прежнему как низовые органы власти, так и население не уяснили различия между сельским сходом и земобществом, зачастую сельсоветы совершенно не руководили работой сходов, которые, как и до этого созывались самим населением, представляли собой традиционные собрания домохозяев (присутствовали на сходах и «лишенцы») и разрешали все вопросы, касающиеся жизни деревни, в том числе земельные[689]. Халтуринский уисполком в своём заседании 17 февраля 1928 г. признал помимо названных обстоятельств и то, что со стороны сельсоветов практически нет наблюдения за выполнением решений, вынесенных на сходах[690]. Случаи отмены решений сходов были редким исключением. В этом плане, ситуация в Вятской губернии не являлась уникальной. Та же картина наблюдалась по всей стране. НК РКИ в докладной записке во ВЦИК в марте 1928 г. отмечал, что «сложившийся в дореволюционную эпоху институт (мирские сходы) остался нетронутым и прекрасно себя чувствует в советской действительности и не нуждается в содействии сельсоветов»[691]. Увеличение в ряде мест губернии числа проводимых сельсоветами сходов было связано с организацией той или иной хозяйственно-политической кампании.

В ряду законодательных актов, способствовавших укреплению правового статуса и расширению властных возможностей сельсоветов, следует выделить «Инструкцию о порядке участия сельских советов в рассмотрении земельных споров отдельных граждан», утвержденную ВЦИК и СНК РСФСР 4 апреля 1927 г., которая предписывала сельсовету фиксировать мировые соглашения по

---

[688] Хронологическое собрание законов… Т.1. – С.298-300.
[689] Сельские советы и сходы // Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №8. – С.1-3; ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2432а. – Л.63, 69об., 162об.-163 и след.; Ф.Р-881. – Оп.1. – Д.365. – Л.69; Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.483. – Л.1-3; Д.487. – Л.8, 23, 99 и след.
[690] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.483. – Л.12.
[691] Цит. по: Кудюкина М.М. Указ. соч. – С.118.

земельным спорам и участвовать в разбирательстве дел в земельных комиссиях[692], а также постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления» от 23 июля того же года, несколько расширившее права сельсовета, в частности, в области регистрации разного рода договоров и других действий с землёй, в том числе совершаемых земельным обществом[693].

В Вятской губернии новый этап начался с постановки принципиального вопроса о необходимости существования земельного общества на совещании делегатов XIII губернского съезда Советов по вопросу о формах землепользования и землеустройства (апрель 1927 г.). Тон обсуждению проблемы задал заведующий губземуправления Заварин, подчеркнув в своём докладе, что существование земельного общества «как одной из основ национализации должно быть признано обязательным и необходимым, т.к. этот вид юридической единицы, которой предоставлено право трудового землепользования, сложилось уже веками и является бытовой особенностью многих областей, и в наших условиях уничтожить эту форму представляется делом не только нецелесообразным, но и невозможным»[694]. Фактически главный земельный чиновник губернии подтвердил существование в деревне крестьянской общины в сложившемся ещё до революции виде только под новым названием. Вместе с тем, он отметил, что нужно уточнить структуру и состав земобществ, поставить вопросы о взаимоотношениях земобществ и сельсоветов, о правах сельских сходов и общих собраний земельных обществ, сделать земобщество регулятором земельных отношений, способным и обеспечивающим переход к коллективным формам хозяйства и предохраняющим против сосредоточения земли в отдельных руках и против принципа индивидуального хозяйствования»[695].

---

[692] СУ РСФСР. – 1927. – №37. – Ст.244.
[693] См.: Выписка из постановления ВЦИК и СНК по докладу НК РКИ СССР и РСФСР «О пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления» // Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №2. – С.5-12.
[694] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2699. – Л.22.
[695] Там же. – Л.22-22об.

Из семи участников совещания, высказавших своё мнение по данному вопросу, шестеро поддержали докладчика. При этом излагались и другие аргументы и замечания: исключение земобщества из числа землепользователей противоречит интересам населения (Пономарёв – крестьянин Малмыжского уезда); нужно усилить правовое положение «передовой части населения» в земельном обществе, чтобы не было никаких стеснений (Грехов – представитель Котельничского УЗУ); уничтожить земобщество «совершенно невозможно», так как тогда органы власти вынуждены будут обслуживать каждый двор, что технически невыполнимо (Земсков – представитель губернской РКИ)[696].

За исключение земобщества из числа трудовых землепользователей выступил только председатель волисполкома из Вятского уезда Кочкин. Его аргументация носила социально-политический характер. Он полагал недопустимой ситуацию, когда большая часть домохозяев лишена избирательных прав, но, являясь членами земельного общества, участвует в разрешении тех или иных общественных вопросов[697].

В заключительном слове Заварин ещё раз подчеркнул недопустимость коренной ломки «веками сложившегося строя землепользования», который будет способствовать прогрессивному развитию сельского хозяйства. Его нужно лишь «несколько реорганизовать»[698].

Также на совещании было признано целесообразным продолжать вести в губернии те виды землеустроительных работ, которые к тому моменту уже пользовались наибольшей популярностью у крестьянства: разукрупнение селений в южных уездах, лугоустройство – в северных, уничтожение чересполосицы, дальноземелья, однако при этом охватывать ими значительные районы. Эти работы, по мнению, участников, должны были способствовать развитию коллективного землепользования[699]. Эволюция сельского хозяйства именно в этом направлении, очевидно, ни у кого сомнения не вызывала. Вместе

[696] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2699. – Л.23об., 25, 26, 26об.
[697] Там же. – Л.24.
[698] Там же. – Л.27.
[699] Там же. – Л.23-25.

с тем, хуторское землепользование было однозначно отвергнуто, как не соответствующее местным условиям и идущее в разрез принципам коллективизации деревни[700].

В целом, участники совещания, продолжали рассматривать общину в качестве посредника между государством и отдельным хозяйством, следовали курсу на сохранение общины, её усовершенствование и использование в качестве основы коллективизации сельского хозяйства, взятому государством на предыдущем этапе, но уже отчасти наметили те линии, по которым будет развиваться советская политика в отношении общины в дальнейшем. То же касается участкового землепользования.

В это время наметился определенный поворот в отношении государства к общинной организации крестьянства в связи с усилением классовой линии в деревне (поддержка бедняцких хозяйств и «ограничение и вытеснение» кулачества). В 1925 г. были расширены возможности развития зажиточного крестьянства, проводилось углубление рыночных отношений в деревне в рамках курса, получившего название «лицом к деревне» или неонэп (расширение возможности найма работников, аренды земли, освобождение от административного нажима и др.). Однако в 1926 г. стала набирать силу другая линия, вызванная к жизни, в том числе ростом кулацких хозяйств, трудностями хлебозаготовок в 1925 г., – на ограничение возможностей развития зажиточной и кулацкой верхушки деревни, на предоставление всевозможных льгот бедняцким хозяйствам. В социально-политическом плане государство с 1926 г. пошло на увеличение числа лиц, лишённых права избирать в Советы[701].

Проведение классовой линии затронуло в первую очередь органы управления общиной. В мае 1927 г. был наложен запрет на выбор в качестве уполномоченных земельных обществ, председателей и секретарей земельных сходов лиц, лишённых избирательного права[702].

---

[700] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2699. – Л.24об., 26.

[701] См.: Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия. 1917–1928 гг. – СПб., 1997 – С.335-339; Венер М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. – 1993. – №5. – С.95-97, 99 и др.

[702] Об этом подробнее см.: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование,

В дальнейшем отношения между государством и крестьянской общиной строились на основе курса, принятого на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., который провозгласил в качестве основной задачи «объединение и преобразование индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы»[703]. В рамках этой генеральной линии особая роль отводилась землеустройству, при этом указывалось, что необходимо «всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (посёлки, выселки и т.п.), ограничив практику выделения на отруба и, особенно, хутора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов»[704]. То есть, на данном этапе партийное руководство не просто во всеуслышанье заявило о том, что участковое землепользование не может служить основой для коллективизации сельского хозяйства, но и дало установку на его ограничение и даже запрет. Объяснить это можно и тем, что отрубная и хуторская системы не выполнили тех исторических задач, которые возлагались на них в первые годы нэпа. Они не привели к разрушению традиционной общинной организации даже в тех регионах страны, где отмечался их усиленный рост (Западный, Северо-Западный и Центрально-Промышленный районы). В 1927 г. на долю уравнительно-передельной общины по РСФСР приходилось 95,4% трудового земельного фонда, а на долю участкового землепользования – 3,4%. По Вятско-Ветлужскому району, куда входила и Вятская губерния, цифры выглядят еще более убедительно: 99,58% и 0,15% соответственно[705].

10 февраля 1928 г. пленумом Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам было принято определение «Об условиях применения хуторских и отрубных форм землепользования», которое, как отмечал

хозяйство. – С.189.

[703] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Т.II. – С.1459.

[704] Там же. – С.1465.

[705] Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. – С.119.

В.П. Данилов, партийную установку перевело в форму административного распоряжения соответствующим государственным учреждениям[706].

В Вятской губернии единоличное землеустройство проводилось и в 1927, и в 1928 г., но составляло мизерный процент от общего объема землеустроительных работ (по площади: 0,26 и 0,12% соответственно[707]).

«Общие начала землепользования и землеустройства», утвержденные ЦИК СССР 15 декабря 1928 г., установили, что «землеустройство по заявкам, направленным на образование хуторских и отрубных хозяйств, производится в последнюю очередь, вплоть до полного оставления этих заявок без исполнения в тех случаях, когда образование хуторов ведёт к росту и укреплению кулачества»[708].

С 1929 г. начинается «расхуторизация» деревни, то есть прекращение участкового землеустройства, сселение хуторов и коллективизация землеустроенных хуторов и отрубов[709]. Фактически данные меры осуществлялись в ходе массовой коллективизации. Происходило это путём вступления хуторян и отрубников вместе с землёй в колхоз, добровольного или принудительного слияния с земобществами, отказа от земли и принудительного лишения участка[710].

В предыдущих разделах работы мы убедились, что община в разрешении внутренних проблем, в том числе земельных, была самостоятельна и самодостаточна, что делало крайне сложным контроль над ней. Сельсовет не обладал никакими формальными правами и не мог вмешиваться в деятельность земельного общества. Волисполкомы, на которых лежала обязанность наблюдать за работой земобществ, в частности утверждать приговоры, на деле также не осуществляли руководства[711]. Красноречивый факт: как сообщалось в объяснительной записке к годовому отчету о деятельности Вятской

---

[706] Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – С.173.
[707] Подсчитано по: ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3124. – Л.9об.-10.
[708] СДЗЗ – С.302.
[709] См.: Саблин В.А. Хуторское землепользование на Европейском Севере России в 1920-е гг. // Двинская земля. Вып.3. Материалы третьих межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. – Вельск, 2004. – С.264-265.
[710] ГАКО. – Ф.Р-1063. – Оп.1. – Д.4. – Л.30, 586; Ф.Р-1064. – Оп.1. – Д.40. – Л.19об.-20.
[711] Положение о сельских Советах с объяснениями и законодательным материалом. – М., 1928. – С.26.

губземкомиссии за 1926/27 г., в некоторых волостях в 1927 г. прошли «стихийные» переделы, что послужило причиной увеличения числа жалоб в земельные суды[712]. То есть, несмотря на многочисленные попытки внести порядок, определённую процедуру производства уравнений земли, на десятом году существования Советского государства общинная деревня в значительной мере действовала по своим правилам и нормам.

Теме земельного общества было уделено довольно пристальное внимание на XV съезде ВКП(б). Особенно острой в данной теме была проблема взаимоотношений земобщества и сельсовета. Ещё в октябре 1927 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК поручил ЦК «разработать вопрос об улучшении взаимоотношений между Советами и земельными обществами под углом зрения обеспечения руководящей роли Советов и лишения права голоса в земельных обществах (на сходах) исключенных из списков избирателей Советов»[713]. В докладе «О работе в деревне» В.М. Молотов на съезде прямо говорил о подчинении земельных обществ Советам, при этом из его слов было очевидно, что принципиально соответствующее решение уже принято. Докладчик подчёркивал, что на подобный шаг государство не решилось даже в период существования комбедов, но теперь, в виду важности дела и понимания того, что его проведение несколько запоздало, за него нужно взяться «уверенно, твердо», «по-настоящему»[714]. В.М. Молотов также указал причину, по которой именно в тот момент эта проблема встала со всей остротой. Она заключалась в том, что из фактически неподконтрольного сельсовету земобщества невозможно «выбить» кулака, который там «окопался»[715].

С той же мыслью в прениях по докладу выступил А.С. Енукидзе, отметив, что кулак опасен именно потому, что имеет влияние на ситуацию в деревне в первую очередь через земельное общество. Поэтому нужен закон,

---

[712] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2585. – Л.247.
[713] КПСС в резолюциях… Т.4. – М., 1984. – С.248.
[714] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Т.II. – С.1216.
[715] Там же. – С.1217.

который изменит взаимоотношения земобществ и Советов в указанном направлении[716]. Эта точка зрения была поддержана и другими делегатами[717].

В иной плоскости проблему взаимоотношений земобщества и сельсовета на съезде поставил представитель Рязанской губернской партийной организации А.Л. Гилинский. Он указал на наличие точки зрения, будто существующие земельные общества могут стать «готовой ячейкой для производственного кооперирования». Данное положение, по его мнению, было неправильным, так как в существовавшем на тот период времени земельном обществе слишком сильны были уравнительные общинные традиции, особенно в «старых российских губерниях». Исходя из этого, выступающий предлагал выстроить отношения земельных обществ и сельсоветов так, чтобы последние постепенно вытесняли первые, забирали от земобществ функцию за функцией, но не административным путём, а «путём борьбы за инициативу», за то, «кто первый возьмет в руки то или иное мероприятие». Если сельсовет сможет действовать именно так, то придет время, когда «необходимость в земельных обществах исчезнет»[718]. То есть автор предлагал разрушать общину посредством всё большего сужения сферы её деятельности вплоть до её отмирания естественным образом, при этом он не указывал, сколько времени для этого потребуется.

Надежды на естественное отмирание общины, которые лелеялись рядом государственных деятелей ещё в начале нэпа, ко времени съезда уже не оправдали себя. В тех условиях, когда необходима была скорейшая модернизация сельскохозяйственного производства, она наталкивалась на «этику выживания» крестьянства. И пока община выступала гарантом соблюдения последней, «крестьянство упорно сопротивлялось всем внешним вызовам, объективно направленным на разрушение этого архетипа»[719].

Советское государство пошло именно по пути административного подчинения общинной организации сельским Советам. Резолюция XV съезда

---

[716] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Т.II. – С.1244-1245.
[717] Там же. – С.1280-1281.
[718] Там же. – С.1265-1266.
[719] Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. – С.43-44.

«О работе в деревне» повторяла положение, содержащееся в резолюции октябрьского пленума ЦК и ЦКК[720].

Следуя общим установкам партийно-государственной политики, Вятский губисполком в начале мае 1928 г. поручил губземуправлению разработать постановление «О руководстве работой земельных обществ», проект которого был представлен в президиум ГИК 28 мая. В нём авторы подчёркивали, что в Вятской губернии, где почти все землепользователи объединены в земельные общества, на контроль за деятельностью последних должно быть обращено особое внимание. В проекте контроль и руководство деятельностью земобществ возлагались на волисполкомы и сельсоветы, которые должны были следить не только за правильным исполнением земобществами существующих законов, но и целесообразностью использования предоставленной им в пользование земли. Для этого указанным органам власти предписывалось:

а) перевести все общества на уставы и зарегистрировать их;

б) в административном порядке проводить проверки их деятельности;

в) за нарушения земобществами законов привлекать виновных лиц к ответственности, возбуждать перед земкомиссиями ходатайства о признании недействительными незаконные постановления обществ и о лишении их земель в случае систематических нарушений;

г) следить не только за правильностью приговоров земобществ с формальной точки зрения, но и в плане их соответствия земельной политике государства, в противном случае отказывать в их регистрации[721].

Это был, с нашей точки зрения, довольно радикальный документ, который в случае принятия и применения на практике лишал бы общину самостоятельности в вопросах землепользования, так как любое её решение могло быть признано не соответствующим земельной политике. И в то же время сложно представить, как технически должно было осуществляться руководство работой земобществ, если, как ясно из ранее рассмотренного

[720] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Т.II. – С.1467.
[721] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3115. – Л.114-114об., 115, 116.

материала, «мир» предпочитал значительную часть вопросов внутренней жизни решать самостоятельно, не извещая о них органы власти или даже скрывая какие-то моменты. Проведение обследований на месте также представляется делом сложным, так как для этого нужно иметь значительный технический аппарат, которого ни у волисполкомов, ни у сельсоветов на тот момент не было.

Однако проект не был принят и даже не рассматривался губисполкомом, возможно, это было связано с тем, что в то же время уже шла разработка нового общесоюзного закона «Общие начала землепользования и землеустройства», определявшего правовое положение общины в соответствии с установками XV съезда.

Согласно новому закону, членами земельного общества помимо членов двора считались лица, не входящие в состав дворов, но участвующие своим трудом в сельском хозяйстве данного земельного общества или входящих в него дворов, либо обслуживающие их, если эти лица имеют право избирать в советы (батраки, пастухи, кузнецы и пр.). Правом решающего голоса на общих собраниях земельного общества, а также правом быть избранным в выборные органы земельного общества пользовались лишь те из членов земельного общества, которые имели право избирать в Советы[722]. Тем самым, законодатель пытался устранить влияние кулака на земобщество.

Формально статус земельного общества как юридического лица, пользующегося государственной землей и ответственного перед государством, устанавливающего на основе законов и уставов правила внутреннего земельно-хозяйственного распорядка, не претерпел значительных изменений. Сохранялись его органы управления. Однако принципиально новым и важным было то, что в области регулирования землепользования и землеустройства отныне община должна была подчиняться сельсовету. Конкретно закон определил так: сельсовет осуществляет руководство работой земобщества, утверждает его постановления (о выборе форм землепользования, о принятии

[722] СДЗЗ – С.305.

землеустроительного проекта), имеет право отменить постановление общего собрания земобщества, если оно «нарушает законы и распоряжения высших органов, противоречит задачам кооперирования или нарушает интересы бедноты» при наличии права земобщества на обжалование решения сельсовета в волостной исполком[723]. То есть «Общие начала..» юридически подчиняли мирскую организацию крестьянства сельским советам.

Подчинить общину сельсовету в финансовом плане должна была передача средств самообложения по постановлению ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г. Хотя решение о самообложение и его цели по-прежнему определялись сходом, сбор, хранение и расходование средств поручалось сельсоветам[724]. Порядок самообложения устанавливался постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г., в котором указывались также цели (социальные, культурные, хозяйственные нужды селения) и форма (денежная, натуральная, трудовая) самообложения, порядок его раскладки между хозяйствами в соответствии с размером уплачиваемого ими сельхозналога и т.д. При этом на сельский Совет возлагались установление сроков взносов, сбор, хранение и учёт средств и материалов, руководство всеми работами, осуществление закупок, то есть распоряжение средствами самообложения[725]. Губернским финансовым ведомством была издана инструкция о проведении самообложения, детализировавшая положения постановления[726]. Самообложение стало ещё одним методом дополнительного выкачивания из деревни средств, по оценке исследователей, оно превратилось во внеэкономическое отчуждение части крестьянской собственности в пользу государства[727]. Самообложение проводилось в виде специальных кампаний. В форму таких же кампаний облекались подписка на «крестьянские займы», создание семенных фондов.

---

[723] СДЗЗ – С.305-306.
[724] Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. – С.129-130.
[725] СУ РСФСР. – 1928. – №8. – Ст.73.
[726] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.131. – Л.54а-54л.
[727] См.: Шишкин В.А. Указ. соч. – С.348.

Мы согласны с О.Ю. Яхшияном, что сила законодательного «наката» на общину была обусловлена тем, и свидетельствует о том, что её так и не удалось загнать в «прокрустово ложе» только поземельной организации[728].

Ещё до принятия «Общих начал…» провозглашённая линия на коллективизацию и классовая политика нашли своё отражение, как в законодательстве, так и на практике. НКЗ РСФСР в апреле 1928 г. на места была разослана подробная инструкция по производству землеустроительных работ. Целью последних провозглашалось стимулирование обобществления производства в крестьянских хозяйствах. Более того, землеустройство называлось «орудием» организации бедняцких и середняцких хозяйств[729]. С этого времени оно, действительно, являлось таковым. Землеустроители следили, чтобы при переделах, выделах наименее обеспеченной части деревни, колхозам отводились лучшие земли[730].

В соответствии с общим направлением политики государства были внесены и соответствующие изменения в Земельный кодекс. По постановлению ВЦИК и СНК от 30 апреля 1928 г. выдел земли для колхозов должен был производиться вне зависимости от согласия общества и проведения переделов, то же при выделе посёлка группе хозяйств в количестве не менее 15. Если меньшинство общества было согласно на совместную обработку, то независимо от мнения большинства общество обязано было выделить землю к одному месту без обязательного выхода меньшинства из состава земобщества. Более того, даже после проведения землеустройства и производства выделов, когда любые новые изменения землепользования, «требующие досрочных общих переделов земли», допускались «лишь с согласия общества», для колхозов было сделано исключение: выдел земли для них производился беспрепятственно[731].

«Общие начала землепользования и землеустройства» не отменяли Земельный кодекс 1922 г., но значительно дополняли и изменяли его положения. То новое, что они вносили в поземельные отношения деревни,

---

[728] Яхшиян О.Ю. Указ. соч. – С.63.
[729] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3114. – Л.109-109об.
[730] Там же. – Д.2890. – Л.3.
[731] СДЗЗ – С.672-673.

заключалось «в максимальном проведении классового принципа в праве трудового пользования землёй» и в создании в области землепользования и землеустройства наибольших преимуществ для коллективных хозяйств[732]. Отныне право пользования землей обусловливалось не только личным трудом на ней, но и социально-политическим положением землепользователя, что нарушало один из основных нравственных принципов крестьянского мировоззрения – трудовое право. Статья 8 закона говорила: «Преимущественное право на получение земли в трудовое пользование имеют сельскохозяйственные коллективы, а также бедняцкое и середняцкое безземельное и малоземельное население». Лица, лишённые избирательных прав, могли получить землю лишь в последнюю очередь. Сверх того, земли «более удобно расположенные, допускающие облегчённую обработку и обеспеченные необходимыми для ведения правильного хозяйства земельными угодьями, водою и дорогами» при землеустройстве должны были предоставляться коллективным хозяйствам, а также маломощным крестьянским хозяйствам, преимущественно перед другими трудовыми землепользователями[733]. Переделы превращались в инструмент классовой политики: был расширен перечень случаев, когда могли производиться досрочные переделы за счёт включения в него положения о «необходимости борьбы с кулачеством»[734].

Специальный раздел «Общих начал землепользования и землеустройства» был посвящен мерам поощрения коллективных и других товарищеских форм землепользования. Для указанных форм предусматривались следующие льготы и поощрения: льготы по сельхозналогу, кредиту, преимущественное перед единоличными хозяйствами наделение землёй, внеочередное землеустройство за счёт государства, обеспечение на льготных условиях сельскохозяйственными машинами и орудиями, семенами, племенным скотом и пр. Среди остальных землепользователей в первую

[732] Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. – С.119.
[733] СДЗЗ – С.300.
[734] Там же. – С.301.

очередь должны были обслуживаться те, кто переходил к формам землепользования, наиболее благоприятствующим кооперированию, коллективизации и поднятию технического уровня сельского хозяйства. Закон облегчил условия выдела земли из надела общины. Члены коллектива могли выделяться в любое время, не ожидая общего передела или землеустройства. Подтверждалось, что землеустройство всех бедняцких, маломощных середняцких и коллективных хозяйств производится за счёт государства[735].

При этом отметим, что принятие данного нормативного акта ясно свидетельствует о том, что государство ещё оставляло открытой возможность для коллективизации крестьянских хозяйств без ликвидации института земельного общества.

Государство пошло и на прямое изъятие земли у общин. ЗК 1922 г. закрепил за земельными обществами всю землю, которую они получили в ходе аграрной революции и в последующие годы. На имеющиеся излишки допускалось дополнительное новых дворов по распоряжению земорганов[736]. Общество могло отказаться от части надела в добровольном порядке. В Вятской губернии отказ от земли и передача её в государственный запас регулировалась специально разработанными в начале 1923 г. правилами, так как в земельные органы поступали соответствующие ходатайства[737]. Но с переходом к массовой коллективизации это правило было нарушено. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 30 декабря 1929 г. были внесены изменения в Земельный кодекс, которые позволяли изымать у обществ имеющиеся у них излишки, не используемые ими или используемые хищнически, и передавать для организации и укрепления колхозов. Также указывалось, что при невозможности изъятия вне зависимости от согласия общества, допускается дополнительное[738]. Данные нормы применялись уже в ходе сплошной коллективизации[739].

---

[735] СДЗЗ – С.301-303.
[736] Там же. – С.160, 169.
[737] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1374. – Л55-56.
[738] СДЗЗ – С.678.
[739] ГАКО. – Ф.Р-1063. – Оп.1. – Д.4. – Л.1110об.-1111.

Темпы коллективизации в конце 1920-х гг., несмотря на все принимаемые меры, оставались крайне низкими. На 1 октября 1927 г. в Вятской губернии насчитывалось 124 колхоза, объединявших 0,25% всех крестьянских хозяйств, через год – 480 и 1,23% соответственно, к 1 мая 1929 г. процент коллективизации увеличился до 3,5[740]. При этом процесс образования коллективов сопровождался их ликвидацией. Так, по постановлению президиума Вятского губисполкома от 19 мая 1927 г. было ликвидировано 321 коллективное хозяйство, так как они фактически распались или не отвечали целям и задачам коллективизации[741]. А.Л. Гилинский оказался прав в том, что община не была готовой ячейкой для коллективизации. Она не стала основой для образования колхозов: создание коммун, артелей, ТОЗов шло в основном путём выдела из неё. В Вятской губернии крестьяне стали вступать в колхозы целыми обществами-селениями только в начале 1930 г.[742], когда массовая коллективизация уже приобрела значительный размах и насильственный характер.

Дальнейший путь коллективизации лежал через ликвидацию общинной организации крестьянства.

3 февраля 1930 г. ЦИК СССР утвердил «Основные положения об организации сельских советов в СССР», которыми устанавливалось, что в районах сплошной коллективизации земельные общества ликвидируются, и все их права и обязанности передаются сельсоветам[743]. В развитие закона 3 февраля ВЦИК и СНК РСФСР 30 июля 1930 г. было принято постановление «О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации». Земельное общество должно было ликвидироваться после того, как в его пределах окажется «коллективизировано не менее 75% крестьянских хозяйств». В распоряжение сельсоветов передавались угодья несельскохозяйственного значения, леса местного значения, места под общественными зданиями и др.

---

[740] Кирюхина Е.И. Подготовка массовой коллективизации сельского хозяйства в Нижегородском крае в 1928-1929 гг. – С.46, 67.
[741] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2570. – Л.157.
[742] Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч.2. – С.191.
[743] СДЗЗ – С.465-466.

Земли и имущество сельскохозяйственного значения ликвидированных земобществ поступали в пользование колхозов[744].

20 октября 1931 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР необходимый для ликвидации земельного общества уровень коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств был понижен до 68–70% с охватом не менее 75–80% посевных площадей крестьянских хозяйств[745].

В Нижегородском крае, куда в начале 1929 г. вошла Вятская губерния, сплошная коллективизация была закончена в основном к концу 1933 г.[746]

На этапе смены общего вектора развития страны государство увидело в общине препятствие для реализации выбранного курса и попыталось сначала нейтрализовать те черты, которые мешали проведению классовой политики, социалистическому переустройству жизни деревни с помощью подчинения земобщества сельсовету и усиления классовой линии в землепользовании и землеустройстве. При этом местные органы действовали в русле государственной политики, иногда даже опережая её. Логика развития событий привела к ликвидации самого института земельного общества, а вместе с ним традиционной мирской организации.

[744] СДЗЗ – С.504-505.
[745] Там же. – С.517.
[746] Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч.2. – С.201.

3.2. Реакция общинного крестьянства на политику государства

На протяжении данного периода крестьянская община по сути мало изменилась. Имеющиеся в нашем распоряжении уставы нескольких земельных обществ Халтуринского и Котельничского уездов, принятые в 1928–1929 гг., позволяют нарисовать образ типичной вятской общины. Это небольшое селение в 9-40 дворов[747] с общинно-чересполосным землепользованием (в среднем 5-10 полос на двор в каждом поле, в редких случаях 1-2 и более 10 полос), трёхпольным севооборотом, имеющее в пользовании разные виды угодий (основные и неосновные), из них некоторые – в общем пользовании (выгон, овраги, пустоши, лес). За развёрсточную единицу принят едок, срок передела 9-27 лет при скидках-накидках через 3-6, реже 9 лет[748].

В эти годы так же, как и в 1926 г., не отмечено значительного количества переделов по требованию меньшинства. Пределы были связаны в основном с окончанием срока предыдущего уравнения земли, с выделом земли коллективным хозяйствам и землеустройством[749]. При этом по-прежнему в ряде селений наблюдались ежегодные переделы земли[750]. Но даже в 1930 г. специальное обследование выявило наличие обществ, где не было переделов, и где наблюдалась значительная неравномерность землепользования. Например, в Слободском районе Вятского округа на декабрь 1929 г. имелось 27 таких обществ[751]. В ходе разворачивающейся коллективизации в них производились переделы, а часть их была вовсе ликвидирована в связи с выходом большинства членов в коллективы[752].

При производстве очередных и внеочередных уравнительных переделов в большинстве случаев продолжал использоваться принцип жеребьёвки[753], то есть норма о наделении бедняцких хозяйств ближними и лучшими землями не

---

[747] В южных уездах губернии селения были более многодворные. См.: параграф 1.2.
[748] ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.120. – Л.1-120; Ф.Р-2537. – Оп.2. – Д.333. – Л.1-137.
[749] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2890. – Л.3-5, 6об.
[750] ГАКО. – Ф.Р-3772. – Оп.1. – Д.335. – Л.500об.
[751] ГАКО. – Ф.Р-1063. – Оп.1. – Д.4. – Л.1070.
[752] Там же. – Л.1051-1052.
[753] ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.149. – Л.275-277об., 278-281 об., 282-284об. и след.

соблюдалась. Традиции оказывались сильнее властных предписаний. Но полностью игнорировать политику государства община, естественно не могла. Поэтому делала некоторые уступки, используя риторику советских документов, но, наполняя её другим смыслом, соответствовавшим крестьянским представлениям.

Так, приговором Ленского земельного общества Верхошижемской вол. в апреле 1929 г. были лишены права жеребьёвки пять хозяйств «как более выделяющиеся из общей массы и тормозящие общественные мероприятия, в частности передел земли»[754]. То есть, им должны были достаться те участки, которые не выпадут остальным, даже если они и были неплохого качества. Крестьяне предпочли положиться на волю случая. На сходе в дер. Стрелки Котельничского уезда 27 апреля 1929 г. среди прочего рассматривался вопрос о «хищническом пользовании землёй гр-кой Костиной Афанасией Степановной» (словосочетание очевидно заимствовано из источников, говоривших о борьбе с кулацким землепользованием). На самом деле, Костина А.С. в силу преклонных лет не могла вести своё хозяйство, поэтому собрание постановило передать её надел в «общеселенное» пользование, а её саму взять на содержание всем обществом с сентября того же года[755].

Жизнь деревни конца 1920-х гг. была серьёзно взбудоражена проведением многочисленных хозяйственно-политических кампаний, в них община играла не последнюю роль. Это касается, прежде всего, самообложения. Его нормативная база описана выше, здесь посмотрим, как всё происходило в действительности и, главное, как община реагировала на предпринимаемые органами власти меры. Фактически первая кампания по самообложению началась в 1928 г. Сельсоветами собирались сходы, на которых разъяснялся вопрос о самообложении и предлагалось его принять в размере 35%[756] (на 1929 г. размер был снижен до 25%) от сельскохозяйственного налога. По Спасской волости Котельничского уезда из 243 селений

[754] ГАКО. – Ф.Р-1063. – Оп.1. – Д.4. – Л.266.
[755] ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.149. – Л.317-317об.
[756] Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №1. – С.15.

самообложение приняли 191. Общая сумма составила 4066 руб. 36 коп., однако к началу следующей кампании поступило только 56,7%[757]. Отказы от самообложения были довольно распространённым явлением. Однако чаще деревни предпочитали не отказываться от его проведения, но принимали пониженный размер (5-15%). Крайне медленно вносились принятые суммы[758]. В циркуляре от 24 августа 1928 г. губфинотдел отмечал, что на 1 августа поступление сумм самообложения по губернии составило 42,5%, по некоторым уездам процент был ещё ниже, тогда как директива губисполкома предписывала закончить сбор самообложения к 15 июня[759].

Крестьянство вполне осознавало, что из деревни пытаются достать дополнительные средства, и нередко рассматривало самообложение как ещё один налог. Однако отказ мог быть связан и с тем, что имелись случаи нарушения применения средств самообложения: использование не на предусмотренные цели, задержка собранных сумм в кассах[760].

Вместе с тем, президиумом ГИК в 1928 г. неоднократно рассматривались ходатайства деревень о разрешении увеличить размер самообложения до 40-100 и более процентов сельскохозяйственного налога[761].

Не всегда соблюдалась классовая линия при самообложении, часто верх брали уравнительные тенденции, что выявила проверка губернской РКИ[762]. В одной из деревень Ухтымской вол. Нолинского уезда самообложение приняли по 13 руб. с «душевого надела»[763]. В Немской вол. того же уезда бедняцкие хозяйства наравне со всеми принимали участие в трудовой части самообложения, а именно в ремонте пожарных сараев[764]. В Уржумской вол. были случаи, когда не все освобождённые от сельхозналога хозяйства освобождались и от самообложения[765]. Очевидно, крестьянство учитывало те

[757] ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.88. – Л.81.
[758] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2432а. – Л.106, 106об.
[759] Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №24. – С.18.
[760] Там же. – С.19.
[761] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.131. – Л.185, 217об., 282об., 314, 431, 437об., 494об.
[762] Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №12. – С.15.
[763] В.Б. Что и где плохо // Спутник большевика. – 1929. – №6. – С.9,
[764] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2432а. – Л.157.
[765] Там же. – Л.148об.

обстоятельства, которые не принимались в расчёт органами власти при налогообложении.

Кампания по самообложению в 1929 г. также проходила сложно. Об этом свидетельствует такой факт: из 81 собрания в Кожинской вол. Котельничского уезда, принявшего самообложение, 27 были повторными, то есть на первые собрания крестьяне в большинстве своём просто не явились. Установленный размер самообложения в 25% был принят только 16 сходами. Остальные одобрили пониженный процент: 12 сходов – 15%, 31 – 10%, 12 – 5%, по одному – 7 и 2%[766]. Нередко на собраниях можно было услышать недовольство, возражения крестьян против самообложения: отсутствие денег, высокий сельхозналог, отсутствие результатов предыдущего самообложения. Слышались и такие высказывания: «кто платит налог, тот всё время будет платить, а остальные освобождаются», «бедняки постановят 77%, а платить опять не будут, а нам же придётся платить»[767].

В форме кампании проводилась организация запасных семенных фондов. Ещё в 1922 г. было издано соответствующее постановление, по которому крестьяне в добровольном порядке могли организовывать сельские и волостные фонды, для чего требовалось решение двух третей общего собрания. Фонд мог образовываться как из отчислений семян хозяйствами, так и из урожая от общественной запашки. Хранить их предлагалось или в бывших хлебозапасных магазинах или в амбарах[768].

В действительности к их созданию приступили только в 1927/28 г. с использованием в некоторых случаях при взыскании паёв принудительных мер. Решение об организации семфонда, о размере паёв отдельных хозяйств принимали специально созванные сходы земобществ[769]. Если сход отклонял предложение земельных органов, то по решению волостного съезда Советов по ходатайству меньшинства общества фонд мог быть создан в обязательном

[766] ГАКО. – Ф.Р-2537. – Оп.1. – Д.412. – Л.1-100.
[767] Там же. – Л.91, 92, 94, 96-96об.
[768] Вятская деревня. – 1925. – 5 ноября; ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1 – Д.3030. – Л.1, 18, 54, 55.
[769] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1 – Д.3030. – Л.64, 68.

порядке[770]. Как и в случае с самообложением, крестьянство не всегда отказывалось от создания семфондов, принимало соответствующие приговоры, однако затем фактически их саботировало. К июню 1928 г. в Нолинском уезде юридически (на бумаге) было создано 66 неприкосновенных запасных семенных фондов. Общий размер их определён в 54354 пуда ржи и 66201 пуд овса. В действительности к тому моменту было засыпано зерна в 5 фондов, по объёму 7,8%[771].

Проявила себя община и в ходе хлебозаготовок, хотя таких сведений немного. На сходах по вопросу о хлебозаготовках иногда выбирались специальные уполномоченные, которые должны были «подталкивать» односельчан к продаже хлеба кооперации. Выносились постановления о коллективной сдаче хлеба. Однако в последнем случае крестьянство нередко рассматривало сдачу хлеба государству как жертву или добровольную развёрстку. Например, в дер. Варламы Нолинского уезда после целого дня споров крестьяне всё же решили сдать по 3 пуда (некоторые меньше), рассуждая примерно следующим образом: «Брал когда-то в паёк у государства один пуд, вот его и отдам». Выносились и такие постановления: «Каждому крестьянину учесть свои излишки хлеба, часть из них сдать кооперативу, а остальную – продать на рынке по вольным ценам»[772], «у кого имеются излишки хлеба, то сдать в кооператив»[773].

В информсводке от 20 декабря 1929 г. по Вятскому району сообщалось, что в Кривошеинском и Забегаевском сельсоветах были собрания в присутствии уполномоченного райисполкома, которые постановили хлебозаготовки возложить на зажиточную часть. Однако после отъезда уполномоченного были проведены повторные собрания, решившие произвести

---

[770] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1 – Д.3030. – Л.68.
[771] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2432а. – Л.130.
[772] В.Б. На фронте хлебозаготовок //Спутник большевика. – 1929. – №4. – С.25.
[773] ГАКО. – Ф.Р-3796. – Оп.1. – Д.238. – Л.83.

раскладку между всеми хозяйствами[774]. Факты говорят, что община нередко выступала единым фронтом против хлебозаготовок[775].

В ходе борьбы за увеличение сельскохозяйственного производства, государство стремилось увеличить посевные площади. Для этого также проводилась специальная кампания: согласно составленным планам от общины пытались добиться приговоров о расширении обрабатываемых площадей. В ряде мест, действительно удалось достичь результата, хотя и не совсем того, на который рассчитывали. В Слободском сельсовете Спасской вол. 20 деревень на сходах приняли соответствующие постановления. В результате площадь посева увеличилась на 325 га вместо запланированного 421 га. В остальных селениях площадей для расширения просто не оказалось[776]. Однако, в той же волости наблюдался массовый отказ по приговорам обществ от залежных, пустующих, неудобных, то есть необрабатываемых земель в государственный фонд[777].

«Кампанейщина» охватила почти все мало-мальски важные и масштабные мероприятия в деревне. То же касается дорожного дела. В 1927 г. проводились сходы, на которых обсуждался вопрос о ремонте дорог волостного значения, предлагалось разбить дороги на участки согласно количеству трудоспособных граждан в селениях. Практически везде крестьянство высказалось за прежний принцип распределения по наделам, который, несмотря на неодобрение волисполкомов, по-видимому, всё же был проведён в жизнь[778].

Разные источники содержат информацию об увеличении активности кулаков и зажиточных, которые выступали на сходах и собраниях против проведения хлебозаготовок, самообложения и других мероприятий советской власти, спаивали, подкупали, «застращивали» других крестьян[779]. Отрицать наличие такого слоя в деревне неправильно, хотя имел место и идеологический

---

[774] ГАКО. – Ф.Р-1258. – Оп.1. – Д.185. – Л.76.
[775] Там же.
[776] ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.85. – Л.116об.
[777] Там же. – Д.149. – Л.347, 359, 362, 363.
[778] Там же. – Д.69. – Л.127, 128-129об., 162-179; Д.81. – Л.5.
[779] Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №6. – С.13-15; №12. – С.15; ГАКО. – Ф.Р-1258. – Оп.1. – Д.185. – Л.23-25.

ярлык, навешиваемый на тех, кто противодействовал тем или иным государственным мерам. Часто община прислушивалась к мнению именно этих крестьян.

Широкие хозяйственно-политические кампании конца 1920-х гг. имели ограниченный эффект, зато со всей ясностью показали, что крестьянское «общество» вполне способно оказывать, хотя порой и неявное, но организованное сопротивление, что оно и делало в целом ряде случаев.

В это же время, в ходе подготовки к массовой коллективизации государство пыталось использовать общину в производственных целях. Основой данного курса являлась контрактация посевов[780]. Она же, как указывалось в постановлении президиума Вятского губисполкома от 14 марта 1928 г., должна была содействовать коллективизации[781]. В целом по стране довольно значительный процент всех контрактантов составили земельные общества[782]. В Вятской губернии картина выглядела несколько по-иному. Первоначально в губернии вводилась только контрактация посевов льна. Основными контрактантами в 1927/28 г. выступали отдельные хозяйства (более 90% договоров и 71% площади)[783], в 1929 г. удельный вес целых селений составил 3,7%, групп хозяйств – 53,5%, единоличников – 23,9%, остальные контрактанты – это колхозы и простые кооперативы[784]. Позже, чем лён, в незначительном масштабе стала вводиться контрактация и других культур (ячменя, картофеля). Но и здесь на долю обществ приходилось менее 9% от всей законтрактованной площади[785]. Контрактация принесла определённые плоды в деле коллективизации: только по контрактации льна за время всей кампании к 10 мая 1929 г. по губернии было организовано 70 новых колхозов, 157 производственных льноводческих товариществ и 442 общественные запашки[786].

---

[780] Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. – С.122.
[781] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3005. – Л.12об.
[782] См.: Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. – С.122.
[783] Подсчитано по: ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2815. – Л.12.
[784] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3004. – Л.407.
[785] Там же. – Д.3005. – Л.185.
[786] Там же. – Л.395.

Ещё одной мерой, призванной усилить производственную деятельность земельных обществ и интенсифицировать сельскохозяйственное производство, было введение так называемого агроминимума, куда входили очистка и сортировка семян, окашивание меж, своевременное проведение полевых работ, рядовой сев и т.д. Для его проведения формировался институт агроуполномоченных, назначаемых сельсоветом[787]. Сведения о применении агроминимума и агроуполномоченных на территории Вятской губернии крайне отрывочны. Так, есть данные, что в двух сельсоветах, Синцовском и Слободском, Спасской волости Котельничского уезда в 1929 г. во всех деревнях был проведён агроминимум, агроуполномоченные, вопреки правительственным установлениям, не назначались сельсоветами, а выделялись самими селениями[788]. О выборности агроуполномоченных сообщало Вятское окрземуправление[789].

В целом нельзя сказать, что за период 1927–1929 гг. произошли принципиальные изменения в характере отношений сельсоветов и мирских организаций, что мы уже видели на примере руководства работой сходов. По-прежнему сельсовет не воспринимался крестьянством в качестве органа управления деревней. В ходе перевыборной кампании 1927 г. посещаемость избирательных собраний в ряде мест губернии была столь низкой, что приходилось проводить повторные собрания, «сгонять» на них избирателей с помощью сельисполнителей, не выпускать избирателей с собраний и т.д. Крестьяне, мотивируя свои действия, говорили, что сельсовет можно создать и «помимо масс», так как он крестьянству «не особенно нужен», или избирать в него по очереди, что имело место, например, в Малмыжском уезде[790].

Как и раньше различные отчёты, акты обследований свидетельствовали о том, что сельсоветы вынуждены были обращаться за разрешением тех или иных местных вопросов к сходам, хотя проведение принудительного

---

[787] Подробнее об этом см.: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – С.191-193.
[788] ГАКО. – Ф.Р-950.- Оп.2. – Д.85. – Л.113-113об., 117.
[789] ГАКО. – Ф.Р-877. – Оп.1. – Д.61. – Л.35.
[790] ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.5. – Д.44. – Л.186; Д.45. – Л.38об.

самообложения сделало этот процесс более формализованным. Сельсовет уже мог не полагаться на добрую волю общества, а в принудительном порядке получить требуемый результат[791].

По-прежнему Советы не контролировали внутреннюю жизнь общины, не следили за законностью тех или иных приговоров. Так, сход общества дер. Сергинцы Нолинского уезда в феврале 1928 г. постановил взимать штраф 50 коп. с лиц, неаккуратно являющихся на сход. Реакции Немского сельсовета на это не последовало[792]. Дер. Зоты Сунской волости в том же году установила целую систему штрафных санкций: с лиц, не ремонтирующих изгороди – 10 руб.; с лиц нарушающих общественный порядок, хулиганов в зависимости от возраста – от 1 до 5 руб.; за неявку на собрание – 1 руб. Все суммы поступали в общественный фонд[793]. Проверка губернской РКИ, проводившаяся в июне 1928 г. показала, что сельсоветы свидетельствуют все документы, предлагаемые крестьянством, «не считаясь с законностью их и целесообразностью»[794].

Изменения видны скорее в содержании взаимоотношений в виду того, что на сельсоветы легла основная тяжесть по проведению всех хозяйственно-политических кампаний. Однако это вряд ли подняло их авторитет в глазах крестьянства, так как почти вся работа стала заключаться в проведении очередной кампании. В результате понизилась посещаемость пленумов сельсоветов крестьянством, а низовые работники перестали мыслить какую-либо работу без «ударности»[795].

Что действительно могло способствовать укреплению позиций сельских Советов в деревне, так это то, что с 1927/28 г. они стали принимать участие в разрешении земельных споров: способствовали мирному разрешению споров между отдельными хозяйствами, давали письменные заключения по земельным делам, участвовали в разбирательствах на заседаниях волземкомиссий. Хотя

---

[791] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2432а. – Л.92, 104, 164.
[792] Там же. – Л.92-92об.
[793] Там же. – Л.106об.
[794] ГАРФ. – Ф.А-406. – Оп.11. – Д.1209. – Л.10.
[795] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2432а. – Л.432, 433.

согласно отчётам земельных судов губернии, эта деятельность сельсоветов, за редким исключением, была незначительна, а в некоторых волостях вообще отсутствовала[796].

Финансовое обеспечение деятельности сельсоветов оставляло желать лучшего. В 1927/28 г. на самостоятельные бюджеты были переведены только 17 сельсоветов губернии, на следующий год их насчитывалось 57[797]. Средства самообложения не включались в бюджет и могли расходоваться только на цели, указанные в постановлении схода. По-прежнему земобщества имели свои источники доходов, а, следовательно, и определённую финансовую самостоятельность. Так, земельные общества Свечинского района Котельничского округа в 1927/28 и 1928/29 гг. получили арендной платы за сенокосы 71 руб. и доходов от общественных предприятий (мельниц, крупорушек и др.) – 2963 руб. Тогда как сельсоветы никакими доходными статьями не располагали[798]. Как расходовались общественные деньги, говорит такой факт. В дер. Нема с лиц, не участвовавших в работе по постройке колодца, старшиной было собрано 10 руб., к ним прибавили деньги от сдачи в аренду общественного покоса. Всего на 22 руб. купили вина и устроили «общественную попойку»[799].

Нельзя не заметить изменений, происходящих внутри общины, связанных, прежде всего, с обострением борьбы между теми, кто стремился к улучшению хозяйства, повышению его производительности, изменению привычного образа жизни и теми, кто противился этому, в том числе борьба шла по классовому признаку. Обострение, на наш взгляд, было вызвано внутренними противоречиями деревни, существовавшими ещё до революции, которые сгладились в ходе революционных преобразований, когда община выступила единым организмом. Мы показали, что с введением нэпа эти противоречия снова начали проявлять себя и из года в год только нарастали, в

---

[796] ГАКО. – Ф.Р-3772. – Оп.1. – Д.335. – Л.87, 123об., 126 и след.
[797] Отчёт Вятского губернского исполнительного комитета XIV губернскому съезду Советов. – Вятка, 1929. – С.153-154.
[798] ГАКО. – Ф.Р-1257. – Оп.1. – Д.11. – Л.36об.
[799] ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2432а. – Л.157об.

том числе под воздействием государственной классовой политики. Община уже не была как прежде едина. Губземуправление в отчете за 1927/28 г. отмечало, что беднота начинает выступать более активно, при организации выселков требует от зажиточных или переселяться, или оказывать помощь переселяющимся. Зажиточные, в свою очередь, противятся выделу земли, особенно колхозам, образуемым без переселения на новое место. И тем не менее, как подчёркивалось в том же документе, более половины дел проходило в бесспорном порядке[800].

Община сама порой пыталась проводить «классовую» линию. Уместно снова вспомнить приговор Ленского земельного общества. Общее собрание дер. Скородумка Вятского района осенью 1929 г. потребовало с кулака-лишенца Н.В. Машкина 30 пудов хлеба[801].

В предыдущем параграфе мы показали, что темпы коллективизации в Вятской губернии в 1927–1929 г. были невысоки, общины целиком редко переходили на уставы коллективных хозяйств, поэтому выдел земли стал основным способом образования колхозов. Общества нередко оказывали сопротивление выделам, хотя и предпочитали пассивные методы, как отказ выделять уполномоченных для проведения соответствующих работ. В земельные органы всех уровней вплоть до Наркомзема от общин поступали жалобы на неправильное, несправедливое выделение земли для колхозов. В 1928–1929 гг. такие ходатайства ещё удовлетворялись[802].

С развитием колхозного движения в 1929 г., обострились отношения между общинниками и колхозами, о чём свидетельствуют сводки ОГПУ, в которых приводились многочисленные примеры неприятия коллективизации, порчи имущества, скота колхозов общинниками[803], были случаи препятствования выделу земли для колхозов[804].

---

[800] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2890. – Л.3.
[801] ГАКО. – Ф.Р-1258. – Оп.1. – Д.185. – Л.69.
[802] См.: ГАКО. – Ф.Р-1063. – Оп.1. – Д.4.
[803] См.: ГАКО. – Ф.Р-877. – Оп.2. – Д.9.
[804] ГАКО. – Ф.Р-877. – Оп.1. – Д.61. – Л.34об.

Несмотря на изменения, произошедшие в крестьянском хозяйстве в послереволюционные, а особенно, в 1920-е гг., в целом сельское хозяйство Вятской губернии оставалось на крайне низком и даже примитивном уровне. В 1928 г. площадь трёхполья по губернии насчитывала от 87,1 до 96,6%, использование сохи составляло 64%[805]. Крестьянское хозяйство, существовавшее в рамках общины, ориентированное на потребление, не могло дать государству необходимый для индустриализации товарный хлеб. Товарность сельского хозяйства губернии в 1928/29 г. составляла всего 11,6%, а зерновых культур – еще ниже (6,9%)[806]. Этот показатель был гораздо меньше, чем до революции, что свидетельствовало об отсутствии «серьёзных перспектив дальнейшего прогресса отечественного сельского хозяйства, его интенсификации и значительного увеличения объемов производимой продукции» на существовавшей тогда основе[807]. Необходимость реконструкции сельского хозяйства наталкивалась на существующие в деревне организационные формы, приходила в противоречие с самой сутью традиционного крестьянского общества («этикой выживания»). Что обрекало общину на ликвидацию в ходе коллективизации.

На протяжении 1927–1929 гг. государство активно пыталось использовать общинную организацию в целях интенсификации сельского хозяйства, его обобществления, извлечения из деревни дополнительных средств, поставить первую под контроль органов власти. Сам факт того, что в 1930 г. были приняты решения о ликвидации земельных обществ, говорит, что община, по крайней мере, не способствовала реализации названных целей, а часто просто противодействовала им. В большинстве случаев это было скрытое сопротивление: «мир» не шёл на явный конфликт с властью, принимая решения о тех или иных действиях, требуемых государством, однако затем или саботировал их, или перестраивал так, как это было выгодно и удобно крестьянству.

---

[805] Крутиков А.А. Вопросы пятилетки // Вятско-Ветлужский край. – 1928. – №4. – С.14.
[806] ГАКО. – Ф.Р-877. – Оп.1. – Д.57. – Л.159.
[807] Бакулин В.И. Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926–1928 гг. – С.152.

***

Таким образом, период 1927–1930 гг. стал завершающим как в развитии общинной организации крестьянства в России в советский период, так и, в целом, её многовековой истории. На этом этапе советское государство чётко провозгласило курс на коренную трансформацию сельского хозяйства путём его коллективизации. Как институт традиционного общества, каким она оставалась до конца своего существования, община не вписывалась в этот процесс.

Заключение

Анализ конкретного исторического материала позволяет выявить явное доминирование традиционных начал в ментальности вятского крестьянства исследуемого периода. Эта ментальность обусловила крепость общинных порядков ещё в первые десятилетия XX века, чем, в свою очередь, предопределялась значимая роль общины в социально-экономической и политической сферах жизни российского общества. Значение её тем более возросло в условиях революции 1917 г., анархического распада общества, временного ослабления государственных «скреп».

Лидеры большевизма, ещё в дореволюционный период рассматривавшие сельскую общину как пережиток старины и препятствие на пути модернизации страны[808], после взятия власти были вынуждены считаться с нею как с реальной силой и опираться на неё в решении текущих экономических и других задач. Как показано в тексте диссертации, политика властей в отношении общины на протяжении 1917–1930 гг. строилась с учётом и на стыке данного противоречия между идеологическими установками и реалиями советской деревни. При этом власть старалась, с одной стороны, приспособить общину к процессу социалистического строительства (и модернизационному вектору развития), а с другой – вытеснить её из социально значимых сфер жизни общества. Отсюда и использование таких промежуточных, «суррогатных» форм, как земельное общество. Поворот к индустриальному «скачку» и массовой коллективизации деревни положил конец относительно гибкой политике эволюционного «врастания» общины в модернизируемое советское общество.

Сама эта политика, что видно на примере Вятской губернии, на протяжении рассматриваемого периода проделала значительную эволюцию, прошла ряд этапов, существенно разнящихся между собой внутренним содержанием и методами. В период 1917–1921 гг. государство использовало

---

[808] См.: Бакулин В.И., Вознесенская Е.И. Сельская община при переходе к нэпу: проблемы теории и практики (на материалах Вятской губернии) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2006. – №15. – С.17-24.

общинные механизмы для проведения аграрной революции, разрешения острых хозяйственных и продовольственных вопросов, и даже реализации классовых установок. Одновременно большевики пытались создать собственную хозяйственную базу в деревне в лице коллективных хозяйств и свою государственно-управленческую структуру – систему Советов. При этом часто как в центре, так и на региональном уровне выбирались радикальные, «чрезвычайные» способы воздействия на крестьянство. Далеко не всё из вышеназванного удалось реализовать в полной мере и в задуманном варианте, во многом благодаря противодействию общины, которая определённо не желала поступаться завоёванной автономией.

Фактически и негласно признав за общиной ведущую роль в жизни деревни, на втором этапе (1922–1926 гг.) государство вместе с тем попыталось ограничить сферу её деятельности исключительно земельно-хозяйственными функциями, что нашло отражение в придании ей правового статуса земельного общества, усилиях по разделению общинного схода на сельский и земельный, а также на её основе интенсифицировать сельское хозяйство при помощи так называемого «усовершенствования». Одновременно прилагались усилия, чтобы перераспределить управленческие и социальные функции, присущие общине, между другими организациями (сельскими Советами, комитетами крестьянской общественной взаимопомощи). По большому счёту, попытки эти успехом не увенчались; крестьянский «мир» продолжал доминировать во всех сферах деревенской жизни. Также не оправдались надежды на естественную эволюцию общины в подобие кооперативного объединения.

На третьем этапе, с 1927 и особенно с 1928 г. наблюдается более радикальное наступление власти на общину, что выразилось в формально-юридическом подчинении её сельсовету, ужесточении классовой линии, нажиме в процессе проведения хозяйственно-политических кампаний. Тем не менее, до последнего в высших государственных структурах и местных органах власти сохранялось отношение к общине как к переходному, промежуточному звену на пути к колхозу. Отсюда введение таких мер, как контрактация,

агроминимум. На данной стадии реакция общинного крестьянства была во многом аналогична той, что наблюдалась в первый период и носила в основном скрытый и пассивный характер. Де-факто полученный и на этом этапе результат не удовлетворил руководство страны, что и привело к её ликвидации в условиях массовой коллективизации деревни.

Политика советского государства была важнейшим фактором, влиявшим на жизнедеятельность крестьянской общины, наряду с ним серьёзное воздействие оказывали и другие обстоятельства. К их числу можно отнести развитие товарно-денежных отношений в годы нэпа, модернизационные процессы в социокультурной сфере, классовые установки государственных и партийных органов.

Проведённое исследование показывает, что община в изучаемый период проявила удивительную стойкость и не претерпела принципиальных изменений, несмотря на действие указанных факторов. В вятской деревне сохранялся традиционный крестьянский «мир». Его жизнестойкость обеспечили такие органически присущие ему свойства, качества, как локализм, функциональная самодостаточность, солидарность, приоритет традиций, авторитет мирского решения. Тем не менее, община не могла полностью не реагировать на меняющиеся политические, правовые, социально-экономические условия её существования. Можно говорить о некоторых имевших место тенденциях, которые, развиваясь и набирая силу, могли бы в дальнейшем существенно повлиять на жизнедеятельность общины: изменения в земельно-хозяйственной сфере в сторону её интенсификации; угасание традиций взаимопомощи; увеличение социальной мобильности общинного крестьянства; наличие и некоторый рост числа тех крестьян, кто тяготился общинным укладом жизни; усиление напряжённости в отношениях между различными группировками внутри «мира».

Следствием тех же обстоятельств было частичное включение общины в модернизационные процессы, идущие в советском обществе. Включение это было весьма двойственным, противоречивым, неполным. С одной стороны,

община сыграла существенную роль в выстраивании обновлённой системы управленческих органов низового уровня; с началом нэпа проявила активность в проведение землеустройства и внедрении улучшенных способов ведения хозяйства; оказывала содействие развитию культурной сферы деревни.

С другой стороны, в 1920-е гг. многие сферы деятельности общины оставались вне поля эффективного контроля государственных органов; она зачастую просто игнорировала сельсовет, не нуждаясь в нём как органе управления; следуя «этике выживания», община существенно тормозила процессы внедрения инноваций в аграрную сферу, поэтому масштабы изменений были невелики; сельское общество консервировало крестьянское хозяйство на натурально-потребительском уровне; в социокультурной сфере наряду с названными положительными моментами, наблюдались действия негативного характера.

Можно сказать, что в эти годы был поставлен своеобразный эксперимент, может ли община стать основой модернизации советского общества. С учётом догоняющей, мобилизационной модели российской модернизации в целом и советской в частности, одним из признаков которой были очень сжатые сроки, результат получился отрицательным.

На фоне общероссийских тенденций в жизнедеятельности общины, можно выделить ряд региональных особенностей:

- отсутствие в Вятской губернии на этапе революции и Гражданской войны острой борьбы, которая имела место в земледельческих районах страны, между общиной и крупными землевладельцами, а также между общиной и выделившимися из неё отрубниками и хуторянами по причине незначительного числа тех и других; аграрная революция здесь в большей степени вылилась в разрешении проблем внутриобщинных земельных отношений;
- даже на фоне общего для всей страны преобладания общинного землепользования, в Вятской губернии оно было абсолютно подавляющим, ни хуторская и отрубная, ни коллективная формы не

смогли сколько-нибудь существенно поколебать его позиции. В тоже время общинное землепользование имело свои региональные особенности. В первую очередь это небольшой размер земельных наделов «обществ» в силу малодворности селений, особенно на севере губернии. Во-вторых, по той же самой причине главным недостатком землепользования являлась чересполосица, хотя относительно крупные деревни южных уездов страдали и от дальноземелья;

- меньшими, по сравнению с губерниями промышленного центра и рядом других районов, были масштабы внедрения интенсивных приёмов хозяйствования;
- процесс размежевания общины и сельсовета в Вятской губернии проходил дольше и закончился позже (в середине 1920-х гг.), чем в других регионах (например, Тамбовской губернии). Ни до, ни после размежевания в вятской деревне не наблюдалось двоевластия «мира» и сельского Совета.

В целом, нам видится, что крестьянская община в нашей стране была обречена на исчезновение логикой развития исторического процесса. Модернизация, в каком бы варианте она ни проходила, сопровождается раскрестьяниванием. Вместе с крестьянством в прошлое уходит и его социальная организация. Однако общинные традиции, нормы, являющиеся органической частью крестьянской ментальности, не могли исчезнуть вдруг, одномоментно с исчезновением самого социального института. В какой степени они сохранились, какое нашли воплощение в советской колхозной деревне – всё это вопросы для дальнейшего исследования.

Список источников и литературы

Неопубликованные документы

1. ГАКО. – Ф.1345. – Оп.1. – Д.9.
2. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.131.
3. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.139.
4. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.468.
5. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.793.
6. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.805.
7. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.806.
8. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.1948.
9. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2014.
10. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2123.
11. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2125.
12. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2134.
13. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2147.
14. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2148.
15. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д2155.
16. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2161.
17. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2162.
18. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2286.
19. ГАКО. – Ф.Р-875. – Оп.1. – Д.2432а.
20. ГАКО. – Ф.Р-877. – Оп.1. – Д.57.
21. ГАКО. – Ф.Р-877. – Оп.1. – Д.61.
22. ГАКО. – Ф.Р-877. – Оп.2. – Д.9.
23. ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.73.
24. ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.74.
25. ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.99.
26. ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.113.

27. ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.137.
28. ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.237.
29. ГАКО. – Ф.Р-881. – Оп.1. – Д.365.
30. ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.298.
31. ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.388.
32. ГАКО. – Ф.Р-882. – Оп.1. – Д.409.
33. ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.2.
34. ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.48.
35. ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.69.
36. ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.81.
37. ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.85.
38. ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.88.
39. ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.109.
40. ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.120.
41. ГАКО. – Ф.Р-950. – Оп.2. – Д.149.
42. ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.18.
43. ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.24.
44. ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.37.
45. ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.48.
46. ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.1. – Д.69.
47. ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.5.
48. ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.12.
49. ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.43.
50. ГАКО. – Ф.Р-986. – Оп.3. – Д.44.
51. ГАКО. – Ф.Р-1053. – Оп.1. – Д.898.
52. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3.
53. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.8.
54. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.15.
55. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.16.
56. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.20.

57. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.26.
58. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.38.
59. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.42.
60. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.48.
61. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.140.
62. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.207.
63. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.239.
64. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.696.
65. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.698.
66. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.701.
67. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.702.
68. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.708.
69. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.717.
70. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.731.
71. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.732.
72. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.734.
73. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.735.
74. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.736.
75. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.738.
76. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.753.
77. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.822.
78. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.826.
79. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.827.
80. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.829.
81. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.832.
82. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.834.
83. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.835.
84. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.838.
85. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.976.
86. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1012.

87. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1014.
88. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1223.
89. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1236.
90. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1264.
91. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1280.
92. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1370.
93. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1374.
94. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1380.
95. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1388.
96. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1410.
97. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1554.
98. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1799в.
99. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1799г.
100. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2023.
101. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.1261.
102. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2229.
103. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2239.
104. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2363.
105. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2366.
106. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2374.
107. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2570.
108. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2585.
109. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2699.
110. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2701.
111. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2731.
112. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2754.
113. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2815.
114. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2817.
115. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2834.
116. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2890.

117. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2892.
118. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2900.
119. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3004.
120. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3005.
121. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3016.
122. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3030.
123. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3114.
124. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3115.
125. ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3124.
126. ГАКО. – Ф.Р-1063. – Оп.1. – Д.4.
127. ГАКО. – Ф.Р-1064. – Оп.1. – Д.40.
128. ГАКО. – Ф.Р-1066. – Оп.1. – Д.2.
129. ГАКО. – Ф.Р-1066. – Оп.1. – Д.233.
130. ГАКО. – Ф.Р-1068. – Оп.2. – Д.83.
131. ГАКО. – Ф.Р-1068. – Оп.2. – Д.84.
132. ГАКО. – Ф.Р-1257. – Оп.1. – Д.11.
133. ГАКО. – Ф.Р-1258. – Оп.1. – Д.40.
134. ГАКО. – Ф.Р-1258. – Оп.3. – Д.67.
135. ГАКО. – Ф.Р-1258. – Оп.1. – Д.185.
136. ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.22.
137. ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.67.
138. ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.111.
139. ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.123.
140. ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.139.
141. ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.302.
142. ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361.
143. ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.383.
144. ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.483.
145. ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.487.
146. ГАКО. – Ф.Р-2537. – Оп.2. – Д.181.

147. ГАКО. – Ф.Р-2537. – Оп.2. – Д.199.
148. ГАКО. – Ф.Р-2537. – Оп.2. – Д.210.
149. ГАКО. – Ф.Р-2537. – Оп.2. – Д.333.
150. ГАКО. – Ф.Р-2537. – Оп.1. – Д.412.
151. ГАКО. – Ф.Р-3772. – Оп.1. – Д.335.
152. ГАКО. – Ф.Р-3796. – Оп.1. – Д.90.
153. ГАКО. – Ф.Р-3796. – Оп.1. – Д.238.
154. ГАРФ. – Ф.А-406. – Оп.11. – Д.1006.
155. ГАРФ. – Ф.А-406. – Оп.11. – Д.1209.
156. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.1. – Д.188.
157. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.2. – Д.248.
158. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.2. – Д.469.
159. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.2. – Д.644.
160. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.2. – Д.766.
161. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.50.
162. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.51.
163. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.176.
164. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.3. – Д.177.
165. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.4. – Д.60.
166. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.4. – Д.61.
167. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.4. – Д.129.
168. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.5. – Д.44.
169. ГАСПИКО. – Ф.1. – Оп.5. – Д.45.
170. ГАСПИКО. – Ф.15. – Оп.9. – Д.27.
171. РГАЭ. – Ф.396. – Оп.2. – Д.133.
172. РГАЭ. – Ф.478. – Оп.1. – Д.1789.
173. РГАЭ. – Ф.478. – Оп.1. – Д.1945.
174. РГАЭ. – Ф.478. – Оп.1. – Д.1967.
175. РГАЭ. – Ф.478. – Оп.7. – Д.95.
176. РГАЭ. – Ф.478. – Оп.7. – Д.138.

177. РГАЭ. – Ф.478. – Оп.7. – Д.594.

Опубликованные документы

Сборники

1. 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Апрель 1918 г. [Текст]. – Вятка, 1918. – 178 с.
2. Декреты советской власти [Текст]. В 17 т. Т.I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Госполитиздат, 1957. – 626 с.; Т.II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Госполитиздат, 1959. – 686 с.; Т.III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. – М.: Политиздат, 1964. – 664 с.; Т.IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. – М.: Политиздат, 1968. – 731 с.; Т.VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. – М.: Политиздат, 1975. – 676 с.; Т.XII. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. – М.: Политиздат, 1986. – 427 с.; Т.XIII. 1 февраля – 31 марта 1921 г. – М.: Политиздат, 1989. – 572 с.
3. Земельный кодекс РСФСР со всеми дополнительными узаконениями, инструкциями и разъяснениями ведомств, определениями Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным спорам и Верховного Суда, изменениями и дополнениями для автономных республик и областей и прочими официальными материалами, опубликованными по 15 марта 1928 года [Текст] / сост. Е. Рудин. – Л.: Изд-во «Рабочий суд», 1928.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) [Текст]. Т.III. 1922–1925. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1984. – 494 с.; Т.IV. 1926–1929. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1984. – 575 с.
5. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937) [Текст]: сб. документов / под общ. ред. акад. А.Я. Вышинского. – М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940.

6. Община в аграрной революции: Документы сельского схода о земельных отношениях в национальной деревне Поволжья (1918–1922 гг.) [Текст] / сост. А.А. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. – 372 с.
7. Отчёт Вятского губернского исполнительного комитета VIII губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1 января – 1 октября 1921 г. [Текст]. – Вятка: Гос. изд-во, 1921. – 593 с.
8. Отчёт Вятского губернского исполнительного комитета IX губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Октябрь 1921 г. – октябрь 1922 г. [Текст]. В 2 т. Т.1. – Вятка, 1922. – 392 с.
9. Отчёт Вятского губернского исполнительного комитета IX состава X-му губернскому съезду Советов раб., крес. и кр-ских деп. Октябрь 1922 г. – октябрь 1923 г. [Текст]. – Вятка, 1923. – 218 с.
10. Отчёт Вятского губернского исполнительного комитета XIII губернскому съезду Советов [Текст]. – Вятка, 1927. – 105 с.
11. Отчёт Вятского губисполкома. Октябрь 1923 – март 1925 г. [Текст]. – Вятка, 1925. – 194 с.
12. Отчёт Вятского губисполкома XII съезду Советов [Текст]. – Вятка, 1926. – 231 с.
13. Отчёт Вятского губернского исполнительного комитета XIV губернскому съезду Советов [Текст]. – Вятка, 1929. – 214 с.
14. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года [Текст]: стенографический отчёт. Т.II. – М.: Госполитиздат, 1962.
15. Положение о сельских Советах с объяснениями и законодательным материалом [Текст]. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928.
16. Постановления 2-го совещания по советскому строительству при Вятском губернском исполнительном комитете (6-9 октября 1925 года) [Текст]. – Вятка, 1925. – 22 с.

17. Резолюции губернского совещания инструкторов уездных исполкомов и председателей волисполкомов при Вятском губернском исполнительном комитете (17-22 мая 1926 г.) [Текст]. – Вятка, 1926. – 37 с.
18. Резолюции XII Вятского губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 8 марта – 13 марта 1926 г. [Текст]. – Вятка, 1926.
19. Резолюции и постановления 7-го Вятского губернского съезда Советов раб., кр. и красн. деп [Текст]. – Вятка: Вятское отделение гос. изд-ва, 1921.
20. Резолюции XI Вятского губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (26 марта – 2 апреля 1925 г.) [Текст]. – Вятка, 1925.
21. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 гг. [Текст]. – М.: Госюриздат, 1954. – 720 с.
22. Сборник обязательных постановлений президиума Вятского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [Текст]. – Вятка, 1926. – 350 с.
23. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918-1939 [Текст]: документы и материалы. В 4 т. Т.1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 864 с.; Т.2. 1923–1929 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 1168 с.
24. Совещание по вопросам советского строительства (23-27 февраля 1925 года) [Текст]. – Вятка, 1925. – 195 с.
25. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии [Текст]: сб. документов. – Киров: Книжное изд-во, 1957. – 624 с.
26. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР [Текст]. Т.1. 1917–1928 гг. – М.: Госюриздат, 1959. – 662 с.

Периодическая печать

1. Бюллетень Вятского губисполкома. – 1922. – №5.
2. Бюллетень Вятского губисполкома. – 1922. – №8-9.
3. Бюллетень Вятского губисполкома. – 1922. – №10.
4. Бюллетень Вятского губисполкома. – 1922. – №12.
5. Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №1.
6. Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №2.
7. Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №6.
8. Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №12.
9. Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №24.
10. Вятская деревня. – 1924. – 29 ноября.
11. Вятская деревня. – 1924. – 6 декабря.
12. Вятская деревня. – 1925. – 22 февраля.
13. Вятская деревня. – 1925. – 8 марта.
14. Вятская деревня. – 1925. – 28 июня.
15. Вятская деревня. – 1925. – 13 сентября.
16. Вятская деревня. – 1925. – 20 сентября.
17. Вятская деревня. – 1925. – 11 октября.
18. Вятская деревня. – 1925. – 25 октября.
19. Вятская деревня. – 1925. – 5 ноября.
20. Вятская деревня. – 1925. – 15 ноября.
21. Вятская деревня. – 1925. – 29 ноября.
22. Вятская деревня. – 1926. – 10 января.
23. Вятская деревня. – 1926. – 17 января.
24. Вятская правда. – 1918. – 15(2) марта.
25. Вятская правда. – 1918. – 19(6) марта.
26. Вятская правда. – 1918. – 2 августа.
27. Вятская правда. – 1921. – 30 января.
28. Вятская правда. – 1921. – 23 февраля.

29. Вятская правда. – 1921. – 22 мая.
30. Вятская правда. – 1921. – 25 ноября.
31. Вятская правда. – 1922. – 11 октября.
32. Вятская правда. – 1922. – 17 октября.
33. Вятская правда. – 1922. – 14 ноября.
34. Вятская правда. – 1922. – 30 ноября.
35. Вятская правда. – 1922. – 2 декабря.
36. Вятская правда. – 1923. – 6 марта.
37. Вятская правда. – 1924. – 6 сентября.
38. Вятская правда. – 1925. – 31 января.
39. Вятская правда. – 1925. – 19 апреля.
40. Деревенский коммунист. – 1919. – 4 февраля.
41. Деревенский коммунист. – 1919. – 13 февраля.
42. Деревенский коммунист. – 1919. – 22 февраля.
43. Деревенский коммунист. – 1919. – 16 марта.
44. Деревенский коммунист. – 1919. – 15 мая.
45. Деревенский коммунист. – 1919. – 16 мая.
46. Деревенский коммунист. – 1919. – 17 мая.
47. Деревенский коммунист. – 1919. – 20 мая.
48. Деревенский коммунист. – 1919. – 21 мая.
49. Известия Вятского губисполкома. – 1918. – 15 ноября.
50. Известия Вятского губисполкома. – 1919. – 14 февраля.
51. Известия Вятского губисполкома. – 1919. – 15 февраля.
52. Известия Вятского губисполкома. – 1919. – 27 февраля.
53. Известия Вятского губисполкома. – 1919. – 12 марта.
54. СЗ СССР. – 1924. – № 6. – Ст. 69.
55. СУ РСФСР. – 1924. – № 28. – Ст.266.
56. СУ РСФСР. – 1924. – №82. – Ст.827.
57. СУ РСФСР. – 1927. – №37. – Ст.244.
58. СУ РСФСР. – 1928. – №8. – Ст.73.

Статьи, речи современников

1. Булатов, Д. Перед XV губпартконференцией [Текст] / Д. Булатов // Бюллетень Вятского губкома РКП(б). – 1924. – №5-6. – С.3-8.
2. В.Б. На фронте хлебозаготовок [Текст] / В.Б. // Спутник большевика. – 1929. – №4. – С.24-25.
3. В.Б. Что и где плохо [Текст] / В.Б. // Спутник большевика. – 1929. – №6. – С.8-9.
4. Земельный вопрос в современной постановке (Стенограмма доклада тов. П.А. Месяцева на IV сессии ВЦИК) [Текст] // Сельскохозяйственная жизнь. – 1922. – №7.
5. Исупов, М. Низовой аппарат Вятской губернии [Текст] / М. Исупов // Вятско-Ветлужский край. – 1925. – №10. – С.8-28.
6. Крутиков, А.А. Вопросы пятилетки [Текст] / А.А. Крутиков // Вятско-Ветлужский край. – 1928. – №4. – С.11-30.
7. Манин, И. К вопросам крестьянского землеустройства губернии [Текст] / И. Манин // Вятско-Ветлужский край. – 1925. – №3. – С.64-73.
8. Месяцев, П.А. Направление и характер современной земельной политики [Текст] / П.А. Месяцев // Сельскохозяйственная жизнь. – 1922. – №5.
9. Митрофанов, А. Революционное земельное законодательство 1917-1920 гг. [Текст] / А. Митрофанов // Сельскохозяйственная жизнь. – 1922. – №7.
10. Петухов, В. Губернская сельскохозяйственная конференция [Текст] / В. Петухов // Вятская жизнь. – 1924. – №3. – С.26-32.
11. Решетников, П. Состояние сельского хозяйства Вятской губернии в 1924 году [Текст] / П. Решетников // Вятская жизнь. – 1924. – №3. – С.13-26.
12. Сельские советы и сходы [Текст] // Бюллетень Вятского губисполкома. – 1928. – №8. – С.1-4.

13. Сидоров, К. Как живёт деревня (Из материалов комиссии по исследованию деревни) [Текст] / К. Сидоров // Бюллетень губкома РКП(б). – 1925. – №2. – С.37-53.
14. Сормах, Н.Г. Мои воспоминания о 1917-18 годах [Текст] / Н.Г. Сормах // Спутник большевика. – 1927. – №7. – С.41-51.
15. Танаевский, В. Крестьянский двор. (Очерки обычного права Вятского края) [Текст] / В. Танаевский // Вятская жизнь. – 1924. – №2. – С.17-28.
16. Шефлер, М. Роль партии в восстановлении сельского хозяйства [Текст] / М. Шефлер // Известия Вятского губкома РКП(б). – 1922. – №6. – С.13-22.

Статистические и справочные издания

1. 200 лет Вятской губернии [Текст]: стат. сб. / под ред. В.А. Зырина. – Киров: ГИПП Вятка, 1996. – 437 с.
2. Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год [Текст]. – Вятка: Изд. губ. стат. комитета, 1916. – 502 с.
3. Статистический ежегодник Вятской губернии за 1922 г. [Текст] – Вятка, 1924. – 260 с.
4. Статистический справочник по Вятской губернии [Текст]. Ч.II. Распределение земель по категориям владения. – Вятка, 1917.

Исследования

1. Андреев, В.М. Российское крестьянство: навстречу судьбе. 1917–1921. [Текст] / В.М. Андреев. – Коломна, 1999. – 220 с.
2. Анучина, М.В. Особенности проведения продналоговой кампании 1922-23 года в Вятской губернии [Текст] / М.В. Анучина // Вятская земля в прошлом и настоящем: материалы республиканской IV научно-

практической конференции (К 100-летию со дня рождения профессора А.В. Эммаусского). – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С.116-120.

3. Бакулин, В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. [Текст] / В.И. Бакулин. – Киров, 2008. – 299 с.
4. Бакулин, В.И. Решение продовольственной проблемы в Вятской губернии на завершающем этапе «военного коммунизма [Текст] / В.И. Бакулин // Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: сб. научных статей. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – С.115-127.
5. Бакулин, В.И. Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии [Текст] / В.И. Бакулин // Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: сб. научных статей. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – С.45-58.
6. Бакулин, В.И. Хлебный вопрос в Вятской губернии в 1926–1928 гг. [Текст] / В.И. Бакулин // Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: сб. научных статей. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – С.146-153.
7. Бакулин, В.И. Сельская община при переходе к нэпу: Проблемы теории и практики (на материалах Вятской губернии) [Текст] / В.И. Бакулин, Е.И. Вознесенская // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2006. – №15. – С.17-24.
8. Безгин, В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX вв.) [Текст] / В.Б. Безгин // Вопросы истории. – 2005. – №3. – С.152-157.
9. Безгин, В.Б. Крестьянство и сельсовет в годы НЭПа [Текст] / В.Б. Безгин // Крестьяне и власть: тезисы докладов и сообщений научной конференции 7-8 апреля 1995 г. – Тамбов: ТГТУ, 1995. – С.86-87.
10. Бердинских, В.А. Крестьянская цивилизация в России [Текст] / В.А. Бердинских. – М.: «Аграф», 2001. – 432 с.

11. Бердинских, В.А. Россия и русские: Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев [Текст] / В.А. Бердинских. – Киров: ГИПП «Вятка», 1994. – 287 с.
12. Богатырёва, О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917) [Текст] / О.Н. Богатырёва. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. – 458 с.
13. Большаков, А.М. Деревня 1917–1927 [Текст] / А.М. Большаков. – М., 1927.
14. Бухараев, В.М. Крестьяне России в 1917 году: Пиррова победа «общинной революции» [Текст] / В.М. Бухараев, Д.И. Люкшин // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1998. – С.131-142.
15. Быстрова, А.С. Комитеты бедноты в Вятской губернии [Текст] / А.С. Быстрова. – Киров: Кировское книжное изд-во, 1956. – 115 с.
16. Венер, М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) [Текст] / М. Венер // Отечественная история. – 1993. – №5. – С.86-107.
17. Вронский, О.Г. Крестьянство и власть (1900–1923) [Текст] / О.Г. Вронский. – Тула: «Рарус», 1993. – 139 с.
18. Вшивцев, Ю.Н. Борьба партийных организаций за укрепление связи с массами в период перевыборной кампании Советов 1927 г. (на материалах Вятской губернии) [Текст] / Ю.Н. Вшивцев // Партия и Советы. – Киров: Волго-Вятское книжное изд-во. Кировское отделение, 1977. – С.27-43.
19. Гагарин, А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни [Текст] / А. Гагарин. – М.–Л., 1925.
20. Григорьев, В.С. Социальная работа в российской деревне: Крестьянская взаимопомощь в первой половине XX в. [Текст] / В.С. Григорьев. – Чебоксары, 1998. – 447 с.

21. Громыко, М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. [Текст] / М.М. Громыко. – М.: Наука, 1986. – 274 с.
22. Данилов, В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России [Текст] / В.П. Данилов // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992. – С.310-323.
23. Данилов, В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне [Текст] / В.П. Данилов // История СССР. – 1958. – № 3. – С. 90-128.
24. Данилов, В.П. Источниковедческие и археографические проблемы истории русской общины после Октябрьской революции [Текст] / В.П. Данилов // Археография и источниковедение. Северный археографический сборник. Вып.IV. – Сыктывкар, 1977. – С.82-96.
25. Данилов, В.П. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России [Текст] / В.П. Данилов // Проблемы социально-экономической истории России. – М: Наука, 1971. – С.341-359.
26. Данилов, В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. [Текст] / В.П. Данилов // Крестьяне и власть: Материалы конференции. – М.–Тамбов, 1996. – С.4-23.
27. Данилов, В.П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период: К вопросу о типологии общины на территории советских республик [Текст] / В.П. Данилов // Народы Азии и Африки. – 1973. – № 3. – С.42-54.
28. Данилов, В.П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства [Текст] / В.П. Данилов // Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы научной конференции 9-12 июня 1969 г. – М.: Наука, 1971. – С.212-253.
29. Данилов, В.П. Основные проблемы истории советского доколхозного крестьянства [Текст] / В.П. Данилов, В.П. Шерстобитов // Проблемы истории советского крестьянства: сб. статей. – М.: Наука, 1981. – С.6-30.
30. Данилов, В.П. Русская крестьянская община в современной историографии [Текст] / В.П. Данилов, Л.В. Данилова // Итоги и задачи

изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: тезисы докладов и сообщений. – М., 1986. – С.93-96.

31. Данилов, В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство [Текст] / В.П. Данилов. – М.: Наука, 1977. – 318 с.
32. Данилов, В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения [Текст] / В.П. Данилов. – М.: Наука, 1979. – 359 с.
33. Данилова, Л.В. Проблемы теории и истории общины [Текст] / Л.В. Данилова, В.П. Данилов // Община в Африке: Проблемы типологии. – М.: Наука, 1978. – С.9-60.
34. Дембо, Л.И. Крестьянский двор и земельное общество [Текст] / Л.И. Дембо. – Л.: Изд-во «Прибой», 1926.
35. Дёгтев, С.И. Нэп и крестьянская община [Текст] / С.И. Дёгтев // Научная программа: русский язык, культура, история: сб. материалов научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов, историков. Ч.II. – М., 1995. – С.122-130.
36. Дубровский, С.М. Очерки русской революции [Текст]. Вып.1. Сельское хозяйство / С.М. Дубровский. – М.: Изд-во Наркомзема «Новая деревня», 1923. – 404 с.
37. Ежегодник по аграрной истории [Текст]. Вып.VI. Проблемы истории русской общины. – Вологда: ВГПИ, 1976. – 160 с.
38. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1971 г. [Текст]. – Вильнюс, 1974.
39. Есиков, С.А. Советы в доколхозной деревне: состав, авторитет, власть [Текст] / С.А. Есиков, С.Л. Протасов // История Советской России: новые идеи, суждения: тезисы докладов республиканской научной конференции. Ч.1. – Тюмень, 1991. – С. 111-113.
40. Еферина, Т.В. Крестьянская община и власть (По материалам Мордовии) [Текст] / Т.В. Еферина // Крестьяне и власть: тезисы докладов и

сообщений научной конференции 7-8 апреля 1995 г. – Тамбов: ТГТУ, 1995. – С.31-32.

41. Жиромская, В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов [Текст] / В.Б. Жиромская. – М.: Наука, 1996. – 158 с.
42. Загвоздкин, Г.Г. Под знаком серпа и молота [Текст] / Г.Г. Загвоздкин // Энциклопедия земли Вятской. Т.4. История. – Киров, 1995. – С.359-378.
43. Зырянов, П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. [Текст] / П.Н. Зырянов. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
44. Иванов, Е.П. Политическая жизнь деревни и община накануне коллективизации (1926–1929 гг.) [Текст] / Е.П. Иванов // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР социально-политическое развитие деревни). – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1984. – С.115-123.
45. Кабанов, В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века [Текст] / В.В. Кабанов. – М., 1997. – 155 с.
46. Кабанов, В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» [Текст] / В.В. Кабанов. – М.: Наука, 1988. – 302 с.
47. Кабанов, В.В. Октябрьская революция и крестьянская община [Текст] / В.В. Кабанов // Исторические записки. Т.111. – М.: Наука, 1984. – С.100-150.
48. Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация [Текст]. В 2 кн. Кн.1. От начала до великой победы / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 640 с.
49. Касимова, Э.Г. Основные занятия населения Вятской губернии [Текст] / Э.Г. Касимова // Энциклопедия земли Вятской. Т.8. Этнография, фольклор. – Киров, 1998. – С.140-181.
50. Кашина, В.М. Первые аграрные мероприятия большевиков (глазами очевидцев) [Текст] / В.М. Кашина // Энциклопедия земли Вятской. Т.3. Кн.2. Крестьянство. XX век. – Киров, 2005. – С.54-69.
51. Кашина, В.М. Социальный конфликт в вятской деревне в период перехода к нэпу [Текст] / В.М. Кашина // Библиотечное краеведение в

развитии провинциальной культуры России: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Чудовой. – Киров, 2004.- С.244-251.

52. Келлер, В. Первые итоги аграрной реформы: Опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии [Текст] / В. Келлер, И. Романенко. – Воронеж, 1922.
53. Киндеев, К.Я. Вопросы землеустройства [Текст] / К.Я. Киндеев; под общ. ред. П.Я. Гурова. – М.: Изд-во НК РКИ, 1925.
54. Кирюхина, Е.И. Под знаменем Октября: Кировская область за 60 лет Советской власти [Текст] / Е.И. Кирюхина. – Киров: Волго-Вятское книжное изд-во, 1977. – 208 с.
55. Кирюхина, Е.И. Подготовка массовой коллективизации сельского хозяйства в Нижегородском крае в 1928–1929 гг. [Текст] / Е.И. Кирюхина // Учёные записки Кировского гос. пед. ин-та. Вып.28. Т.2. – Киров, 1966. – С.3-112.
56. Ковалёв, Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии) [Текст] / Д.В. Ковалёв. – М.: МПГУ, 2004. – 312 с.
57. Ковалёв, Д.В. Из истории модернизационных процессов в крестьянском хозяйстве России конца XIX – первой четверти XX века (на материалах Подмосковья) [Текст] / Д.В. Ковалёв // Отечественная история. – 2002. – №5. – С.177-187.
58. Козлов, Н.И. О земельном обществе [Текст] / Н.И. Козлов. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1926.
59. Кознова, И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства [Текст] / И.Е. Кознова. – М.: ИФ РАН, 2000. – 207 с.
60. Коновалова, О.В. В.М. Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров [Текст] / О.В. Коновалова // Отечественная история. – 2002. – №2. – С.43-60.

61. Кудюкина, М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926–1929 гг. [Текст] / М.М. Кудюкина // Историческое значение нэпа: сб. трудов АН СССР. – М.: Институт истории, 1990. – С.109-128.

62. Кукушкин, Ю.С. Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.) [Текст] / Ю.С. Кукушкин, Н.С. Тимофеев. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 208 с.

63. Куренышев, А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века [Текст] / А.А. Куренышев. – М.: Гос. исторический музей, 2000. – 232 с.

64. Кучумова, Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.) [Текст] / Л.И. Кучумова. – М.: Знание, 1992. – 64 с.

65. Лозбенев И.Н. Крестьянская община в годы нэпа // Вопросы истории. – 2005. – №4. – С.112-118.

66. Лужин, А. Низовой советский аппарат: сельсовет и волисполком [Текст] / А. Лужин, М. Резунов. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. – 279 с.

67. Луцкий, Е.А. О сущности уравнительного землепользования в Советской России [Текст] / Е.А. Луцкий // Вопросы истории. – 1956. – № 9. – С. 59-71.

68. Люкшин, Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение [Текст] / Д.И. Люкшин. – М.: АИРО–XXI, 2006. – 144 с.

69. Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) [Текст]: материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – 439 с.

70. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса [Текст] / Л.В. Милов. – М.: РОССПЭН, 1998.

71. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства [Текст]. В 2 т. Т.1. / Б.Н. Миронов – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с.

72. Миронова, Т.П. Нэп и крестьянство: Социально-психологический аспект [Текст] / Т.П. Миронова // НЭП в контексте исторического развития России XX века. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С.238-260.

73. Мусихин, В.Е. Вятские крестьяне в начале XX века [Текст] / В.Е. Мусихин // Энциклопедия земли Вятской. Т.4. История. – Киров, 1995. – С.282-297.

74. Никитина, Г.А. Кенеш – демократический орган самоуправления в общине [Текст] / Г.А. Никитина // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг. – Ижевск, 1991. – С.170-188.

75. Никитина, Г.А. Община [Текст] / Г.А. Никитина // Удмурты: историко-этнографические очерки. – Ижевск, 1993. – С.165-185.

76. Никитина, Г.А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 1930-х гг.) [Текст] / Г.А. Никитина. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 225 с.

77. Никитина, Г.А. Эволюция уравнительно-передельного механизма удмуртской общины (конец XIX – начало XX вв.) [Текст] / Г.А. Никитина // Политика и экономика Удмуртии советского периода: сб. статей / Отв. ред. С.Л. Бехтерев, О.И. Васильева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С.5-23.

78. Огановский, Н. Община и земельное товарищество [Текст] / Н. Огановский // О земле: Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. Вып.1. – М.: Гос. изд-во, 1921. – С.79-90.

79. Основные начала землепользования и землеустройства [Текст]: сб. статей, докладов и материалов. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. – 292 с.

80. Осокина, В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920–1933 [Текст] / В.Я. Осокина. – М.: Мысль, 1978. – 176 с.

81. Очерки истории Кировской области [Текст]. – Киров: Волго-Вятское книжное изд-во, 1972. – 454 с.

82. Очерки истории Кировской организации КПСС [Текст]. В 2 ч. Ч.2. 1918–1968. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1969. – 532 с.

83. Першин, П.Н. В.И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР [Текст] / П.Н. Першин // Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы научной конференции 9-12 июня 1969 г. – М.: Наука, 1971. – С.7-17.

84. Попова, Э.Д. Крестьянские комитеты Вятской губернии в 1917 г. [Текст] / Э.Д. Попова. – Киров: Волго-Вятское книжное изд-во, 1966. – 43 с.

85. Посадский, А.В. Крестьянская самооборона в годы Гражданской войны в России (восточный регион) [Текст] / А.В. Посадский // Отечественная история. – 2005. – №1. – С.125-132.

86. Резунов, М. Сельские Советы и земельные общества [Текст] / М. Резунов. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928. – 77 с.

87. [Реферат] [Текст] / С.В. Оболенская // История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – С.233-239. – Реф. ст.: Popular justice, community and culture among the russian peasentry 1870–1900 // The world of the russian peasent: post-emancipation culture and society / S. Frank. – Boston, 1990.

88. Рогалина, Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство [Текст] / Н.Л. Рогалина // НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. – С.139-150.

89. Россия нэповская [Текст] / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: Новый хронограф, 2002. – 446 с.

90. Саблин, В.А. Земельное общество и сельский Совет на Европейском Севере в 1920-е гг.: характер взаимоотношений [Текст] / В.А. Саблин // Крестьянство и власть на Европейском Севере России: материалы научной конференции (г. Вологда, 6-7 февраля 2003 г.). – Вологда, 2003. – С.110-117.

91. Саблин, В.А. Социальная стратификация и социальное поведение российской деревни 1900–1920-е гг. [Текст] / В.А. Саблин. – Вологда: Древности Севера, 2007. – 60 с.

92. Саблин, В.А. Хуторское землепользование на Европейском Севере России в 1920-е гг. [Текст] / В.А. Саблин // Двинская земля. Вып.3. Материалы третьих межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. – Вельск, 2004. – С.257-267.

93. Сафонов, А.А. Крестьянская община и Советская власть: К вопросу о роли общины в жизни послеоктябрьской деревни (на материалах Тамбовской деревни) [Текст] / А.А. Сафонов // Крестьяне и власть: Материалы конференции. – М.–Тамбов, 1996. – С.115-131.

94. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал [Текст]. Т.1. / Под общ. ред. А.Н. Афанасьева. – М., 1997. – 510 с.

95. Современные концепции аграрного развития: Теоретический семинар [Текст] // Отечественная история. – 1992. – №5 – С.3-31; 1993. – №2. – С.2-29; №6. – С.79-110; 1994. – № 2. – С.31-59; №4-5. – С.46-79; 1995. – №3. – С.101-134; №4. – С.3-33; 1996. – №4. – С.129-154; 1997.– №2. – С.139-160; 1998. – №1. – С.118-139; №6. – С.94-132.

96. Стефанова, И.И. Эпоха великих реформ и вятчане [Текст] / И.И. Стефанова // Энциклопедия земли Вятской. Т.4. История. – Киров, 1995. – С.183-204.

97. Столбова, Н.В. Кризис нэпа 1927–1929 гг. в Вятском регионе [Текст] / Н.В. Столбова // Вятская земля в прошлом и настоящем: материалы республиканской IV научно-практической конференции (К 100-летию со дня рождения профессора А.В. Эммаусского). – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С.120-121.

98. Столбова, Н.В. Экономическое развитие Вятской губернии в 1921–1926 гг. [Текст] / Н.В. Столбова // Вятская земля и актуальные проблемы отечественной истории XIX–XX вв. – Киров: Изд-во ВГПУ, 1999. – С.75-81.

99. Стрелкова, С.Л. Взаимоотношения сельских Советов и удмуртской общины в 1924–1925 гг. [Текст] / С.Л. Стрелкова // Актуальные проблемы истории: сб. статей. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. – С.106-110.

100. Судьбы российского крестьянства [Текст]. Кн.1. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. – 624 с.

101. Сухова, О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья) [Текст] / О.А. Сухова. – Пенза: ПГПУ, 2007. – 373 с.

102. Суходоев, В.Ф. Борьба трудящихся Вятской губернии за восстановление народного хозяйства в условиях перехода Советского государства к новой экономической политике (1921–1922 гг.) [Текст] / В.Ф. Суходоев // Учёные записки Кировского гос. пед. ин-та. Вып. 21. – Киров, 1971. – С.58-150.

103. Суходоев, В.Ф. Борьба трудящихся Вятской губернии за восстановление сельского хозяйства в условиях новой экономической политики (1923–1925 гг.) [Текст] / В.Ф. Суходоев // Учёные записки Кировского гос. пед. ин-та. Вып.28. Т.1. – Киров, 1966. – С.3-79.

104. Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [Текст]. Вып.1. – М., 1970.

105. Тезисы докладов и сообщений XШ сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [Текст]. – М., 1971.

106. Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [Текст]. Вып.II. – М., 1972.

107. Трапезников, С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства [Текст] / С.П. Трапезников. – М.: Госполитиздат, 1959. – 447 с.

108. Трапезников, С.П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана [Текст] / С.П. Трапезников. – М.: Мысль, 1965. – 615 с.

109. Третьяк, Л.В. Взаимоотношения Советского государства и крестьянской общины в 20-е годы (по материалам Рязанской губернии) [Текст] / Л.В. Третьяк // Крестьяне и власть: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7-8 апреля 1995 г. – Тамбов: ТГТУ, 1995. – С.88-90.

110. Третьяк, Л.В. Поземельные отношения в Рязанской общине в первой половине 20-х годов [Текст] / Л.В. Третьяк // Из истории России: идеи, суждения, опыт: сб. научных трудов / Под ред. Н.Г. Соколова. – Рязань: Изд-во РГПУ, 1993. – С.94-105.

111. Феноменов, М.Я. Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни [Текст]. В 2 ч. / М.Я. Феноменов. – Л.–М.: Гос. изд-во, 1925.

112. Хоробрых, Ф.А. О современной эволюции вятского крестьянства [Текст] / Ф.А. Хоробрых. – Вятка, 1927. – 44 с.

113. Чирков, А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 гг.) [Текст] / А.А. Чирков. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. – 172 с.

114. Шарапов, Г.В**.** К вопросу о сущности уравнительного землепользования в Советской России [Текст] / Г.В. Шарапов // Вопросы истории. – 1957. – №3. – С.113-119.

115. Шарапов, Г.В. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.) [Текст] / Г.В. Шарапов. – М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961. – 312 с.

116. Широков, М.М. Сельские Советы и крестьянские земельные общества в 1927–1929 гг. [Текст] / М.М. Широков // Из истории борьбы Коммунистической партии за победу буржуазно-демократической и социалистической революции и построения социализма в СССР. – М., 1968. – С.262-271.

117. Шишкин, В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия. 1917–1928 гг. [Текст] / В.А. Шишкин. – СПб.: Дм. Буланин, 1997. – 399 с.

118. Яковлев, Я. Деревня как она есть: Очерки Никольской волости [Текст] / Я. Яковлев. – М.: Изд-во «Красная новь», 1923.

119. Яковлев, Я. Наша деревня: Новое в старом и старое в новом [Текст] / Я. Яковлев. – М.: Изд-во «Красная новь», 1924.

Диссертации и авторефераты

1. Александров, Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.) [Текст]: автореф. дис. … канд. ист. наук / Ю.В. Александров. – Ижевск, 1998. – 26 с.

2. Алиева, Л.В. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России (1906-1930-е гг.) [Текст]: дис. … канд. ист. наук / Л.В. Алиева. – Псков, 2004. – 314 с.

3. Еферина, Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е гг. XIX века – 30-е годы XX века) [Текст]: автореф. дис. … канд. ист. наук / Т.В. Еферина. – Саранск, 1995. – 21 с.

4. Костина, Е.Г. Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии (1906–1917 гг.) [Текст]: автореф. дис. … канд. ист. наук / Е.Г. Костина. – Сыктывкар, 2005. – 22 с.

5. Костина, Е.Г. Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии (1906–1917 гг.) [Текст]: дис. … канд. ист. наук / Е.Г. Костина. – Киров, 2005. – 320 с.

6. Курашов, А.В. Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX – начала XX вв.: По материалам центральных губерний [Текст]: дис. … канд. ист. наук / А.В. Курашов. – Москва, 2003. – 206 с.

7. Леконцев, О.Н. Реформы Советов в 1921–1927 годах (На материалах Вотской автономной области и Вятской губернии) [Текст]: дис. … канд. ист. наук / О.Н. Леконцев. – М., 1995.
8. Мирошкин, В.В. Мордовская крестьянская община в первой трети XX века [Текст]: автореф. дис. … канд. ист. наук / В.В. Мирошкин. – Саранск, 2007. – 23 с.
9. Сафонов, А.А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. (социальные аспекты проблемы) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / А.А. Сафонов. – Воронеж, 1997. – 242 с.
10. Сухова, О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг. (По материалам Среднего Поволжья) [Текст]: автореф. дис. … доктора ист. наук / О.А. Сухова. – Самара, 2007. – 51 с.
11. Титков, Е.П. Советское строительство в деревне Нижегородской и Вятской губерний в первый год пролетарской диктатуры [Текст]: дис. … канд. ист. наук / Е.П. Титков. – М., 1984. – 289 с.
12. Чемоданов, И.В. Вятское крестьянство в период НЭПа (1921–1929 гг.) [Текст]: автореф. дис. … канд. ист. наук / И.В. Чемоданов. – Сыктывкар, 2005. – 24 с.
13. Яхшиян, О.Ю. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 20-х годов [Текст]: дис. … канд. ист. наук / О.Ю. Яхшиян. – М., 1998. – 219 с.

Приложения

Приложение 1.

Сведения об образовании Советов в Орловском уезде (январь-март 1918 г.)[809]

Волость	Дата, на которую имеются сведения	Количество Советов		
		волостных	общественных (сельских)	деревенских (селенных)
Адышевская	5(18) февраля 1918 г.	1	7	36
Верхораменская	29 января 1918 г.	1	3	–
Желтопесковская	31 января 1918 г.	1	11 (общественные исполкомы)	–
Илганская	5(18) февраля 1918 г.	1	7	–
Истобенская	1(14) февраля 1918 г.	1	8	–
Камешницкая	Январь 1918 г.	1	6	41
Кожинская	5(18) февраля 1918 г.	1	–	–
Коршинская	29 января 1918 г.	1	14	–
	5(18) февраля 1918 г.	1	12	81
Лесниковская	1 февраля 1918 г.	1	6	–
Пинюжанская	13(26) февраля 1918 г.	1	7	1 районный и 23 поселковых
Рыбинская	2 февраля 1918 г.	1	9	В каждом селении – деревенский комитет
Чудиновская	11 марта 1918 г.	–	–	100
Шелеговская	4 февраля	1	10	87

[809] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.111. – Л.5-5об., 13-14 об., 17, 18 об., 23, 26,27-30, 32-33об., 35-36, 38-41, 45-45об., 57об., 67-71об.; Д.139. – Л.218.

	1918 г.			
Шараповская	20 января 1918 г.	1	9	–
Ярковская	29 января 1918 г.	1	9	–

Приложение 2.

Схема местных органов Советской власти по постановлению II губернского съезда Советов[810]

Деревенский комитет

(избирается общим собранием селения на 1 год)

Общественное собрание

(созывается волисполкомом, общественным комиссаром)

Общественный комиссар

(избирается общественным собранием на 1 год)

Волостной Совет депутатов

(депутаты избираются от всех сел и деревень на 1 год: 1 депутат от 50-100 правомочных граждан селения, если больше граждан, то 1 депутат от каждых 100)

Волостной исполнительный комитет

(избирается волостным Советом и состоит из отделов)

Уездный Совет депутатов

(депутаты избираются по 2 от каждой волости и от уездного города на 1 год)

Уездный исполнительный комитет

(избирается уездным Советом и состоит из отделов)

Губернский Совет

(состоит из избранных представителей от уездов, городов, горных округов по определенной квоте; всего из 126 представителей)

Губинском

(состоит из представителей всех уездов, крупнейших заводов, съезда Красной армии и партийных фракций, стоящих на платформе Советской власти)

---

[810] 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Аппарель 1918 г. – Вятка, 1918. – С.169-178.

Приложение 3.

Структура местных Советов в Вятском уезде на сентябрь-октябрь 1919 г.[811]

Волость	Количество сельских обществ/селений	Советы	
		общественные	селенные (селенские)
Бобинская	4/91	Советов нет, во главе обществ комиссары	30
Вожгальская	6/104	Общественные советы состоят из одних общественных комиссаров	104
Загарская	3/64	Советов нет, дано распоряжение их создать	34
Кстининская	8/173	Советов нет, во главе обществ комиссары	82
Куменская	6/71	Советов нет, во главе обществ «общественные начальники»	68
Макарьевская	4/83	4 Во главе стоят председатели (сельские старосты)	65
Медянская	4/92	Советов нет, во главе обществ комиссары (в двух обществах у комиссаров есть по 2 помощника)	70
Нагорская	9/103	9 Состоят из председателей селенских советов	103
Пальничная	7/83	Советов нет, во главе обществ комиссары	78
Поломская	6/77	Советов нет, во главе обществ комиссары	74
Просницкая	4/90	8 «Общественных советов нет, а организованы Сельские Советы из 3х лиц: председатель, секретарь, рассыльный»	–
Рохинская	6/121	Советов нет, во главе обществ комиссары	58

[811] ГАКО. – Ф.Р-879. – Оп.1. – Д.99. – Л.2-3об., 5-7, 9-10об., 11-13, 14-15об., 18-19об., 21-22об., 24-25об, 28-29, 31-32об., 34-35об., 37-38, 40-41об., 43-44об., 45-47, 48-49об., 51-52, 55-56, 58-60, 81-82об., 139об.

Селезеневская	6/96	Советов нет, во главе обществ «сельские комиссары»	91
Сулаевская	6/66	Советов нет, во главе обществ комиссары	62
Троицкая	6/141	Советов нет, во главе обществ комиссары	56
Чепецкая	6/99	Советов нет, во главе обществ комиссары	74
Щербининская	6/77	Советов нет, во главе обществ комиссары	36
Югринская	7/112	7 Советы состоят из комиссара, его помощника и секретаря	101
Якимовагинская	6/98	Советов нет, во главе обществ «общественные начальники»	57
Якшинская	6/64	Советов нет, во главе обществ комиссары	58

Приложение 4.

Сельские общества и сельские Советы в 1915 и 1920 гг.[812]

Волость	1915		1920	
	Число сельских обществ	Число селений	Число сельских Советов	Число селений
Вятский уезд				
Бобинская	4	92	6	101
Вожгальская	6	100	7	104
Загарская	3	65	3	82
Кстининская	8	171	8	183
Куменская	6	71	6	74
Лемская	5(Глазовск. уезд)	41	5	44
Макарьевская	4	83	4	92
Медянская	4	92	4	94
Нагорская	9	103	9	112
Пальничная	7	83	6	83
Пасеговская	6	93	6	113
Поломская	6	77	6	90
Просницкая	4	90	4	97
Рохинская	6	121	6	133
Селезеневская	6	98	6	100
Сулаевская	6	64	6	67
Троицкая	6	141	6	143
Филипповская	6	67	6	70
Чепецкая	6	102	6	108
Щербининская	6	84	6	90
Югринская	7	120	7	123
Якимовагинская	6	98	6	105
Якшинская	6	68	6	68
Котельничский уезд				
Александровская	не было (др. губерния)	–	4	72
Архангельская	5	88	5	94
Арбажская	7(Сосновск.)	63	7	61
Батаевская	10	128	8	83
Вагинская	5	119	5	121
Васильковская	5	90	5(Советск.у.)	82
Верхопижемская	4	51	4	52
Верхотульская	не было	–	6	44
Даровская	12	327	12	330
Игумновская	9	208	9	212
Казаковская	8	180	8	178
Киселевская	7	141	не было	–
Ключевская	7	124	7	137
Красавская	6	92	8	109
Круглыжская	8	167	9	164

[812] Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год. – Вятка, 1916. – С.1-42; Статистический ежегодник Вятской губернии за 1922 г. – Вятка, 1924. – С.11-20.

Луптюжская	не было (др. губерния)	–	3	67
Медведевская	10	187	не было	–
Молосниковская	5	138	5	142
Морозовская	3	73	3	77
Петровская	5	109	5	112
Рязановская	6	193	6	194
Синцовская	6	130	6	135
Смертинская	6	136	6	139
Соболевская	4	105	4	106
Сорвижская	9	121	8	94
Спасопреображенск.	6	130	6	135
Тороповская	10	214	9	193
Троцкая	не было	–	8	163
Ульяновская	не было	–	7	116
Халтуринская	8(Гвоздевская)	144	8	149
Чернониколаевская	не было (др. губерния)	–	8	153
Чистопольская	не было	–	3	48
Шембетская	не было	–	4	49
Шубенская	7	168	8	168
Юмская	не было	–	11	133

Приложение 5.

Сроки переделов общинных земель в Вятской губернии (по данным гнездовой переписи 405 селений в 1926 г.)[813]

Срок передела	Количество селений
До 3 лет	10
3–6 лет	19
6–9 лет	94
9–12 лет	123
Более 12 лет	159

[813] ГАКО. – Ф.Р-1053. – Оп.1. – Д.898. – Л.54.

Приложение 6.

Землепользование до и после революции по результаты гнездовой переписи 1926 г. 720 земобществ (селений)[814]

Форма землепользования		Число земобществ
На момент обследования	До революции	
Общинная	Общинная	412
	Подворная	4
	Смешанная	227
Подворная	Общинная	3
	Подворная	7
	Смешанная	3
Смешанная	Общинная	3
	Подворная	–
	Смешанная	61

[814] ГАКО. – Ф.Р-1053. – Оп.1. – Д.898. – Л.54.

Приложение 7.

Многопольные севообороты в Вятской губернии по годам возникновения и формам землепользования[815]

Годы	Общинные	Коллективные	Единоличные
До 1910	33	3	44
1911–1917	68	–	184
1918–1924	359	15	128
1925–1926	1072	25	60
1927–1928	1055	45	48
Всего	2587	88	464

[815] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.3016. – Л.33.

Приложение 8.

Причины, задерживающие осуществление землеустройства (по данным анкетного обследования губстатбюро более 800 ответов в 1924 г.)[816]

Уезды	Название причин, задерживающих проведение землеустройства			
	Дороговизна землеустроительных работ	Отсутствие согласия соседей	Неудовлетворение ходатайств о проведении работ	Прочие причины[817]
	% показаний			
Вятский	51	23	10	16
Котельничский	49	16	18	17
Малмыжский	32	25	30	13
Нолинский	55	21	11	13
Омутнинский	67	17	12	4
Слободской	53	19	13	15
Уржумский	55	21	18	6
Халтуринский	49	19	13	20
Яранский	53	15	15	17
По губернии	52	19	15	14

[816] Манин И. К вопросам крестьянского землеустройства губернии // Вятско-Ветлужский край. – 1925. – №3. – С.69.
[817] В источнике не расшифровываются.

Приложение 9.

Предпочтения вятского крестьянства в выборе формы землепользования (по данным анкетного обследования губстатбюро более 800 ответов в 1924 г.)[818]

Уезды	Какую форму землепользования большинство крестьян находит для себя наиболее удобной?				
	Общинное	Разверстание на поселки	Отруба	Хутора	Коллективы
	Процентное отношение ответов на этот вопрос				
Вятский	53	11	21	10	5
Котельничский	53	6	19	21	1
Малмыжский	51	26	16	5	2
Нолинский	60	12	10	17	1
Омутнинский	40	4	22	20	4
Слободской	54	2,5	30	12	1,5
Уржумский	57	11	18	9	5
Халтуринский	62	4	20	12	2
Яранский	56	13	18	11	2
По губернии	55	9,4	19	14	2,6

[818] Манин И. К вопросам крестьянского землеустройства губернии // Вятско-Ветлужский край. – 1925. – №3. – С.68.

Приложение 10.

Землеустроительные работы по некоторым категориям с 1921 по 1925 г. (в десятинах)[819]

Год	Групповое землеустройство	Выдел хуторов и отрубов, раздел селений на отруба и хутора	Выдел земли коллективным хозяйствам
1921	557,21	32,72	5351,48
1922	16340,51	2338,45	4898,07
1923	19281,05	2939,44	1988,71
1924	24926,09	2402,59	1799,94
1925	38829	1245	1626

[819] ГАКО. – Ф.Р-1062. – Оп.1. – Д.2374. – Л.40.

Приложение 11.

Темпы увеличения/уменьшения социально-экономических групп крестьянских хозяйств в Вятской губернии в 1924–1926 гг.[820]

Группы	Годы		
	1924	1925	1926
Маломощные	100	82,5	71,8
Среднемощные	100	107,6	112,2
Высокомощные	100	138,7	165,6

Маломощные хозяйства: безлошадные и беспосевные; безлошадные с посевом до 4 дес.; однолошадные с посевом до 2 дес.

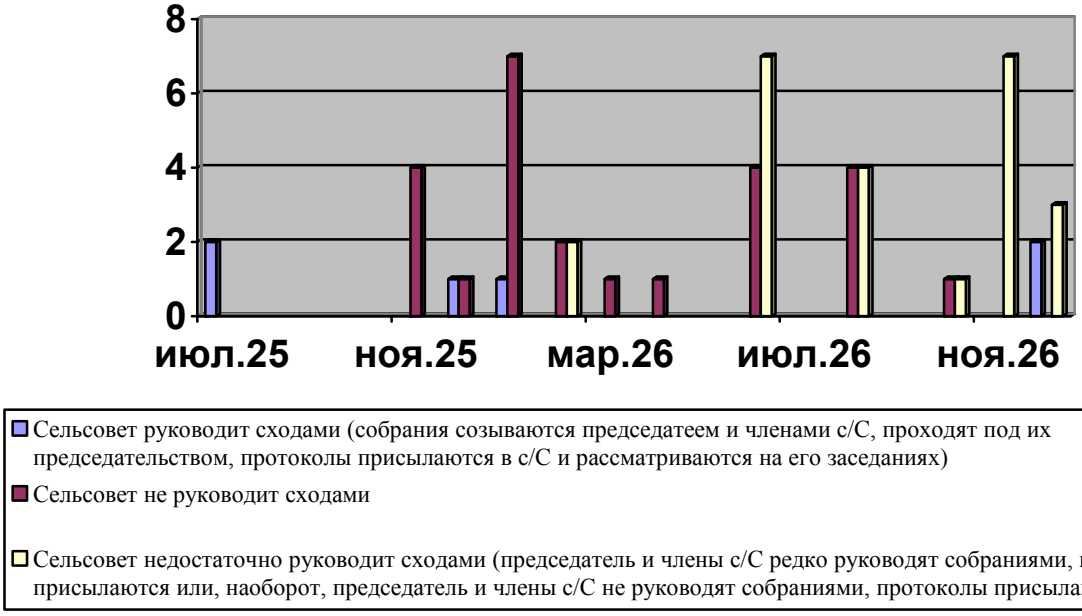
Среднемощные хозяйства: безлошадные с посевом от 4 и более дес.; однолошадные с посевом от 4 до 8 дес.

Высокомощные хозяйства: двух- и трехлошадные с посевом более 2 дес; однолошадные с посевом более 8 дес.

[820] Хоробрых Ф.А. О современной эволюции вятского крестьянства. – Вятка, 1927. – С.9, 10.

Приложение 12.

Руководство сельсоветов деревенскими сходами (по данным обследования сельсоветов Котельничского уезда в 1925-1926 гг.)[821]



[821] ГАКО. – Ф.Р-1374. – Оп.1. – Д.361. – Л.1-1об., 27об., 40, 44, 92, 100об.-101, 144об., 146об., 149об., 152, 155, 170об., 176об., 182, 204, 208об., 213об., 275, 277об., 305об., 309, 312, 317об., 323об., 357, 362, 392об., 396об., 401об.-402, 423об., 431, 438, 445, 449, 459об., 515об., 520об., 556об., 590об., 596об., 600, 794об., 823, 858, 863, 869об., 896, 901, 905, 909, 915-916, 922.